

ЭВАЛЬД ИЛЬЕНКОВ · ВАЛЕНТИН КОРОВИКОВ

ЭВАЛЬД ИЛЬЕНКОВ
ВАЛЕНТИН КОРОВИКОВ

СТРАСТИ ПО ТЕЗИСАМ

СТРАСТИ ПО ТЕЗИСАМ

О ПРЕДМЕТЕ ФИЛОСОФИИ

1954-1955

Эвальд Ильенков • Валентин Коровиков

СТРАСТИ ПО ТЕЗИСАМ

о предмете философии
1954–1955

МОСКВА
КАН Н+
2016

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-08-03-00816а

И45

Ильенков Э., Коровиков В.

Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) /
Авт.-сост. Е. Иллеш. – Москва : Издательство «Канон+» РООИ
«Реабилитация», 2016. – 272 с.

ISBN 978-5-88373-500-3

Жанр этой книги – философский детектив – сложился сам собой. Потому что история отечественной философии в ее наиболее драматических, переломных моментах оказывается, при ее внимательном рассмотрении, вполне детективной.

В центре описываемых событий – знаменитые Тезисы о предмете философии Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова 1954–1955-х годов. Здесь представлены как оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты авторов нашедших тезисов, так и многочисленные архивные материалы – протоколы, стенограммы заседаний и обсуждений в различных коллективах и инстанциях – университетских, академических, партийных. Можно убедиться в том, какие нешуточные страсти бушевали за тем, что потом отражалось в невыразительных формулировках учебников.

Книга адресована всем, кого интересуют метаморфозы общественного сознания и судьба отечественной философии.

Готовятся к изданию не публиковавшиеся прежде ранние работы из архива Эвальда Ильенкова, а также материалы других архивов, характеризующие начальный период творчества философа.

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-500-3

© Е. Иллеш, 2016
© В. Лекторский, 2016
© И. Раскин, 2016
© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация», 2016
© Я. Смирнов, М.Б. Ключко, оформление, 2016

Содержание

<i>Владислав Лекторский. Глазами очевидца. (Вместо предисловия)</i>	5
<i>Елена Иллеш. Пропавшие тезисы</i>	14
Стиляги от философии	14
Кто эти люди?	18
Коровиков дерзит	24
Суд над тезисами	28
Отречение	31
«Философский разврат»	45
Письмо в редакцию	49
«Евангелие» от Ильенкова	53
«Куда зовут нас тезисы?»	56
Почему Ильенков остался без выговора?	64
Канта приказано сделать великим	69
Вредительство международного масштаба	75
Признать меньшевиствующим идеалистом!	79
Суд высшей инстанции	85
Линия обороны	93
«Нож в спину диалектического материализма»	98
Тайна письма Тодора Павлова	99
Тайна письма Тодора Павлова. Продолжение	122
За два месяца до XX съезда	139
 Реконструкция тезисов Э. Ильенкова и В. Коровикова	143
 <i>Илья Раскин. Страсти по предмету</i>	148
Немного предыстории	148
О жанре	150

Что это было?	151
Победили или проиграли Коровиков и Ильенков? ..	152
Предмет тезисов, предмет дискуссии: предмет философии	153
Онтология	158
20 лет спустя	160
Что дальше	161
Почему «Капитал»?	163
Больше чем наука	166
<i>Эвальд Ильенков. Философская тетрадь</i>	<i>169</i>
К вопросу о предмете философии	169
«Относительно вопроса...»	228
<i>Эвальд Ильенков, Валентин Коровиков.</i>	
Относительно вопроса о предмете философии как науки	229
<i>Владислав Лекторский. Размышления о судьбе философии и ее предмете. (Вместо заключения)</i>	<i>235</i>
О контексте Тезисов	235
Основные идеи Тезисов	238
После Тезисов	241
Остается ли предмет философии одним и тем же? ..	244
Философия сегодня	248
Приложения.	
Приложение 1. Наградной лист	253
Приложение 2. Хронология событий	255
Приложение 3. Действующие лица	258
Именной указатель	269

Владислав Лекторский

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА (Вместо предисловия)

Многим из тех, кто в нашей стране занимается философией, известна хотя бы в общих чертах история с тезисами о предмете философии, случившаяся в МГУ в пятидесятые годы. Авторами тех тезисов были Эвальд Ильенков и Валентин Коровиков. Связанная с ними и их произведением история тянулась почти два года и оставила заметный след в истории отечественной философии. Наша книга посвящена подробностям тех событий и восстановлению идей молодого Эвальда Ильенкова о предмете философии.

Была весна 1955 года, Коровикова уже не было на факультете, Ильенкова тоже. Но волнения вокруг дискуссии об их тезисах о предмете философии еще не утихли, наоборот, были в самом, можно сказать, разгаре. Эвальд Васильевич был руководителем моей дипломной работы, и у меня вполне могли возникнуть трудности при защите, потому что в той дискуссии я был активным сторонником авторов тезисов.

Э.В. Ильенков мне так и сказал: «Тебя могут завалить на защите» – и посоветовал мне сменить научного руководителя. Тогда на факультете после долгого отсутствия вновь появился Михаил Федотович Овсянников. Как мне рассказывал Эвальд Васильевич, его уволили с факуль-

тета после дискуссии по проблемам истории философии 1947 года. Сталин тогда высказался в том роде, что немецкая классическая философия есть аристократическая реакция на Французскую революцию. Овсянников же полагал, что это неверно, какой Гегель аристократ... В общем, Овсянникова уволили под каким-то предлогом и послали в Областной педагогический институт. И только весной 55-го года он смог вернуться на факультет, на кафедру истории зарубежной философии. Эвальд Васильевич позвонил Овсянникову и велел мне к нему ехать.

Михаил Федотович жил где-то на Студенческой улице, в каком-то общежитии, в огромной коммуналке. Там он обретался в захолустной комнатенке. Он согласился стать моим научным руководителем, и я смог защитить диплом.

Я поступил на факультет в 50-м году. Отчасти это была случайность. Впрочем, вся жизнь состоит из случайностей, а потом оказывается, что все на самом деле не так уж и случайно. В школе я больше интересовался точными науками и литературой. Достоевского стал читать, когда его не преподавали. История мне тоже была интересна. Я вообще собирался поступать на исторический факультет МГУ. Но в последний момент что-то меня остановило. Конечно, повлиял еще и Генрих Батищев. С четвертого класса я с ним учился в одном классе. Его семья переехала в Москву из Казани, а отец был философом, причем со странной судьбой. С одной стороны, вполне благополучный человек, работал в ЦК ВКП(б), и все было бы хорошо, если бы не случайность, которая поломала его карьеру. А дело было так. В начале войны Сталин в докладе об Октябрьской революции, говоря о русской нации, упомянул фамилию Плеханова рядом с именем Ленина. Все решили, что таким образом Сталин высоко оценил Плеханова, все же понимали, что Сталин ничего зря не говорит. Началь-

ником управления пропаганды, где работал Батищев, был Г.Ф. Александров. Он вызвал Батищева и поручил ему написать статью для журнала «Большевик» с правильной оценкой Плеханова. Ну, Батищев сел и написал эту статью, она была опубликована. Прочитав ее, Сталин вызвал Александрова и спросил: а кто такой этот Батищев? «Он работает в ЦК, в нашем отделе», – ответил Александров. «Вы меня не поняли, тов. Александров. Вы мне скажите: он большевик или меньшевик?». И все. Достаточно было такого вопроса, чтобы стало понятно, что Батищеву нельзя оставаться работать в ЦК ВКП(б). Возможно, Сталину показалось, что это меньшевистская статья. С. Батищева освободили от должности в аппарате ЦК партии и перевели на другую работу.

Шла война, мой отец был на фронте, я ходил к Батищевым довольно часто, Генрих меня приглашал. Так что я знал его отца. После увольнения из ЦК он все время болел, то в одну больницу ездил, то в другую. Работал он в то время в Плехановском институте, тогда это был Московский экономический институт. Понятно, что Генрих со временем заинтересовался философией, и, помню, в восьмом или в девятом классе он меня спросил: «А ты читал “Анти-Дюринг”?». Я ответил, что не читал. «Образованному человеку не читать “Анти-Дюринга” стыдно...». Так он меня пристыдил, и когда мы кончали 10 класс, Генрих сказал, что надо идти на философский факультет. И я подумал, что, может быть, это как раз мое место и есть.

Родители, конечно, слегка удивились, тем более что тогда была памятная дискуссия по «Истории философии» Александрова, и казалось, что заниматься философией – опасное дело.

Я кончил школу с золотой медалью, поэтому поступил без экзаменов, было только собеседование. А с Генрихом Батищевым заминка произошла, хотя он тоже с

медалью закончил, только не с золотой, а с серебряной. Его тоже могли бы принять без экзаменов. Но не приняли, возможно, из-за отца. Поэтому Генрих поступил в Экономический институт, где преподавал старший Батищев, и только через год ему удалось перевестись на философский факультет, поэтому он на год от меня отставал, на год позже меня закончил.

Вот так я в 1950 году оказался на факультете. И во многом был разочарован. Дело в том, что я учился в очень хорошей школе, где даже во времена расцвета сталинизма нас не очень донимали разговорами о Сталине. Я помню даже такой эпизод. «Основы дарвинизма» – был у нас такой предмет – вел у нас блестящий преподаватель. 1948 год, сессия ВАСХНИЛ, видимо, надо было нам в головы вбивать идеи Лысенко. Но учитель сказал: «Что касается сессии ВАСХНИЛ, возьмите газеты, почитайте, сами все поймете».

А в Университете, да, там Сталин был на каждом шагу – в курсах диамата, логики, теории познания, повсюду. К тому же только что вышла работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Единственным светлым пятном была психология. Петр Яковлевич Гальперин у нас читал прекрасные лекции, он нам Выготского излагал, и он же вел у нас семинары. Но это было, конечно, исключение.

И вот 53-й год. Вскоре после смерти Сталина Эвальд Васильевич защитил диссертацию, и через какое-то время начался его спецкурс, на который я записался. То, что он нам рассказывал о диалектике абстрактного и конкретного, для меня было чем-то необычным, я сначала не мог этого принять. От абстрактного к конкретному – как это? Ведь всем известно, что опыт – это нечто конкретное, а мышление исходит из опыта... Я пошел в Горьковскую библиотеку читать диссертацию Эвальда Васильевича.

Постепенно все больше и больше стал понимать, насколько это интересно, насколько это непохоже на тот диамат, который нам втолковывали. Для меня это было событием, даже, я бы сказал, откровением. И не только для меня, пожалуй, для всей нашей группы.

Первая дискуссия по тезисам была в 54-м году, я учился на 4-м курсе. Я там даже выступал. Как ни странно – хотя прошло уже 60 лет – все основные идеи этих тезисов я запомнил. Еще помню, что было очень много людей: битком забитая преподавателями и студентами аудитория. Не помню, было ли это заседание Ученого совета или просто заседание кафедры. Может быть, и кафедры, но поскольку пригласили массу людей, было настоящее столпотворение, так что это стало событием для всего факультета. Эвальда Васильевича знали, у него было немало сторонников, какие-то преподаватели ему сочувствовали. А для нас все происходящее было ново и необычно.

Выступал Эвальд Васильевич, выступал Коровиков. Не помню точно, кто вел заседание, наверное, Т.И. Ойзерман. В защиту тезисов он не выступал. Хотя мне казалось, что должен был бы, потому что и Коровиков, и Ильенков были преподавателями его кафедры (сегодня я понимаю, что Теодор Ильич никогда не разделял идей Ильенкова относительно предмета философии, хотя ценил Эвальда Васильевича как талантливого человека и считал, что сама проблема, поставленная в тезисах, нуждается в обсуждении). Помню, как выступали некоторые оппоненты и некоторые сторонники. Сторонников, тех, кто выступал в защиту тезисов, было, конечно, меньшинство. Среди них был Александр Зиновьев. Потом пути Ильенкова и Зиновьева разошлись, но тогда их многое объединяло. На защите диссертации Зиновьева Ильенков выступал в его поддержку, хотя у них разные позиции были, разное понимание логики «Капитала», но тогда они были

союзниками. На обсуждении тезисов с факультета выступал еще Г. Щедровицкий. Пришел П. Копнин, он не работал на факультете, он тогда стажировался в Институте философии. Еще в защиту тезисов выступал А. Арсеньев, его выступление я запомнил. Он говорил примерно так: чего вы ссылаетесь на Ленина, теорию отражения, «Эмпириокритицизм». Ведь Ленин после «Эмпириокритицизма» написал «Философские тетради», где сказано, что до сих пор марксисты не поняли Маркса, потому что они не читали «Логику» Гегеля, и когда он это писал, он имел в виду и себя самого, раннего Ленина, автора «Материализма и эмпириокритицизма», это работа незрелого Ленина. На него, конечно, накнулись... Из студентов с защитой тезисов выступал, если мне не изменяет память, один только я.

Но в основном, конечно, была ругань в адрес тезисов. Выступали два студента с критикой. И не удивительно, что именно их приняли потом в аспирантуру, а не меня, хотя у меня была рекомендация еще с самого начала пятого курса.

В теоретическом отношении тезисы, особенно по тем временам, выглядели мощно. Основная идея состояла в том, что предмет философии – это теория познания, теория мышления, учение о мышлении... Но с точки зрения того, что было тогда принято, возникало откровенное противоречие. Во-первых, получается, что теория мышления и теория познания – это одно и то же. У Ленина тоже так написано (диалектика, логика и теория познания – это одно и то же). А у нас принято было думать иначе: сначала чувственная ступень познания, потом мышление появляется. А в тезисах познание сводится к теории мышления. Кстати, по Гегелю так оно и есть. Это один из пунктов тезисов, вызвавший шквал критики. Второй – объективная и субъективная диалектика. Для авторов тезисов – нет

между ними разницы. А нам же внушали иное, подчеркивая различие, несовпадение: субъективная диалектика – в голове человека, а объективная диалектика – учение о мире, о процессах, которые в мире происходят. Где у вас это все в тезисах? Пропадает куда-то. А еще учение о формации, о классовой борьбе – ведь это же главное в марксизме. Партийность в философии... Это были пункты демагогические. Но в контексте того, как понималась в то время философия, на подобные обвинения нелегко было отвечать. Так что тезисы были уязвимы.

Я помню, как отвечал Эвальд Васильевич на вопрос о соотношении диалектики объективной и субъективной. Смысл тезисов в том, что здесь есть совпадение. Ведь законы мышления – это «съемка» законов бытия, именно в мышлении законы бытия выделяются в чистом виде. Изучая мышление, мы тем самым изучаем объективные законы мира. И ведь Эвальд Васильевич на самом деле от этого принципиального пункта тезисов никогда не отказывался. Я имею в виду его последующие работы, в частности, у него была опубликована замечательная статья о тождестве бытия и мышления. Я в то время уже работал в Институте философии. Был скандал в связи с этой статьей: как это бытие совпадает с мышлением? На самом же деле идея тождества принципиальна. Бытие, конечно, есть, и оно не зависит от мышления. Но всеобщие характеристики бытия и способ мышления совпадают. То, что в мышлении не совпадает с бытием – изучают психология, психопатология, но это уже не предмет философии.

Время шло, начался новый учебный год: 1954–1955. Эвальд Васильевич и Валентин Иванович продолжают вести занятия. Новый этап поношения тезисов начался уже с весны 55-го года, когда на факультете появилась комиссия ЦК КПСС. Это было следствием партсобрания, на котором выступили с «крамольными» идеями некоторые

наши студенты и аспиранты. Об этом партсобрании вы прочитаете в нашей книге, а пока я расскажу об одном из выступавших. Это Андрей Могилев, я его хорошо знал, он был парторг нашего курса. Участник войны, сталинский стипендиат. После выступления на том знаменательном партсобрании его исключили из партии, не допустили до защиты диплома. Он ходил жаловаться к Е. Фурцевой, она тогда была секретарем Московского горкома. До поступления на факультет он некоторое время работал строителем, поставил какие-то рекорды и был представлен Фурцевой. И она ему помогла: его восстановили в партии, правда, с выговором, диплом он с горем пополам защитил. Она же его устроила работать на стройку кинотеатра «Стрела», он был сначала строителем, а потом и первым директором этого кинотеатра. Через десять лет с него сняли выговор. В студенческие годы Могилев нам казался таким ортодоксом, ни в какие дискуссии философские он не лез, такой был благополучный и проверенный человек, и вот поди ж ты...

Когда работала комиссия, она, конечно, и про дискуссию прознала, про «гносеологов», к которым меня тоже причисляли. «Гносеолог» – это чуть ли не враг народа. Но ведь история с тезисами имела колоссальное влияние на всю нашу философию. Рождалась по-настоящему философская проблематика, противостоящая догматической интерпретации «объективной диалектики», которой нас учили, и которая на деле расшифровывалась как учение Лысенко о видообразовании, учение Павлова о рефлексх, как совокупность примеров из разных областей знаний, а философ должен был доказывать, что все это и есть проявления объективной диалектики. Но в этом случае не нужна никакая философская деятельность. А Ильенков с Коровиковым своими тезисами открыли такую сферу, такое новое интеллектуальное пространство, где можно

работать философам, и по существу сама философская жизнь после этого становилась другой.

Когда у нас писали историю советской философии в 70-е годы, один автор представил события 50-х и 60-х годов как противостояние двух направлений – онтологического и гносеологического. На самом же деле это была не дискуссия онтологов с гносеологами, она была совсем о другом. Это было противостояние людей, которые занимались настоящей философией, и тех, кто никаких идей не имел, кроме одной – отстоять свое существование, свое положение, продемонстрировать свою ортодоксальность. А что касается Эвальда Васильевича, то, насколько я представляю его понимание философии, он от принципиальных положений Тезисов не отступал, хотя в некотором отношении расширил их понимание.

Елена Иллеш

ПРОПАВШИЕ ТЕЗИСЫ

Стиляги от философии

Такое странное на первый взгляд название главы возникло неслучайно – именно так обозвал Эвальда Ильенкова и Валентина Коровикова один из их оппонентов. И на фоне стандартных обвинений в меньшевистствующем идеализме или в гегельянщине это было достаточно свежее и в духе того времени «оскорбление».

Коротко напомним сюжет: в 1953 году Эвальд Ильенков и Валентин Коровиков, только что защитившие свои кандидатские диссертации, были оставлены на философском факультете МГУ на кафедре истории философии (заведовал кафедрой Т.И. Ойзерман) в качестве преподавателей. В 54-м году ими были написаны тезисы о предмете философии, которые, увы, утрачены. Однако многие подробности выясняются из материалов не столько архива самого Ильенкова, сколько других архивов, где сохранились стенограммы партсобраний и ученых советов. Это важно, поскольку знаменитые тезисы в стенограммах неоднократно цитируются, что позволило совершить частичную их реконструкцию.

Несколько слов о том, какими преподавателями были Коровиков и Ильенков. Что касается первого, то определение «стиляга» оказывается вполне уместным. О его внешнем облике с большим восхищением отзывались Неля

Васильевна Мотрошилова и Галина Леонидовна Белкина (вдова академика Ивана Фролова, в 50-е годы работавшая лаборанткой на кафедре у Т.И. Ойзермана). Обе до сих пор помнят отглаженные брюки, чистые ботинки и даже полосатые носки. Помнят остроумие, умение держать аудиторию, короче, несомненный преподавательский талант и обаяние.

Ильенков, понятно, брюками и носками запомниться не мог, костюм был мятым, даром методиста, по признанию Л.К. Науменко и Н.В. Мотрошиловой, он не обладал. Однако когда читал лекцию, аудиторию завораживал: это было живое мышление, демонстрация работы мысли.

«Говорил, как писал» – отзыв Н.В. Мотрошиловой. Кстати, как писал: без помарок, без исправлений, сразу набело, даже в тетрадях начала 50-х.

У Г.Л. Белкиной в памяти остался такой образ: идет Ильенков, а за ним веревочкой студенты-аспиранты. Действительно, оба, и Коровиков и Ильенков, много времени уделяли студентам и аспирантам помимо отведенных академических часов, и пользовались среди молодежи немалой популярностью, что им впоследствии тоже вменялось в вину.

Валентин Коровиков оставил небольшой мемуар, который был опубликован. Вот что он писал: *«Весной 1954 года нам предложили представить на кафедру для дискуссии тезисы о предмете философии»*¹. Жаль, что Валентин Иванович не указывает, от кого именно исходило это предложение. Ведь одно дело – семинары с обсуждением философских первоисточников, споры студентов между собой и с молодыми преподавателями. И совсем другое дело – документ.

¹ «Начало и первый погром», в кн.: «Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях». – М., 2004. С. 218.

Очевидец и участник тех событий, Лев Константинович Науменко рассказывает об этом очень эмоционально: *«Эти два изумительных остолопа – они подали документ. Написали тезисы о предмете философии. Ойзерман не должен был пропускать никакого текста, документа. ДокУмент! Вот такая страшная вещь-то. Ильенков и Коровиков писали свои тезисы, думали – убедят кого в своей правоте. А оно вон как вышло! Вспомните, какое это время-то было.*

Искать в тех событиях какую-то логику, рацию – бессмысленно! Марксизм-ленинизм – это абсолютное знание, так говорят инстанции и всякое такое. Но. Он должен исключить что? – Мышление. Вот это и было главным. Недаром же Молодцов на обсуждении вопил: «Куда они тащат нас? Они тащат нас в душную область мышления!». Из зала тут же была реплика – «вас туда и не затащишь».

Вот, мышление. Это уловили. А что такое мышление? Мышление – это радикальное сомнение. То есть это было страшненько. Это что же, мы должны, получается, мыслить? Да нет, мы должны читать и нести пропаганду. Почему это было нужно для инстанций? А нужен был эпизодик. Ну, только что закончилась история с врачами. Надо было еще что-то. И это все продолжалось, потому что они не могли жить, не уничтожая кого-то, не травя. Вождь, конечно, уже помер, но инерция, привычки-то остались...».

Сделаем небольшое отступление, обратимся к автобиографии Ильенкова. Собственноручная, она находится в личном деле в архиве РАН. Вот интересующие нас даты:

09.41–08.42	Студент МИФЛИ, Москва, Ашхабад, Свердловск
08.42–10.43	Курсант Одесского артучилища, Сухой Лог, Свердловская область

- 10.43–09.45 Западный, 2-й и 1-й Белорусский фронты, оккупационные войска в Германии (ком. взвода управления батареи. См. Приложение 1)
- 09.45– 02.46 Литсотрудник газеты «Красная звезда» (демобилизирован в феврале 46 г.)

Здесь еще одно небольшое отступление. В 1946 году у Ильенкова было намерение начать все сначала и поступить во ВГИК, на отделение мультипликации. В архиве Ильенкова есть разрешение на сдачу экзаменов во ВГИК на художественный факультет, подписанное начальником отдела вузов искусств Министерства высшего образования В. Головней. Особое разрешение понадобилось, потому что у абитуриента не было на руках аттестата – ведь он уже был, как известно, студентом ИФЛИ¹.

Сейчас трудно объяснить, откуда и почему возникло это намерение. Известно только, что увлечение мультипликацией было еще в подростковом возрасте. Наш дом в Камергерском переулке (тогда – в проезде МХАТа) строился как «дом общего быта», вроде даже коммуна для писателей. Коммуны не получилось, но все двери, как рассказывал отец, были открыты, можно было зайти в гости к Багрицким покормить рыбок или погулять с собакой Светлова. В одном из подъездов коридорная система, черная лестница, где как раз устраивались просмотры самодельных мультипликаций. Можно считать случайным эпизодом это неосуществившееся намерение, у которого, не исключено, были какие-то личные причины, нам неизвестные. Не будем гадать. Но умение рисовать, талант карикатуриста пригодились Эвальду

¹ Именно в архиве ИФЛИ Сергей Корсаков нашел аттестат и даже опубликовал его в Вестнике Тверского университета (2010. № 38. Серия: Философия. Вып. 3. С. 55–57).

Васильевичу в дальнейшем, в работе над знаменитой стенгазетой в Институте философии. А в 1946 году победила все-таки философия:

02.46–06.50 студент философского факультета МГУ
09.50–09.53 аспирант там же
11.53 – м.н.с. Ин-та философии АН СССР¹

Вот это очень важно – с конца 1953 года Ильенков уже был сотрудником института философии, то есть в МГУ преподавал по совместительству², а значит, не состоял в парторганизации. Поэтому все шишки по партийной линии доставались Коровикову, хотя упоминались оба всегда «тандемом», как Маркс и Энгельс или Ильф и Петров, а стенографистки часто писали их фамилии просто через дефис.

Кто эти люди?

Странный на первый взгляд документ из архива Э.В. Ильенкова:

¹ Приказ № 347 от 9 декабря 1953 г., директор Г.Ф. Александров, оклад – 2 000 руб. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 59. Д. 712).

² Из личного дела Э.В. Ильенкова:

Заявление

Прошу разрешить мне преподавательскую работу в МГУ. Я получил от кафедры истории зарубежной философии предложение вести со студентами спецсеминар по той проблематике, над которой я работаю по заданию сектора – спецсеминар по вопросу о развитии и применении диалектико-материалистической теории познания Марксом в «Капитале» (семинар называется «Диалектика в «Капитале» Маркса). До сих пор я вел этот семинар в нерабочие часы, по вечерам. Теперь группа разрослась настолько, что встал вопрос о разделении ее на 2–3 группы, в связи с чем количество часов также возросло, и кафедра предложила мне оформиться на 1/2 ставки. 7 января 1954 г. (Заявление было удовлетворено).

В комиссию ЦК КПСС
От члена КПСС Ильенкова Э.В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я решительно протестую против настойчиво повторяющихся попыток И.Я. Щипанова приписать вину за выступления Могилева, Смирнова и Апресяна на партсобрании мне и тов. Коровикову, против попыток установить между этими выступлениями и моей деятельностью как преподавателя факультета причинную или какую-либо подобную связь.

Ни Могилев, ни Смирнов, ни Апресян, ни кто-либо из других выступавших на собрании никогда не были в числе студентов, с которыми я работаю. Более того, я вообще впервые сейчас услышал эти фамилии. Более того, по сведениям, у меня имеющимся, эти товарищи как раз являются противниками, а не сторонниками той точки зрения на предмет философии, которую я совместно с т. Коровиковым отстаивал в дискуссии на кафедре в мае 1954 г.

Считаю (необходимым) специально подчеркнуть то обстоятельство, что никогда и нигде я не выступал против Щипанова, даже не имел с ним личных бесед по тому вопросу, вокруг которого И.Я. Щипанов сейчас старается изобразить разногласия между собою, с одной, и мной (совместно с Коровиковым) – с другой стороны.

Никогда и нигде ни я, ни, насколько мне известно, т. Коровиков, не оспаривали мнения т. Щипанова по вопросу о предмете философии по той простой причине, что И.Я. Щипанов ни разу – вплоть до последних дней – не выступал против моей точки зрения и вообще по вопросу о предмете философии как науки.

Вряд ли т. Щипанов смог бы привести хоть один-единственный факт, когда я или Коровиков публично или в личных беседах со студентами «дискредитировал» бы авторитет т. Щипанова как ученого. Я вообще не помню,

чтобы хоть раз упоминал его имя или его взгляды в выступлениях, в заключениях по семинару или в тому подобных случаях. Это всегда можно проверить.

Знаю наверное, что т. Щипанов не слышал лично ни одного моего выступления, посвященного теоретическим вопросам (если не считать выступления на заседании президиума ученого совета факультета, стенограмма которого имеется).

След., все сведения о моей преподавательской деятельности и о выступлениях, на основе которых он пытается объявить меня «причиной» выступлений ряда товарищей, осужденных решением парткома МГУ, т. Щипанов приобрел какими-то окольными путями, знаком с ними по каким-то пересказам, которые вряд ли соответствуют истине, если на их основании можно установить хоть какую-либо связь с непартийными выступлениями людей, которых я не знал, не знаю, не учил и не учу.

Не могу расценить попытки И.Я. Щипанова связать эти вещи иначе, как, во-первых, клевету на меня, а, во-вторых, как попытки замазать истинные причины недостатков в учебно-воспитательном процессе и в политической работе со студентами, укоренившихся в практике работы факультета задолго до того, как я вообще стал преподавателем факультета и стал выступать с какими-либо «точками зрения» на те или иные теоретические вопросы.

Прошу комиссию ЦК защитить меня от клеветнических наскоков И.Я. Щипанова, имеющих объективно один-единственный смысл – прикрыть и замаскировать истинные причины недостатков, действительно имеющих в работе факультета, помешать комиссии их вскрыть.

Подлинные же причины коренятся, насколько я понимаю, в крайней теоретической беспомощности ряда преподавателей факультета, именно поэтому и не имеющих

ровно никакого авторитета ни среди студентов, ни среди преподавателей факультета.

И если т. Щипанов авторитета не имеет, то в этом вина не Ильенкова.

Преподаватель кафедры истории зарубежной философии, кандидат философских наук, член КПСС

Ильенков Э.В.

22 марта 1955 г.

Заявление датировано 22 марта 1955 года. Год прошел со времени обсуждения тезисов! Они обсуждались при большом стечении публики в мае 1954 года. Лев Константинович Науменко рассказывал, что в аудитории было битком, в дверях стояли столы, на столах те, кому не хватило места в помещении. По некоторым сведениям, на обсуждении было не менее двухсот человек.

Так кто эти люди, Могилев, Смирнов, Апресян? Почему Ильенков «решительно протестует»? Какое отношение это имеет к тезисам о предмете философии?

И каков был умысел тов. Щипанова?

Умысел был зловещий. Он расшифровывается с помощью материалов, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории. Из записки зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС тов. А. Румянцева¹ мы узнаем, что на партийном собрании философского факультета, на котором должны были быть единодушно одобрены решения январского Пленума ЦК КПСС, имели место серьезные антипартийные выступления. В частности, тов. Могилев, студент 5 курса, кстати, член бюро парторганизации факультета, фигурант заявления Ильенкова, предложил не «одобрить» решения пленума, а просто «принять их к сведению». Он потребовал сообщать коммунистам обо всех решениях ЦК, потому что «западному радио

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 533.

известно больше, чем рядовым коммунистам». Еще много чего крамольного наговорил. И не он один! Аспирант Сохин указал на несовершенство советской избирательной системы и даже высказался за установление партмаксимума для коммунистов. Его поддержал студент 3 курса Смирнов, который потребовал очистить партию от «мазуриков». Не отстал в критике от товарищей и студент 3 курса Апресян. Конечно, такая крамола не могла пройти мимо райкома партии, а потом и ЦК, было доложено и в редакцию «Правды». Понятное дело, выступавших осудили, Могилева и Смирнова из партии исключили, Апресяну и Сохину дали по выговору, одним словом, партийный порядок навели.

При чем же тут Щипанов? Да при том, что и он был объектом партийной критики, и его, и Ойзермана бранили за молчание на том партсобрании, за примиренческую позицию по отношению к «теоретической путанице и извращениям» на факультете. Так что его мучил соблазн сшить вместе антипартийные выступления названных выше товарищей и «меньшевиствующий идеализм» Коровикова-Ильенкова, а заодно и выходки сотрудников собственной кафедры, которые его беспрестанно щипали. На последнее отвлекаться не будем, но общий замысел оценим. Какая бы получилась красота!

В материалах ЦК, подводивших итог проверки работы факультета, все-таки политическая часть и научная оказались разведены. Кроме записки, посвященной антипартийным высказываниям упоминавшихся выше товарищей, А. Румянцевым подписан и другой материал, в котором речь идет уже о научных проблемах. И вот здесь тезисы Ильенкова и Коровикова фигурируют едва ли не как кульминация царящих на факультете «идейных извращений». Но давайте не будем нарушать хронологию событий. Скажем только, что тогда, весной 1955 года, Эвальду

Васильевичу и Валентину Ивановичу было понятно, что надо обороняться. Опасность, которая им грозила, была не гипотетической, а вполне реальной. Примерно в то время начиналось так называемое **дело Краснопевцева**.

Девять человек, большинство из которых были выпускниками истфака МГУ, выступали против закулисных политических интриг советского руководства и за участие народа в реальной политике. В итоге все они в 57-м году были осуждены и провели от 6 до 10 лет в мордовских лагерях.

Из интервью Краснопевцева: *«Университет, который я сам окончил в 1952 году, в 1955-м, когда я пришел туда в аспирантуру, бурлил. Студенты все время что-то обсуждали, не ходили на лекции, требовали реформ. Все это тоже было частью того нового потока идей, который захватил нас и уже не давал вырваться. Мы просто хотели разобраться в том, что происходит с нашей страной. Мы были принципиальными противниками всякого насилия. И в листовке, которую мы выпустили в июне 1957-го, не было даже намека на призыв к насильственным действиям. Одно из наших требований – собрать съезд «руководящей и направляющей» партии. Который дал бы наконец слово и тем, и другим, и третьим. И выяснил настроения народа»*¹. У Краснопевцева был очевидный криминал: подпольный марксистский кружок (подпольный! марксистский!), антихрущевская листовка. То есть – не только «идейный разброд», но и ОРГАНИЗАЦИЯ. Авторам тезисов тоже пытались (хоть и безуспешно) вменить нечто подобное: *«Тов. Коровиков использовал дискуссию для создания некоторой ассоциации “единомышленников”»...* (Из выступления на партсобрании тов. Мальцева, секретаря партбюро факультета.)

¹ Журнал «Огонек» № 13 от 02.04.2012.

Как бы ни были головы Коровикова и Ильенкова заняты теорией познания, они не могли вообще ничего не знать о том, что творилось вокруг. Поэтому строили оборону. Об этом речь пойдет дальше. А пока обратимся к документам.

Коровиков дерзит

Протокол № 4 партсобрания парторганизации философского факультета МГУ от 16 октября 1954 г.¹

Это пока еще мирное партсобрание, еще нет проверяющей комиссии, нет представителей райкома и ЦК.

Тов. Корниенко, секретарь партбюро кафедры истории зарубежной философии:

Парторганизация кафедры недостаточно занималась вопросами организации дискуссии о предмете философии, поднятой молодыми преподавателями кафедры т.т. Коровиковым и Ильенковым. С запозданием парторганизация кафедры провела обсуждение поведения тов. Коровикова, который нетактично выступал по отношению к старым философским кадрам. Необходимо отметить, что теоретические вопросы, поднятые тов. Коровиковым, заслуживают внимания. Этим собственно и объясняется заинтересованность дискуссией части студентов.

Тов. Коровиков:

Напрасно пытаются товарищи из партбюро представить дискуссию по теоретическим вопросам на

¹ Справка: в то время парторганизация философского факультета насчитывала 223 члена КПСС и 12 кандидатов в члены КПСС. Всего на факультете 655 студентов, в том числе 96 из стран народной демократии, 162 аспиранта, 70 профессоров, доцентов и преподавателей.

кафедре истории зарубежной философии как выступление молодых против старых. Мы выступили по ряду вопросов развития философской мысли, которые нас волнуют, но не волнуют наших профессоров, например, по вопросу о предмете философии.

Тов. Суворов, член партбюро (кафедра Щипанова):

Тезисы этой конференции не были известны секретарю бюро кафедры и членам партбюро факультета, это, конечно, сказалось и на самом уровне проведения конференции. Чрезмерное увлечение теорией познания ведет к тому, тов. Коровиков, что студенты несколько прохладно относятся к семинарам, например, по истории русской философии. Вот это уже прямой ущерб, нанесенный факультету непродуманной дискуссией о предмете философии.

Тов. Мальцев, секретарь партбюро кафедры диалектического и исторического материализма:

Тов. Коровиков использовал дискуссию для создания некоторой ассоциации «единомышленников», противопоставляя ее другой части преподавателей и студентов.

Тов. Борзенко, студент 4-го курса:

Студенты 4-го курса, занимающиеся у Коровикова и Ильенкова, считают, что эти преподаватели заставляют работать и обдумывать новые проблемы. Во многом помогла студентам и теоретическая дискуссия по вопросу о предмете философии. На 4-м курсе есть группа товарищей, которая серьезно занимается вопросами теории познания. Это факт положительный, а не отрицательный, как пытались представить некоторые выступавшие товарищи.

Тов. Ойзерман, зав. кафедрой истории зарубежной философии:

Тов. Коровиков прав в постановке ряда теоретических вопросов, но Коровиков не имел права произносить те обвинения, которые он вынес старшим преподавателям. Тов. Коровикову нужно написать и опубликовать статью на тему о предмете философии (подчеркнуто мной. – Е. И.).

Тов. Косичев, зам. декана факультета:

Коровиков проводит неверную линию – он фактически отрицает марксистскую философию. Он отрицает общие законы – это позитивизм¹.

Как видим, обсуждение достаточно снисходительное, мягкое, Ойзерман даже предлагает Коровикову опубликовать статью на основе тезисов². Суровость и дальновидность проявил только А.Д. Косичев.

(Впрочем, со временем и он «прозрел». По прошествии многих лет Косичев напишет книгу «Философия. Время. Люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ»³. На страницах 236–237 читаем: «Коровиков и Ильенков в своих тезисах пишут: “Делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия”. Таким образом, родословная о

¹ Здесь и далее стенограмма партсобраний философского факультета МГУ. Цит. по: ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 5. Д. 41.

² Из письма Эвальда Васильевича жене от 2.XI.1954 г. следует, что Теодор Ильич в то время поощрял своих молодых преподавателей:

«В МГУ опять взял кроме спецсеминара одну группу (в помощь Вальке, на 4 курсе) по курсу Ойзермана. Этот хитрый мудрец концепцию нашу ругает, а группы все по истории марксизма – по ключевому для этой темы разделу – нам обоим на растерзание отдал. Это – весь 4 курс. Так-то».

³ Москва, ОЛМА, 2007 г.

предмете философии как науки о мышлении идет от Гегеля; неплохой источник, из которого исходили Коровиков и Ильенков в понимании предмета философии. И вряд ли за это так беспощадно стоило их ругать!»).

Тем временем события на факультете развивались по нарастающей.

Протокол партсобрания философского факультета 24.02.1955

На этом собрании критика набирает обороты, но Коровиков, похоже, еще не чувствует серьезной опасности. Тем более, что на факультете пока достаточно много сторонников и защитников.

Тов. Лихошерстных:

В тезисах Ильенкова и Коровикова была свежая мысль, и они принесли пользу.

Тов. Георгиев (кафедра диамата) категорически возражает Лихошерстных:

Речь идет о том, что диалектический материализм – это не мировоззрение, таким образом он потерял свой предмет. Ошибка партбюро, что оно не поставило этот вопрос на партсобрании. Мы устранились от борьбы с ревизией марксизма. Надо изучить вопрос серьезно и ударить по этой чуждой марксизму точке зрения.

Тов. Коровиков:

Тов. Георгиев изображает из себя единственного борца за дело коммунизма. Есть у нас в тезисах и ошибки. Мы хотим выяснить спорные вопросы, но никто не захотел этого сделать, а ограничились лишь руганью и громкими фразами пытаются скрыть свою

теоретическую несостоятельность. Надо посмотреть, что делают такие люди, вроде профессора Георгиева, который не может как следует прочесть курс по диалектическому и историческому материализму (*аплодисменты*).

Это еще февраль, Коровиков ведет себя, прямо скажем, дерзко.

Как мы помним, заявление Ильенкова в комиссию ЦК датировано 22 марта. В марте много событий: партком МГУ, на котором обсуждались антипартийные высказывания, работа комиссии и постановление райкома. В конце марта два дня проходило заседание Ученого совета, к которому мы сейчас обратимся.

Суд над тезисами

Ученый совет, на котором обсуждалось решение президиума Ученого совета по вопросу о тезисах преподавателей Коровикова и Ильенкова, продолжался два дня, 25 и 29 марта 1955 года. В первый день присутствовало 160 человек и 13 членов Ученого совета, во второй день – 120 человек и 11 членов.

Повестка дня: обсуждение решения президиума Ученого совета о тезисах Коровикова – Ильенкова.

Заседания вел декан факультета В.С. Молодцов.

Благодаря этому Ученому совету мы можем составить некоторое представление о тезисах. Они цитировались, но, к сожалению, часто стенографистки просто оставляли пустое место, куда, видимо, должны были впоследствии быть вставлены цитаты. Можно предположить, что тезисы к стенограмме прилагались. По правилам, прежде чем сдать стенограмму в архив, ее должны были прочитать и выправить. Надо полагать, что читавший ее эти тезисы

забирал с собой. То, что осталось в стенограммах, послужило основой для нашей реконструкции.

Итак, что мы имеем:

Во-первых, название: *«Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знания о природе и обществе в процессе их исторического развития»*.

Во-вторых, мы знаем, что тезисов не могло быть меньше 15, потому что в выступлении Белецкого упоминаются тезисы № 13, 14 и 15. Не могло быть меньше 9 страниц текста, потому что есть ссылки на 9-ю страницу.

Явочный лист есть только к одному заседанию – 29 марта, из него видно, что Т.И. Ойзерман отсутствовал. Понятно, что это не случайный факт. Обратимся к документу.

Протокол заседания Ученого совета
философского факультета от 25 марта 1955 года¹

Тут уже взят другой тон, это уже судилище, которое ведет Молодцов, он и формулирует состав преступления.

Тов. Молодцов:

Если взять основные линии, основные положения ошибок тезисов т.т. Ильенкова и Коровикова, то они могут быть сведены к следующему:

Во-первых, Коровиков и Ильенков нарушают принцип большевистской партийности в подходе к историко-философским системам и в выяснении предмета диалектического материализма. Явно нарушается марксистский принцип партийности.

Во-вторых, делается попытка доказать, что диалектический материализм не выступает как мировоззрение.

¹ Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 48.

В-третьих, отрицается характеристика марксистско-ленинской диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества, мышления и делается попытка свести марксистско-ленинскую диалектику к науке о мышлении.

Следующее положение – ложное, ошибочное утверждение о том, что исторический материализм не признается нераздельной частью марксистско-ленинской философии, в предмет марксистско-ленинской философии не входит.

Молодцов цитирует 2-й тезис:

«...Необходимо понять внутреннюю закономерность, основную историческую тенденцию, в направлении которой сквозь массу случайностей и отклонений, вопреки субъективным намерениям отдельных философов, происходило историческое изменение предмета философии».

Это объективистский, антимарксистский подход к оценке философских систем. Такая трактовка совпадает с трактовкой Гегеля.

Если рассмотреть третий тезис, то здесь есть место о том, что философия не носит субъективного характера, то есть партийного, классового характера. В этом тезисе основная мысль заключается в том, чтобы оторвать философию от идеологии. Это есть нарушение основного принципа марксистско-ленинской философии.

Цитирует тезис:

«Философия в своем возникновении выступает непосредственно как теоретическое мышление».

Если мы возьмем тезис 7-й на стр. 4 [цитату стенографистка не приводит], из него опять-таки следует, что *«философия вырастает из теоретического знания»...*

Промежуточный вывод тов. Молодцова:

деборинская школа, меньшевистские идеалисты, гегельянство.

...В тезисе № 12 на стр. 9 сказано: *«Это лучшее доказательство того положения, что само положительное знание, собственно, достигает той самой последней сущности исследуемого предмета, за которой, над которой нечего искать по той причине, что там больше ничего нет»*. Удивительное дело, что эти тезисы перекликаются с реакционной буржуазной философией. В целом тезисы Коровикова и Ильенкова можно охарактеризовать так: это есть крошка всех остатков гегельянщины с современным буржуазным позитивизмом, не критическое отношение товарищей к ряду немарксистских положений.

Отречение

На этом же заседании слово предоставлялось Коровикову и Ильенкову. Их выступления приведены полностью.

Тов. Коровиков:

Мне сегодня предстоит трудная и не очень приятная обязанность и задача – дать критическую оценку той дискуссии, которая развернулась по тезисам, одним из авторов которых я являюсь, и тех последствий, которые имели место в связи с этой дискуссией, и выразить свое отношение непосредственно к тем вопросам, которые в этих тезисах ставились и так или иначе разрешались.

С самого начала отмечу ряд практических вопросов, которые надо признать как ошибки в моей деятельности на факультете, и к этому не возвращаться.

Первой такого рода ошибкой я считаю то, что те дискуссионные вопросы, которые возникли у нас на кафедре и вообще на факультете, были сделаны предметом в известной степени преподавательской работы, что на семинарах эти вопросы занимали определенное место и тем самым, конечно, спорные проблемы стали предметом обсуждения студентов, и что это принимало иногда совершенно неправильные формы.

Дальше. Должен признать, что в процессе дискуссий, различных перепалок и выступлений, которые были и с нашей стороны и со стороны наших оппонентов, имели место недопустимый тон, недопустимая критика. Особенно это проявилось на заседании кафедры еще в прошлом году и также это имело место в моем выступлении на партийном собрании. Это я отношу к абсолютным недостаткам и минусам, которые я отношу за свой счет.

Теперь о тезисах, о дискуссии и о теоретической стороне дела.

Я уже говорил неоднократно на Ученом совете, может быть даже и на последнем заседании кафедры, когда я делал заключительное слово, что в тезисах имеется масса нечетких, неряшливых и неправильных формулировок. К числу таких относится, например, тот вывод, который зачитал здесь Василий Сергеевич Молодцов, который сделал он после длинной цитаты Гегеля. Эта цитата как раз приведена не в его защиту, а для его критики.

Мы считаем, что поскольку из тезисов можно сделать такие выводы, что философия не партийна, что диалектический материализм не есть мировоззрение, что содержанием диалектического материализма не являются наиболее общие законы бытия, если можно сделать такие выводы из них, а очевидно тезисы дают повод для такого рода выводов в результате

ряда ошибочных положений и композиционной теоретической сырости, я считаю своим долгом отказаться от этих тезисов и осудить их. К распространению их, кстати сказать, я не причастен.

В связи с этим что тут нужно сказать? Я лично никогда и нигде (это может подтвердить достаточное количество студентов), не отрицал партийность философии. Наоборот, я всегда показывал студентам, каким образом философия не может существовать в обществе вне идеологии, вне определенного мировоззрения. И с этой точки зрения расценивались, рассматривались многочисленные примеры, связанные с решением того или иного философского вопроса. Взят был вопрос о гносеологических и классовых корнях философии Фейербаха. Можно найти достаточное количество свидетелей, которые перескажут, что в моих лекциях доказывалось, как определяет весь строй мысли Фейербах, весь строй его разрешения узких, частных, гносеологических вопросов. Может быть, нельзя оправдать, что в тезисах этот принцип не развит, не показан, но я думаю, что это можно объяснить, если относиться к этим тезисам с позиций, требуемых научным методом, то есть учесть, для какой аудитории они были написаны и что они представляли из себя материал для обсуждения. Там был поставлен единственный вопрос, о том, как в сфере науки взаимоотносятся такая наука в ее исторических формах, как философия и все другое содержание системы науки той или иной исторической эпохи. Приписывать на основании этого взгляд, что они отрицают, что наука и философия связаны с производством, что философия и наука не связаны с идеологией – это совершенно неправильно, это прямая передержка. Поскольку мы это не проанализировали – это составляет большой недостаток. Сама узость постановки вопроса в какой-то мере искази-

ла и общую линию понимания вопроса. Я не против того, что эти претензии высказываются, а против того, чтобы приписывать на этом основании, что мы вообще отрицаем партийность философии.

Поэтому, повторяю, по первому пункту, по тем взглядам, которые я имею, верю которым и учу студентов, нигде и никогда не было таких заявлений, что философия не партийна или не связана с нашей идеологией. В тезисах получилась такая аномалия.

Второй вопрос – о диалектическом материализме как мировоззрении. Если тезисы дают материал для того, чтобы сделать вывод, что диалектический материализм не является мировоззрением, а очевидно тезисы дают повод для такого вывода, то я лично, как автор этих тезисов, осуждаю их и хочу заявить, что я не придерживаюсь этой точки зрения. Речь идет не просто о словах «мировоззрение или не мировоззрение». Речь идет о существе вопроса – что такое мировоззрение. Потому что сказать: мировоззрение есть философия, а потом сказать наоборот, это есть с точки зрения элементарной формальной логики, тавтология. Я не слышал в критике развернутого и глубокого обоснования того, что же такое мировоззрение. О чем говорили по поводу мировоззрения? Говорили, что нельзя мировоззрение толковать этимологически, говорили, что мировоззрение – это система мира или учение о мире в целом. Надо было показать, что такое мировоззрение, раскрыть это. Почему доказывают, что мировоззрением является лишь диалектический материализм, и им не являются законы, раскрываемые физикой, химией, биологией и другими науками. На этот вопрос ответа не дано. В каком смысле я считаю, что диалектический материализм есть мировоззрение, как я это понимаю? Я это понимаю в теснейшей связи со вторым определением философии, которое выставляется как тезис, который мы будто бы отрицаем. В какой-то

мере мне самому до критики этот вопрос был не совсем ясен. Сейчас для меня этот вопрос совершенно ясен и не вызывает сомнений ни в каком отношении, что диамат есть действительно наука о наиболее общих законах всякого бытия. И этого в сущности никто и никогда не отрицал. В чем проблема здесь, в чем корень спора, который лично для меня пока еще не решен? Я хочу сознательно для себя уяснить, понять проблему и делаю для этого все, что в моих силах. Корень спора заключается в понимании того, где, каким образом и на каком материале философия конкретно изучает и формирует понимание этих всеобщих законов бытия, и в этом смысле я остаюсь на буквальном ленинском положении о тождестве диалектики, логики и теории познания. Вот в философских тетрадах Ленин пишет, что логика есть учение не о внешних формах мышления, как она выступала сплошь и рядом в домарксистской философии, а учение о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей, то есть развития всего конкретного содержания мира и познания его. Если так понимать логику, а именно так призывали понимать логику классики марксизма-ленинизма, как науку о законах развития всех материальных и духовных вещей, в таком плане противопоставления философии как логики, как гносеологии и диалектики как наиболее общих законов всякого бытия органически снимаются, и тогда делаются понятными высказывания Энгельса в одной работе, в разных главах.

Я вполне понимаю, что эта точка зрения, которую я сейчас высказал, она может, очевидно, и должна быть подвергнута критике, но мне кажется, что из этих точек зрения нельзя сделать таких выводов, которые сделаны.

Тезисы дают в некоторой степени возможность делать такие выводы, и поэтому тезисы есть сырой,

неряшливый документ, и я от них полностью отрекаюсь. Мне не ясен вопрос об отрицании партийности, философии как науки о наиболее общих законах. Точка зрения исторического материализма. Я внимательнейшим образом слушал лекцию профессора Ойзермана, выступление Василия Сергеевича, и не представляю, что они представляют одну науку и в чем различают. Если речь идет о распространении принципов диалектического материализма на область истории, то получается другая картина. Мне представляется лично, что значит распространить принцип диалектического материализма на область истории, так как они раньше были распространены на область природы. Это не значит, что исторические события рассматриваются как происходящие по объективным законам, а не по субъективным. Природа имеет свое объективное содержание, что не могли понять до Маркса все философы. Значит ли это, что исторический и диалектический материализм как-то разрываются или рассматриваются врозь.

На лекции профессору Ойзерману задали вопрос: научный социализм входит в исторический материализм или не входит? Он ответил: «Не входит». Почему на этом основании нельзя сказать Теодору Ильичу: почему философия не есть учение о построении коммунизма, не есть теоретическое оружие для построения коммунизма. Значит ли, что научный коммунизм построен в отрыве от философии. Значит ли это, что политическая экономия, которая немыслима без своего теоретического пролетарского содержания, не является наукой, потому что она не есть философия, она не есть какая-то наука, находящаяся на вооружении пролетариата и т. д. Если какая-то наука, занимающаяся предметом другим, если это не философия, почему же она не служит делу объяснения освободительной борьбы трудящихся. Связь органическая, не-

разрывная между политической экономией и философией. Поэтому вопрос не заключается в том, чтобы что-то от чего-то оторвать. Речь идет лишь об органическом понимании сущности дела. Я повторяю, что эта точка зрения, которая в результате многочисленной критики, безусловно, не рассматривается как абсолютно правильное и единственное учение. Но мне кажется, много есть указаний о неразрывной связи диалектической логики и теории познания.

Какой делаю вывод и для себя и в отношении обсуждаемого вопроса.

Для себя я делаю следующий вывод: эта вся критика, обсуждение всех этих вопросов мне лично оказала и окажет громадную пользу в смысле моего собственного роста и более серьезного и углубленного подхода к проблемам. С точки зрения моей конкретно преподавательской работы эту критику мне надо было сделать с самого начала, ибо спорные вопросы, вопросы, которые недостаточно поняты, нельзя вносить в преподавательскую работу. Я признаю, что тезисы оказались, безусловно, неудачными и ошибочными в целом ряде пунктов и поэтому я объективно считаю, что они пользы не принесли, а принесли даже вред.

Какие у меня выводы для дальнейшей работы.

Я постараюсь продумать еще раз все выступления, которые были сделаны в мой адрес по поводу обсуждаемых вопросов. Я постараюсь пересмотреть, перечитать все основные работы классиков марксизма-ленинизма, и если я приду к выводам, которые полностью совпадают с теми выводами и точками зрения, которые выставляются нашими оппонентами, это будет мне на пользу.

Мне представляется, что и у наших оппонентов согласие и единодушие вряд ли идущее далеко. Ни я, ни т. Ильенков, не отрицаем, что диалект есть наука

о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Внешне нет никакого разногласия, разногласие идет глубже и дальше. Что касается более глубокого обоснования этой проблематики, я лично этого обоснования в критике не видел, его не разворачивали.

Здесь же речь идет о каком-то более глубоком расхождении, более глубокой аргументации положений как истоков разногласий, которые обнаруживаются. Я был бы очень рад, если бы это было выяснено.

Я возвращаюсь к предложению, которое было внесено на заседании президиума Ученого совета. Для молодых преподавателей надо организовать чисто преподавательский специальный теоретический семинар, где нужно поставить кардинальнейшие вопросы не в порядке дискуссии, а по-деловому, в кругу преподавателей, в кругу людей одинакового уровня развития, и всесторонне обсудить проблему. Надо добиться, чтобы преподавание у нас шло на глубокой основе органического, внутреннего понимания классиков марксизма-ленинизма. Этим мы поможем глубокому изучению нашего предмета и правильной идейной и научной работе со студентами. Я повторяю, что я с удовольствием приму участие в этом семинаре, чтобы еще раз критически взглянуть на самого себя, на свои убеждения и точку зрения, и сделать для себя правильные выводы.

Решение Ученого совета я считаю в целом правильное, полезное, оно направляет нас, чтобы глубже, органичнее понять сущность марксистской философии как мировоззрения, понять объективное содержание марксистской философии, глубоко, органично раскрыть, а не на словах, принцип партийности философии. Оно поможет мне преодолеть, с одной стороны, недостаточную глубину и аргументированность положений, и, с другой стороны, поможет мне лично избе-

жать, например, ряда неверных положений, которые для меня сейчас еще не ясны и избежать той теоретической путаницы, которая из всего этого вытекает.

Мы видим, что Валентин Иванович говорит долго и подробно. Признает своими ошибками, во-первых, то, что предметом преподавания были сделаны дискуссионные вопросы, во-вторых, недопустимый тон, который позволил себе, критикуя оппонентов, подробно обсуждает предъявленные ему обвинения и как бы приглашает к разговору по существу. Предлагает даже создать семинар молодых преподавателей для обсуждения спорных вопросов. Такое впечатление, что он пока еще не до конца понимает всю серьезность создавшейся обстановки.

Дальше Молодцов предлагает выступить Ильенкову.

Тов. Ильенков:

Я полностью согласен с товарищем Коровиковым, но мне хочется сделать одно замечание по поводу решения.

К Коровикову мне добавить нечего, меня смущает только одно обстоятельство, по поводу которого я бы хотел обратиться к членам Ученого совета. Я до сих пор не понимаю пункта, в котором говорится, что Коровиков и Ильенков в ряде случаев вели себя неискренне и это следует поставить им в особую вину, и никто мне его не разъяснил. Теодор Ильич говорит: «Вы кричали одно, а теперь – другое, вы кричали, что философия не имеет отношения к борьбе классов и партийности, а теперь заявляете, что имеет». Я бы хотел, чтобы президиум указал студентов, которые бы сказали, что я утверждал это. Я хотел бы задать такой вопрос, и мне думается, что этот пункт лишний и не отражает сути дела. Неискренне мы не вели себя никогда.

Тов. Косичев:

Вот вы выступите по конкретным положениям тезисов, которые критиковались здесь и указывались.

Тов. Ильенков:

Я тезисов хорошо не помню, я не помню точно, что там говорится. Если действительно можно сделать выводы, что можно заподозрить авторов в таких вещах, то я от тезисов отказываюсь. Это проявление того факта, что действительно почти год продолжают дискуссии вокруг этих вещей и ясно, что масса формулировок в результате этих дискуссий не может не измениться. А расценивать это как неискренность, мне кажется, неправильно. Тезисы были написаны по узкому разрезу вопроса. Мы в тезисах не сказали многих вещей, которые важны для правильного понимания и подлинного решения вопроса. В этом смысле тезисы не решают тот вопрос, который они были призваны решить. Тезисы эти я ни в коем случае не могу рассматривать как документ, в котором дано решение вопроса. Поставлены вопросы очень острые, животрепещущие перед работниками кафедры философии и это логично, потому что вопрос, который действительно тут встал и встает – это вопрос следующий: философия есть мировоззрение, философия есть партийная наука, философия имеет еще массу формулировок и определений. Это важно нам и для меня, в частности, как для человека, работающего в области истории философии.

Профессор Георгиев сказал, что в таком толковании, как сейчас Ильенков и Коровиков преподносят, я с ними согласен, поскольку они говорят, что философия должна изучать процесс получения знаний, то есть науку в ее развитии. Должна наука раскрывать движение от нашего знания к новому знанию?

Должна. Должна философия удовлетворять запросы? Должна. Удовлетворены мы своей работой последних лет? Никак. Фактически мы наблюдаем сведение диалектики к сумме примеров, которыми мы только и кормим естествоиспытателя и правоведа. От заботы об этом наши тезисы и возникли.

Тов. Молодцов:

Тов. Ильенков, вы говорите, что наша философия ничего сейчас не дает науке. Вот Академия наук отмечала годовщину, вы разверните этот том и увидите, сколько там указывают на ту помощь, которую оказала марксистская философия. Вы отрицаете развитие философии в советское время.

Тов. Ильенков:

Я полагаю, что философии оказали услугу Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин, но ни в коем случае не наша философия. *(Оживление в зале, аплодисменты.)*

...Я полагаю, что философия должна исследовать процесс изучения [получения] знаний, должна углубляться в историю науки, а не просто выхватывать примеры из поднятых положений. А если философ хочет сделать что-то для философии, исследовать процесс развития науки, то нужно брать результат и исследовать результат вместе с процессом его получения.

Вообще я хотел только сказать, что мне непонятна формулировка, что мы ведем себя неискренне.

Тов. Косичев:

Тов. Ильенков, докладчик разобрал эти тезисы и предъявил ряд существенных обвинений. Вы ни на одном из этих положений не остановились...

Тов. Ильенков:

Мне не хочется спор превращать в форму, что я стою вроде как подсудимый, а меня спрашивают: признаешь или не признаешь ошибки. С удовольствием я сяду, приведу в порядок в памяти все выступления и в форме статьи выражу свои взгляды на эти вещи, где у меня не будет опасности ляпнуть неудачную фразу, за которую можно будет сразу же уцепиться. Со всем, о чем говорил тов. Коровиков сейчас, я полностью согласен, а он, по-моему, останавливался на этих вещах.

Вопрос – кто внес эту теоретическую смуту в умы. Я на факультете давно, с 1946 года, и я не помню, чтобы теоретической смуты не было в какое-нибудь время. Это вечно у нас, это продолжение старинной болезни. Возьмите вы кафедру логики и посмотрите, там есть единая точка зрения? Нет. А на кафедре истории русской философии. Тоже нет. На кафедре диалектического материализма та же история. И дело не в том, что кто-то вносит эту смуту в умы. И думаю, что смуту, которая проникла в студенческую массу, нельзя ставить мне и Коровикову в вину, потому что, во-первых, вам из курса диалектического материализма известно, что личность, как таковая, она за собой массу не поведет, если она не выражает назревших вопросов. (*Оживление в зале, аплодисменты.*)

На нашем факультете меня, еще как студента, не удовлетворяло очень и очень многое. Меня учили запоминать фразы, а не понимать классиков марксизма-ленинизма. И вот от этого способа воспитания я в своей практике стараюсь уходить. И тов. Коровиков делает то же самое, как я понимаю. Относительно смуты – может быть, конечно, виноваты и мы с тов. Коровиковым, какие-то моменты и в нашей деятель-

ности способствовали объективно тому, что она приобретала такие формы, какие она приобрела, хотя, конечно, никто не приходил на факультет и никогда не баламутил студентов. Если это получилось, надо проанализировать мои недостатки в моей преподавательской деятельности, в моем отношении к студентам. Вот все, что я хотел и что мог сейчас сказать. По теоретическим вопросам я также буду думать и думаю все время. Такие тезисы, как эти, я, конечно, сейчас бы не написал. (*Вопрос из зала: почему?*) Я не вижу возможности дать ответ в одной фразе. Потому что они есть неудачная, сырая попытка ответить на вопросы, интересующие любую кафедру нашего факультета. Мне именно не хочется сейчас спорить по таким общим вопросам, потому что никаких симпатий к общему рассуждательству у меня нет. Если я неверно трактую студентам какие-либо вопросы, провожу идеализм и беспартийность, приходите ко мне на семинар и проверьте. А когда через год вытаскиваются тезисы и о них затевается разговор, то это меня крайне удивляет. Проблем сейчас много, действительно важных проблем, и можно их по-другому сформулировать, лучше, чем нам это удалось год назад.

Вопрос к тов. Ильенкову:

Мы обсуждаем предложенный проект президиума Ученого совета, где подводятся итоги долголетней дискуссии. Мне хотелось бы в качестве резюме услышать, что вы принимаете и что не принимаете.

Тов. Ильенков:

Я считаю, что тезисы можно охарактеризовать так, как они охарактеризованы в решении. С этим решением я согласен. Не могу согласиться только с пунктом о нечестности и прочее.

Давайте остановимся на пункте, который единственно вызывает возражения Эвальда Васильевича. **Неискренность.**

Антоним слова искренность. Как вообще это прекрасное литературное слово попало в советский и партийный лексикон и там надолго застряло? В 80-е, когда в райкоме мучили Василия Васильевича Давыдова, ему тоже в выговоре вменяли неискренность.

Искренний – человек или чувство («Я вас любил так искренно, так нежно...»): прямой, открытый, чистосердечный, прямодушный, нелицемерный. Тут все просто, за искренностью по определению ничего нет, никакой двусмысленности.

Другое дело неискренний – так можно сказать про поведение человека, и за этим обязательно что-то есть, за неискренностью спрятан мотив. Это может быть просто стремление что-то утаить, или желание обмануть (сам Ильенков интерпретирует неискренность как нечестность). Неискренность может скрывать лицемерие, лесть, злой или коварный умысел, даже подлость или предательство. И все это прикрывается неискренностью.

Так что обвинение в неискренности – как плевок в душу, это, по сути, обвинение в безнравственности.

Профессиональное оскорбление – какой-нибудь ревизионист или гегельянец – просто наклеенный ярлык. Ведь Ильенков согласен принять обвинения в адрес тезисов – ну, хотите так их понимать – понимайте так. Тезисы – это выводы, вешки, к ним ведет путь. Чтобы спорить о выводах, надо знать этот путь. Но желания пройти по сложному маршруту у оппонентов Ильенкова и Коровикова обнаружено не было.

«Философский разврат»

На следующем заседании, 29 марта, Ильенкову и Коровикову слова не давали, выступали только прокуроры. По счастью, и они иногда цитировали тезисы.

Тов. Георгиев:

Порочность вашей концепции заключается в самом начале, с 1 тезиса, где вы желаете объяснить происхождение философского знания из самого процесса познания. Так, собственно, и сказано. Вы пишете, что необходимость возникновения философии совпадает целиком и полностью с необходимостью научного познания вообще.

Вы говорите на стр. 4: *«В чем состояла необходимость возникновения философии? С одной стороны, в том, что предметом исследования философии со времен Аристотеля становится то, что носит у него название “первой сущности” “сущности как таковой”, и в отличие и даже в противоположность тем “сущностям”, которые непосредственно могут быть вскрыты в самих явлениях природы и общества на путях их теоретического анализа, и с другой стороны – какая реальность на самом деле является тем предметом, который исследуется в такой форме, мистифицирована в виде представления о “первой сущности”. Ответ на вопрос может быть дан только в том случае, если будет понята необходимость философии, вырастающая из самого развития научно-теоретических знаний».*

Еще цитата: *«Потребность в относительно самостоятельном, специфическом философском аспекте рассмотрения возникает из природы самого “конкретного”, то есть если употребить более точное слово – научно-теоретического познания».*

Еще цитата на стр. 6: *«Кстати, заметим, что от этого невозможно полностью избавиться, если трактовать философию как науку о мире, о его наиболее общих законах».*

11 и 12 тезисы: *«До возникновения марксизма философия выступала как наука, монопольно трактующая о законах мироздания именно потому, что положительное знание не давало понимания этих связей сознательно, не рассматривало свой предмет в его необходимых связях с предметом смежных наук, не вскрывало в нем движения, развития, и, следовательно, не давало понимания мира как материального развивающегося целого. Поэтому, например, рядом с эмпирической историей могла возникнуть особая философия истории, рядом с эмпирическим естествознанием – философия природы и т. д.».*

Далее сказано, что: *«Маркс и Энгельс показали, что основной задачей естествознания и наук, исследующих явления общественно-исторического порядка, вставшей перед ними к XIX веку, является задача усвоить себе полностью все высшие результаты, добытые двухтысячелетним развитием философии, что является парафразом требованию правильно, грамотно мыслить в ходе теоретического анализа явлений. Маркс показал образец сознательного применения философии к некоторым отраслям конкретного знания, в частности к политэкономии.*

И это лучшее доказательство того положения, что само положительное познание способно достигать и обязано достигать той самой последней сущности исследуемого предмета, за которой, над которой или под которой вообще больше нечего искать по той причине, что там больше ничего и нет».

13 тезис: *«Но поскольку науки приходят к сознательному диалектико-материалистическому методу мыш-*

ления, поскольку они впитывают в себя все достижения философии, они неизбежно приходят к выяснению своих взаимных связей, переходов и тем самым дают в своей совокупности ту единственно возможную картину мира, как единого связного во всех своих звеньях целого, в сравнении с которой чисто философская система представлений о мире как едином целом была бы совершенно излишняя, а стремление ее созидать было бы стремлением антикварным и реакционным».

С такими теориями социализма не построишь.

И правильно сказал здесь профессор Момджян: двурушничество – вот характерная черта авторов этих тезисов.

Реплики из зала:

Вы думайте, что говорите!

Перестаньте болтать! (*Оживление, шум в зале.*)

Проф. Гагарин:

Я испытываю большую вину как коммунист, что мы, члены Ученого совета, либерально отнеслись к товарищам, что привело к тезисам антипартийным, связанным с лозунгом «Подвергать все сомнению, все вопросы надо ставить на дискуссии». Разве вопрос о предмете философии – это дискуссионный вопрос? Это дискуссионный вопрос для врагов нашей партии. Это вопрос, раз и навсегда запечатленный в первых строках четвертой главы «Истории партии».

Выступал в свое время враг народа Радек, который сказал, что марксистское мировоззрение состоит из ручейков, оттенков, различных точек зрения...

Партия разоблачила эту троцкистскую точку зре-

ния ручейков... Другой враг народа Стэн¹ с лозунгом «Подвергай все сомнению».

Цитата из тезисов: *«Диалектика не является монополией философии, она присутствует в любом научном знании, законы диалектики вскрывает любая наука, в любом объекте; философия есть наука о научном мышлении и его законах».*

А Ильенков сказал, что диалектика это «научка». И наша вина в том, что мы дали в руки этим путаникам изучение со студентами основ марксизма-ленинизма. ...Раз все теории можно подвергнуть сомнению, то почему бы не подвергнуть сомнению советский демократизм?

«Философский разврат» – именно профессор Гагарин дал такое яркое определение происходящему. Он, правда, полагал «развратниками» Ильенкова и Коровикова, а не себя самого и всю прокурорскую компанию.

Тов. Васецкий:

Прежде всего мне хочется сказать, является ли поставленный авторами этого документа, этих тезисов вопрос дискуссионным. Я имею в виду вопрос о предмете марксистско-ленинской философии. Этот вопрос решен в нашей науке давно... *(Смех в зале.)*

...Эта постановка вопроса не случайно, а закономерно приводит авторов к отрицанию того, что наша философия является мировоззрением коммунистической партии...

¹ Тогда еще не стала общеизвестной история о плагиате с отягчающими обстоятельствами. Для первого издания БСЭ статью «Философия» заказали Стэну. Редактору отдела Митину статья понравилась – он и опубликовал ее под своей фамилией. Правда, (по легенде), предварительно-предусмотрительно позаботился о том, чтобы Стэна закатали в лагерь, где тот и погиб.

Выступление **Тов. Черкесова** примечательно тем, что он дважды цитирует тезисы.

Цитата из тезисов (стр. 5): *«Теоретическое мышление есть реальный предмет философии».*

Цитата из тезисов (стр. 7): *«От этого [от гегельянства] невозможно полностью избавиться, если трактовать философию как науку о мире».*

Письмо в редакцию

В своем выступлении тов. Черкесов упоминает о том, что в «Вопросах философии» была снята, как он выразился, «итоговая статья». Это интересное замечание. В архиве Эвальда Васильевича есть очень резкое письмо в редакцию «Вопросов философии». К сожалению, оно без даты, но, судя по всему, имеет отношение именно к описываемым событиям. Из письма следует, что Ильенков прочитал в гранках статью Молодцова.

В редакцию журнала «Вопросы философии»

Уважаемые товарищи!

Ознакомившись с гранками статьи В.С. Молодцова, в которой упоминается мое имя, считаю не только правом своим, но и долгом вмешаться в процесс подготовки статьи к печати.

Первое. Те взгляды, которые приписаны мне в статье – и прямо и косвенно (способом упоминания моего имени в критике взглядов Белецкого, с которым у меня гораздо меньше общего, чем у автора статьи) представляют собой прямую клевету от начала и до конца.

Вычитать из того, что я когда-либо говорил и писал вместе с Коровиковым, то, что приписано мне Молодцовым, можно только с помощью бериевско-аба-

кумовских следователей. Сделать это может только человек, думающий, что в науке применимы и позволительны приемы, практиковавшиеся в бериевских застенках.

Считаю своим долгом – и как коммуниста, и как человека, объявленного Молодцовым «антимарксистом», решительно выступить против глубоко возмущившего меня факта, и прояснить для членов редколлегии, введенных в заблуждение Молодцовым, истинное положение дел.

Я решительно протестую против издевательского по отношению ко мне смешивания в одну кучу моих взглядов на вещи с той антинаучной белибердой, которую в МГУ многие годы вещает с кафедры Белецкий со своими учениками.

Против взглядов Белецкого – и в первую очередь против тех именно, которые излагает в ходе их критики Молодцов – я вместе с многими товарищами – в том числе с Коровиковым – резко выступал на факультете еще в ту пору, когда Молодцов вообще не имел ничего общего ни с МГУ, ни со мной, ни с Белецким.

Я решительно требую, чтобы мое имя и мои взгляды в статье были четко отмежеваны от имени и взглядов Белецкого. Это первое.

Позволю себе выразить крайнее удивление по тому поводу, что на обсуждение статьи на редколлегии не были приглашены лица, о коих идет речь в статье.

Этого, кажется, требует элементарная этика.

Теперь по поводу моих взглядов на вопросы, затронутые в статье.

Молодцов знает их исключительно по пресловутым тезисам. И тот способ, которым он обрабатывает текст тезисов, прямо показывает, что из тезисов невозможно вычитать тех идей, которые он мне приписывает.

В тезисах сказано – науки могут познать свой предмет до конца.

Прямо опираясь на это положение, Молодцов делает вывод – Ильенков говорит, что наукам вообще не нужна философия, что наука сама себе философия.

Не говорю уже о том, что вывести последнее мнение из процитированного выше положения может только человек, обладающий логикой либо сумасшедшего, либо бериевского выученика.

Тем более что весь текст тезисов от начала до конца пронизан мыслью о том, что без философии наука вообще не может сделать ни шагу. Вот соответствующие места: [далее в скобках сказано: «цитаты», но Ильенков их тоже не приводит!].

Поскольку тезисы написаны мною вместе с Коровиковым, и Молодцов это прекрасно знает, я не могу не удивляться, что везде в статье фигурирует имя Коровикова, а мое опущено.

Я требую, чтобы Молодцов мое имя всюду поставил рядом с именем Коровикова.

Требую также, – поскольку критика моих взглядов опирается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** на «тезисы», – привести эти тезисы полностью. Требую я этого именно потому, что знаю, что в тезисах имеется ряд неточных и даже ошибочных положений, и если уж критике подвергаются тезисы – то в интересах истины, в интересах выявления подлинных – а не выдуманных Молодцовым – ошибок в них – сделать это.

Ибо действительно ошибочных положений Молодцов там не увидел, не привел в статье и не раскритиковал.

А раскритикованные им по методу бериевских следователей положения верны.

Пусть Молодцов скажет обратное – что наука – химия, физика, политэкономия **НЕ СПОСОБНА** познать свой предмет до конца, что за реальностью, раскры-

ваемой ими в конкретных понятиях, лежит еще какая-то принципиально непознаваемая на пути конкретного познания «сущность». Пусть он это заявит прежде, чем выводить из высказанного мной положения обвинение меня в том, что я заявляю, что «наука сама себе философия».

Прошу редколлегию извинить меня за резкость тона. Но сами поймите – может ли говорить спокойно о методах следствия, о методах выведения обвинений, практиковавшихся у Берии, человек, потерявший из-за них десяток лет жизни.

А Молодцов делает, пытается сделать именно это. Поэтому прошу если не извинить, то просто понять резкость моих выражений.

Все обвинения меня и Коровикова в статье выведены по тому же самому способу, что и проанализированное выше. В тезисах действительно есть ошибки. Их надо критиковать. Но прошу оградить меня от такой критики, какой я подвергся со стороны Молодцова.

Три четверти обвинений по адресу Белецкого в статье справедливы. Я это доказывал на семь лет раньше, чем Молодцов наконец раскачался в критике Белецкого.

И тем возмутительнее поступок Молодцова.

Я считаю, что напечатание статьи в том виде, в каком я ее читал в гранках, будет действием, позорящим страницы журнала, – тем более что Молодцов укрылся за спиной редколлегии и не осмелился поставить свою подпись.

Если статья в неисправленном виде появится, то я в силу этого обстоятельства буду вынужден подать в суд за оскорбление НА РЕДАКЦИЮ – что мне весьма неприятно, ибо уважение мое к членам редколлегии журнала [за исключением, разумеется, Молодцова] ни на минуту не колебалось и остается прежним.

Думаю, что страницы журнала не украсят, кроме того, собственные потуги Молодцова осветить вопрос о предмете философии.

Где и когда МЫШЛЕНИЕ было СФЕРОЙ БЫТИЯ?

Согласно какой такой логике из положения о том, что философия исследует ТОЛЬКО ВСЕОБЩИЕ ЗАКОНЫ, следует, что в пределы предмета философии попадает закон соответствия производительных сил и производственных отношений?

Разве из заявления Молодцова о том, что философия имеет своим предметом только законы, «общие для всех трех сфер бытия» – нельзя – согласно настоящей, а не бериевской логике – вывести, что по Молодцову все законы исторического материализма НЕ ВХОДЯТ в предмет философии?

На каком же основании Молодцов обвиняет Коровикова в мнении, что «истмат не философия»? Почему он забыл себя со своим вышеприведенным заявлением, из которого это действительно вытекает?

Это ли письмо или что-то другое повлияло на редколлегию, но подобной статьи в «Вопросах философии» опубликовано не было. Жаль – мы могли бы иметь опубликованные тезисы. Но вернемся к Ученому совету. Там дело заворачивается еще круче. Товарищ Белецкий подбирается к сути дела.

«Евангелие» от Ильенкова

Тов. Белецкий:

Они не только запутали вопрос о предмете философии, но дали не наше понимание предмета философии. Дело в том, что тезисы эти касаются не только понимания философии материализма, они касаются понимания всех проблем философии: истории фило-

софии, возникновения материализма и идеализма, развития и борьбы между материализмом и идеализмом, переворота, который произвел марксизм в философии.

Цитирует тезис № 3:

«...Закономерно, что философия возникает из потребности в общем, из потребности понятия общего».

Упоминает о тезисах №№ 13, 14, 15. Цитирует:

«В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией как логические категории, как законы диалектического мышления. Лишь делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают».

...Этим засорялись головы и что здесь является главным евангелием – это диссертация товарища Ильенкова. *(Оживление в зале, шум.)*

Я проводил спецсеминар со студентами 5 курса по методу. Из семинара в семинар вставал один и тот же вопрос – вы ставите вопрос так о мировоззрении, а в диссертации поставлен так... 90% в группе было за Ильенкова. Я сам получить диссертацию не мог, она, говорят, зачитана. Стало быть, дело здесь совершенно не в тезисах...

Я думаю, что это называется извращением не эклектического, а целиком гегелевского порядка, вся концепция заимствована у Гегеля, это гегельянщина самая настоящая. Ошибки эти – позитивистские, деборинские, меньшевистско-идеалистического толка. Концепция эта увлекательная и заманчивая, и товарищи просто не разобрались по существу.

Понятно, что здесь выпад не только в сторону Ильенкова, но и Ойзермана, у которого с Белецким были, видимо, свои счеты. На каком-то из партийных заседаний прозвучал вопрос – *«А почему Ойзерман не отвечает, он же был руководителем Ильенкова?»*. Однако эта реплика не было никем подхвачена, так и утонула в общем шуме.

Отвлечемся на минутку. Ойзерман и Ильенков – это тоже отдельный сюжет.

Практически весь автореферат кандидатской диссертации Эвальда Васильевича перекрыт правкой Ойзермана. Оригинальный текст Ильенкова был извлечен из-под правки руководителя, и мы сравнили его с авторефератом, представленным к защите. Так вот, опубликован был вариант Ойзермана. Смысла сопротивляться, видимо, не было – Ойзерман лучше знал, как должен выглядеть реферат, чтобы диссертация была защищена.

Вот что написал в своих воспоминаниях сам Теодор Ильич: *«Защита диссертации Ильенкова прошла, можно сказать, блестяще. Я имею в виду не только то, что все члены совета факультета проголосовали в пользу диссертанта. Гораздо важнее, что диссертация развязала дискуссию, в которой приняли участие едва ли не половина членов Ученого совета факультета»*¹.

Воспоминания, которые процитированы выше, написаны человеком весьма преклонного возраста – Ойзерману далеко за 90 лет. Не исключено, что память исказила давние события: *«...декан факультета В.С. Молодцов осудил Ильенкова и Коровикова. Было принято решение освободить этих преподавателей от работы на кафедре. ...Мои попытки добиться пересмотра решения об увольнении Ильенкова натолкнулись на глухую стену непонимания и чуть ли не подозрительности. Тогда я решил помочь*

¹ «Эвальд Васильевич Ильенков». М.: РОССПЭН, 2008. С. 16.

ему единственно возможным в этой ситуации способом. Позвонив Г.Ф. Александрову, моему руководителю в годы аспирантуры, директору Института философии, я рассказал ему об Ильенкове, о причинах его несправедливого, на мой взгляд, увольнения. «Это, – убеждал я Г.Ф. Александрова, – весьма способный человек, настоящий философ, пожалуйста, возьмите его к себе, уверяю Вас, не пожалеете». И Александров согласился принять Эвальда Васильевича, который, правда, без особой охоты (но лучшего выбора ведь не было) перешел в Институт философии¹. Не исключено, что в 1953 году Ильенков был принят в Институт философии по протекции Ойзермана. Но в любом случае это было задолго до конфликта на факультете.

Вернемся, однако, на Ученый совет, где дело близится к финалу.

«Куда зовут нас тезисы?»

Тов. Щипанов:

Товарищи Коровиков и Ильенков, выдвинув свои тезисы, не сидели сложа руки. Истину, которую, как им казалось, они открыли, они сразу же понесли в студенческую массу и усиленно стали внедрять в студенческую массу еще формирующихся студентов.

...Товарищи Коровиков и Ильенков возомнили себя новаторами философии, людьми, которые двигают науку вперед.

Щипанов цитирует тезис № 7:

«Ответ на вопрос может быть дан только в том случае, если будет понята необходимость в философии, вырастающая из самого развития научно-тео-

¹ «Эвальд Васильевич Ильенков». Указ. изд. С. 19.

ретических знаний». «...Потребность в относительно самостоятельном, специфически философском аспекте рассмотрения возникает из природы самого "конкретного", то есть если употребить более точное слово – научно-теоретического познания».

Опускаем его комментарии, оставляем окончательный вывод:

Товарищи Коровиков и Ильенков, видимо, забыли историю борьбы нашей партии с меньшевистствующим идеализмом и механицизмом. ...тезисы возрождают деборинщину.

Тов. Ковалев сообщает о возросшей роли философии как мировоззрения:

Философия стала достоянием широких трудящихся масс.

Тов. Косичев радуется заслугам философии перед народом:

А разве успехи мичуринской биологии были бы одержаны без применения диалектического материализма? Разве без диалектического материализма была бы успешной борьба с вейсманизмом-морганизмом? Для каждого советского биолога теперь ясно значение диалектического материализма. ...То же самое относится и к языкознанию.

Косичев упоминает книгу Павлова (Досева) «Теория отражения», в которой за предметом философии отрицаются всеобщие законы, утверждается, что предмет философии – содержательное мышление. Говорит также о статье в «Вопросах философии» академика Струмилина, в которой философия рассматривается как наука о познании. Вспоминает профессора Леонова, который

определяет предмет марксистской философии как науку о мышлении, то есть воспроизводит контекст, в котором появление тезисов Коровикова и Ильенкова не выглядит случайным казусом. Однако: *«Грубейшей ошибкой товарищей Коровикова и Ильенкова является то, что они с этими неправильными положениями полезли в студенческую среду. За это они заслуживают сурового наказания»*.

Спустя много лет А.Д. Косичев издаст воспоминания, где ни словом не обмолвится о том, что сам принимал участие в травле авторов тезисов, требовал для них «сурового наказания». Вернусь еще раз к книге «Философия. Время. Люди».

«Насколько сильно укоренились идеи Ильенкова и Коровикова на философском факультете, показывает рассказ студентки Галины Давыдовой. Студентка 5 курса Давыдова в беседе, защищая взгляды Ильенкова и Коровикова, подтвердила, что предметом марксистской философии они признают лишь науку о познающем мышлении, что исторический материализм есть наука об изучении исторического процесса и к философии не относится. При этом она заявила, что марксистская точка зрения – одна из точек зрения и ее можно «свободно» принимать или не принимать, что в марксизме могут существовать многие и разные взаимоисключающие положения. Мы не согласны, – заявила она, – что существуют какие-то недискуссионные вопросы. Дискуссии нельзя запретить. Все равно, если не сейчас, то лет через десять точка зрения Ильенкова и Коровикова на предмет философии будет господствующей»¹. Но мы отвлеклись. На Ученом совете тем временем слово снова берет **тов. Молодцов**. На этот раз им будет произнесена историческая фраза, которая

¹ ОЛМА, 2007. С. 238–239.

многократно цитировалась свидетелями и очевидцами. Вот она в стенографическом варианте:

Куда зовут нас тезисы товарищей Коровикова и Ильенкова. Я хочу этот момент еще раз подчеркнуть. Тезисы товарищей Коровикова и Ильенкова тянут нас в область мышления. *(Смех в зале.)* Я вас понял, почему вы смеетесь. Вы полагаете, что все, кто отстаивает нашу философию как науку о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, якобы игнорируют процесс нашего мышления. Это чепуха, товарищи. Я хочу сказать, что тезисы товарищей Ильенкова и Коровикова пытаются оттянуть нас в область мысли от практической деятельности, от естественно-научного знания. ...Сейчас происходит двухлетняя дискуссия по вопросам видообразования, перед вами выступали видные академики Лысенко, Сукачев. Сукачев говорил, что сейчас дело в том, товарищи философы, чтобы вы помогли решить ряд вопросов естествознания...

Ильенков говорит, что нет никаких работ, никто ничего не делает. Чепуха, товарищ Ильенков! Вы просто ничего не читаете, у вас развито зазнайство. *(Оживление в зале.)*

Дальше следует обсуждение решения президиума Ученого совета и принятие его.

Тов. Георгиев:

Записать, что поведение Коровикова и Ильенкова является неискренним, двурушническим.

Тов. Белецкий высказывается против пункта о неискренности и двурушничестве.

Тов. Попов тоже против.

Тов. Гагарин находит компромисс:

Я предлагаю слово неискренность оставить, а двурушничество опустить.

Еще одно необходимое филологическое отступление. Что такое двурушник? Это слово отсутствует в словаре Даля, есть у Ушакова. Известен пример употребления этого слова в литературе: «Петербургские тайны». Там нищие бранят своего собрата за то, что он двурушничает – то есть просит милостыню с двух рук. Причем одну руку тянет от себя, а вторую, как бы чужую, из-за спины соседа-калеки. В советский партийный словарь это слово проникло из произведений Ленина и укоренилось уже с другим смыслом. Двурушник – это человек, выдающий себя за «своего», а на самом деле действующий в интересах врагов партии.

Интересно, что в Словаре современного литературного языка (кстати, третий том с «двурушником» вышел все в том же 1954 году) не нашлось литературных примеров на это слово, хотя именно за это я больше всего и люблю этот словарь. Там двурушник определяется как «Лицо, скрывающее свои взгляды, действительные намерения и под личиной преданности кому-либо (чему-либо) действующее в пользу враждебной стороны». А что касается примеров, их приведено три: из «Краткого курса», из доклада Жданова, из статьи Сталина по поводу убийства Кирова.

Обсуждение между тем продолжается.

Тов. Молодцов:

Термин двурушничество, конечно, политический, серьезный термин, термин политической оценки.

Тов. Васецкий:

Профессор Белецкий поднял вопрос о диссертации Ильенкова. Я считаю, что Ученый совет должен этим

вопросом заняться. И если такие идеи в ней есть, то надо осудить ее.

Тов. Молодцов:

Я поддерживаю предложение Васецкого вернуться к рассмотрению диссертации Ильенкова.

В принятом решении термин «двурушничество» отсутствует (оскорбительная «неискренность» осталась), тезисы осуждены как отступление от марксизма в сторону идеализма, профессоров обязали провести разъяснительную работу, предотвратить дальнейшее распространение тезисов и рассмотреть вопрос о диссертации Ильенкова.

РЕШЕНИЕ

Совета философского факультета
от 29 марта 1955 года

Совет философского факультета МГУ, обсудив тезисы т.т. Ильенкова и Коровикова «О взаимоотношении философии и наук о природе и обществе» считает необходимым отметить следующее:

1) Совет факультета признает, что он с большим опозданием приступил к осуждению тезисов т.т. Коровикова и Ильенкова, что дало возможность разрастись антимарксистской точке зрения на предмет марксистской философии, содержащейся в тезисах.

2) Утверждение т.т. Ильенкова и Коровикова о том, что философия марксизма является одной только гносеологией, учением о познающем мышлении, что ведет к отрицанию ими известного положения Энгельса о том, что материалистическая диалектика изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления является, по мнению членов

Президиума Совета факультета, грубой теоретической ошибкой, отступлением от марксизма в сторону идеализма, принижением значения марксистско-ленинской философии как мировоззрения, а не одного только метода. Логическим следствием этой ошибки является отрицание исторического материализма как неотъемлемой части марксистско-ленинской философии, объективизма и игнорирование принципа партийности философии (так в тексте. – *Сост.*).

3) В процессе обсуждения тезисов т.т. Коровиков и Ильенков вели себя в ряде случаев неискренне, отвергая то, что они утверждали раньше, пытаясь завуалировать тот факт, что они фактически стали на путь отрицания диалектического материализма¹ как части марксистско-ленинской философии. Эта неискренность, нежелание прямо признать свои ошибки, обнаруженные в ходе обсуждения тезисов, в особенности должна быть поставлена в вину т.т. Ильенкову и Коровикову.

4) Совет факультета обязывает профессоров, доцентов и преподавателей на лекциях и семинарах провести разъяснительную работу по вопросу о предмете философии марксизма, и, в частности, разъяснить те положения Энгельса по этому вопросу, которые неправильно истолкованы в тезисах т.т. Ильенкова и Коровикова.

¹ Только что (в п. 2 цитируемого протокола) т.т. Коровиков и Ильенков обвинялись в непочтительном отношении к ИСТОРИЧЕСКОМУ материализму. В п. 3 «исторический» незаметно превратился в «диалектический». Это все равно как в судебном приговоре писать сначала «кража», а затем с невинным видом превратить «кражу» в «изнасилование». Скорее всего, это опечатка. Но, никем не замеченная, она превращается в «опечатку по Фрейду». Это – к вопросу о логических способностях профессоров, философов, членов Ученого совета.

5) Поручить деканату принять решительные меры против дальнейшего распространения антимарксистских идей на факультете, связанных с тезисами.

6) Поручить Президиуму Совета факультета рассмотреть вопрос о диссертации т. Ильенкова, которая была подвергнута на заседании Совета критике.

Буквально через три дня, 1 апреля, на заседании Президиума Ученого совета слушали дело о диссертации Ильенкова (Ойзерман отсутствовал). Поскольку диссертацию никто толком не читал, постановили: «Просить ознакомиться с диссертацией тов. Ильенкова профессоров Белецкого, Георгиева, Черкесова и Розенталя». Последняя фамилия приписана ручкой. Можно предположить, что Розенталь был включен в зловещий список не без помощи Ойзермана. Как научному руководителю, Теодору Ильичу совсем не улыбалось стать заодно с Ильенковым объектом свирепой критики. Так что Марк Моисеевич, философ старой школы, должен был уравновесить и смирить ярость Белецкого и Георгиева.

Стенограмм этого обсуждения и других заседаний Ученого совета в архиве МГУ, к сожалению, нет. Однако опасность лишения кандидатского звания была вполне реальной. Профессора могли обратиться в ВАК с требованием пересмотреть решение. Этого, как мы знаем, не произошло. Сыграл ли свою роль приписанный от руки к прокурорскому списку Розенталь, подключил ли свои организаторские таланты Ойзерман (как-никак научный руководитель Ильенкова), или просто время стремительно приближалось к XX съезду, – мы этого точно не знаем. Но главное – пронесло!

Почему Ильенков остался без выговора?

Как уже было сказано, в марте было принято постановление Ленинского райкома КПСС на основании работавшей на факультете комиссии. Текст постановления, когда я попыталась его получить в архиве, оказался засекречен. Пришлось подать заявку на рассекречивание и по прошествии довольно долгого времени мне разрешили ознакомиться с партийными документами Ленинского райкома Москвы. Интересующее нас заседание бюро райкома состоялось 25 марта 1955 года. Ничего нового, по сравнению с тем, что мы уже знаем, приговор райкома не содержит. Фамилии Ильенкова и Коровикова в постановлении не упоминаются. В основном оно посвящено антипартийным высказываниям на известном нам партсобрании 15 марта того же года. Трудно понять, почему эти материалы до сих пор засекречены. На стенограммах заседаний бюро вообще стоит гриф «Строго секретно!». С позиций сегодняшнего дня эти стенограммы выглядят не столько таинственно, сколько комично. Тридцать человек: члены бюро, инструктор МГК КПСС Мещерская, зав. отделами и секторами и просто рядовые райкомовские инструкторы, осваивали разнообразную и утомительную повестку дня. Вопрос о философском факультете рассматривался ближе к концу заседания, сразу вслед за обстоятельным рассмотрением проблем клуба шпульнокатушечной фабрики им. Ф.Э. Дзержинского. Плохи дела были в клубе – всего 29 лекций за год, слабая посещаемость этих лекций, провалы в художественной самодеятельности и неучастие в районных и городских мероприятиях. На шпульно-катушечный клуб потребовалось пять страниц обстоятельной критики и указаний. К чести бюро

райкома надо признать, что философии было уделено на пару страниц больше¹.

Теперь вопрос – почему все-таки Ильенков остался без партийного выговора, как он избежал той участи, которая постигла Коровикова? Для этого посмотрим, что происходило в парторганизации Института философии, где состоял Эвальд Васильевич. В те же самые числа, в которые Ильенкова и Коровикова разбирал Ученый совет в МГУ, в институте проходило беспрецедентное трехдневное партийное собрание – 30, 31 марта и 1 апреля.

В архиве, где хранятся партийные документы, сначала мне отказались дать стенограммы институтских партсобраний. Почему? Материалы из МГУ дали, а из Института – нет? Мне объяснили – там, дескать, много личных моментов, много ругани, если это публиковать, можно кого-то задеть. Пришлось обратиться в Главное архивное управление, оттуда спустили письмо в архив. И вот звонит милая женщина из читального зала и говорит – вам разрешили, но при условии, что вы будете читать документы в присутствии замдиректора архива. Хорошо. Я просила папки партийных документов института за 54 и 55 годы. И вот кабинетик, мне дали крохотный столик, в метре от меня сидит замдиректора, передо мной четыре папки с закладками. Оказывается, прежде чем дать мне эти секретные материалы, сотрудницы все папки пролистали (а в каждой страниц по 300), и заложили те страницы, где упоминается фамилия Ильенкова. Остальные листы – не все, но многие, переложены картонками и скреплены скрепками, чтобы я не могла заглянуть.

Ну хорошо, я сделала выписки с разрешенных закладками страниц и объясняю – мне же надо понять, какого это было числа, что это – партбюро или партсобрание.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 75. Оп. 31. Д. 8.

Кроме того, мне важен контекст, меня интересуют и другие слова, не только имя моего отца. К тому же вы дали мне папку с документами третьего дня партсобрания, еще папку с материалами второго дня – а где же первый день? Там самое главное – повестка дня, важные для меня подробности. Короче, спустя час-другой из шкафа была извлечена недостающая папка, скрепки были убраны, и я смогла пролистать эти таинственные страницы.

Так вот, трехдневное партийное собрание было посвящено академику Александрову (см. в приложении именной указатель), по которому было вынесено постановление ЦК. Не будем тратить время на всю эту историю, отметим только, что человек был низринут с олимпийских высот и отдан на растерзание общественности. Три дня срывались все и всяческие покровы, Александрова обвиняли во всех мыслимых грехах – там был и блуд, и стяжательство, и плагиат, и использование рабского философского труда. Это был просто водопад разоблачений, добавить в который свое ведро помоев хотел каждый. Так что до Ильенкова с его предметом философии мало кому было дело. Во всяком случае на этот раз.

Чтобы понять, какова была атмосфера в Институте, приведу только один эпизод из этого увлекательного партсобрания.

Среди выписанных мною реплик была одна, сказанная Ильенковым еще в 54 году, – смысл тот, что нельзя превращать Институт в богадельню для отставных партийных работников. Вот это ему и припомнил некто Матицын на том самом знаменательном трехдневном партсобрании.

Тов. Матицын:

У нас имеются люди, которые также стремятся направить работу Института в отрыв от жизни, выступая замаскировано под видом борьбы с бездельниками.

А кто же эти бездельники, о которых идет речь? Это люди, присланные из Академии общественных наук, с партийной государственной работы, хорошо знают жизнь, но не имеют опыта научной работы. Вполне понятно – человеку, побывавшему длительное время на практической работе, трудно сразу включиться в науку, писать книги, и есть люди, которые используют это обстоятельство и начинают всеми мерами их изживать. Развивают теорию, что здесь должны быть люди типа начетчиков.

Из зала вопрос – кто развивает? Ответ:

Доброхвалов, Ильенков, Басова. А кто они сами-то такие? Они оторваны от жизни. Ильенков на школьной скамье родился и вырос (*смех*). Он начитался книг, но, не зная как следует жизни, думает, что он может приступать к философии (*смех*). И это привело его, как известно, к ревизионистским взглядам. Он начал ревизовать философию, марксистскую философию, он начал проповедовать ревизионистские взгляды. (*С места: «При чем тут школьная скамья, он в армии был. Вы ответите за свои слова».*)

Завершала знаменитое собрание зам. зав. отдела науки ЦК КПСС **тов. Кузнецова:**

Товарищи! Партия учит нас проявлять неослабное внимание и бдительность к работе на теоретическом и идеологическом фронте¹...

Некоторые ошибки допускаются и отдельными философами. Кто-то из философов выступает с такими заявлениями, что исторический материализм не входит в философию, что философия должна заниматься главным образом исследованиями законов

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 32.

мышления и т. д. Отголоски этих взглядов, очевидно, в какой-то мере имеют место и в Институте философии. Свидетельством этого является заявление здесь тов. Модржинской¹, приведшей в пример статью, помещенную в вашей стенной газете.

Конечно, такие нездоровые взгляды могут привести к ревизии марксизма...

О событиях на философском факультете МГУ упоминалось на этом собрании дважды, в выступлениях председательствовавшего В.П. Черткова и П.Т. Белова.

Тов. В.П. Чертков:

Те события, которые произошли на философском факультете Университета, заставляют нас задуматься. Пусть не в том размере, пусть в зачаточном состоянии, но и у нас есть отдельные нездоровые тенденции в трактовке в высшей степени принципиальных вопросов нашей науки. Среди нашего коллектива есть люди, которые, может быть, и выполняют в срок план, но они придерживаются неправильной мысли, которая сквозит в выступлениях устных и печатных, мысли о том, что будто бы вся философия сводится только к вопросам гносеологии. Это принципиальный вопрос!

Тов. П.Т. Белов:

Я считаю, что многие выступления, которые имеют место в нашей организации, имеют прямую связь с антипартийными выступлениями на факультете МГУ.

¹ Модржинская упоминала статью Зиновьева, в которой «он пытается свести философию к теории познания идеалистической», и предостерегала, прося учесть, что у Зиновьева есть единомышленники.

... Ильенков и там и тут выступает против Шевченко, против русской материалистической философии, против предмета марксистской философии¹...

Понятно, что все это жалкие уколы по сравнению с массовой трехдневной атакой на бывшего директора Института философии и даже бывшего министра культуры. Так и получилось, что низринутый с высот Александров на какое-то время заслонил своей персоной Ильенкова, все разоблачительные силы были брошены на сведение счетов с академиком. Но на самом деле и над Эвальдом Васильевичем сгущались тучи, и он был в двух шагах от выговора. Но это случится позже, осенью.

Канта приказано сделать великим

Вернемся в МГУ, где тоже три дня проходило закрытое партсобрание философского факультета. Уже было постановление райкома, дело дошло до ЦК. Итак, протоколы.

Протокол № 2 закрытого партсобрания философского факультета 11-14. 04.1955 «О постановлении Ленинского райкома КПСС»

Тов. Ойзерман:

Гнилое благодушие партийного бюро к недостаткам на факультете, равнодушное отношение к нездоровым явлениям в работе факультета. Например, кафедра истории зарубежной философии еще год назад подвергла принципиальной критике точку зрения преподавателей Коровикова и Ильенкова, квалифицировала ее как рецидив меньшевистствующего идеализма. Но партбюро заняло позицию невмешательства в этом вопросе и позволило немарксист-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 32.

ской концепции Коровикова и Ильенкова распространиться на факультете. Более того, осенью этого учебного года партбюро выдало положительную характеристику т. Коровикову для направления его на работу в Будапешт, даже не запросив моего мнения по этому вопросу (подчеркнуто мной. – Е. И.).

Ойзерман сменил тон, старается переложить вину с кафедры на партбюро, забыл, что год назад предлагал Коровикову написать статью и признавал правоту его идей.

Тов. Момджян:

Уровень теоретической работы на факультете невысок. Забвение вопросов теории познания, возможно, явилось одной из причин популярности тезисов Ильенкова и Коровикова.

Тов. В. Сухарев:

В нашей организации есть часть коммунистов, которые не умеют держать язык за зубами, не обладают достаточной политической бдительностью. 60 процентов студентов и аспирантов-иностранцев являются сторонниками точки зрения Ильенкова и Коровикова. Идейному влиянию их тезисов подверглись чешские и польские товарищи.

Тов. Попов:

Молодые преподаватели, которые выросли в атмосфере недисциплинированности и зазнайства, ведут себя очень нескромно (Коровиков, Ильенков, Зиновьев). Например, тов. Ильенков, оправдываясь, говорил: «Дынный взгромоздился на трибуну и начал лаять на меня».

Тов. Трахтенберг, профессор, историк философии, (именно он обозвал Коровикова и Ильенкова «стилягами»):

Часть студентов младших курсов поддерживала тезисы т.т. Коровикова и Ильенкова. Попытки последних преподнести гнилье под маркой новшества были демагогическими. Их теория – смесь меньшевистствующего идеализма с позитивизмом и кантианством. Такие люди, как выступавшие с тезисами, есть своего рода стиляги в области философии. Имелась тенденция к анархизму и теоретическому разброду.

Тов. Андрееenko (если читать по ролям, то это нежный женский голос со слезой):

Но почему же Коровикову не сказали: не вноси в наш чистый светлый советский дом идеологической чепухи. В московском университете ей не место.

Тов. Корешков, секретарь парторганизации 4 курса:

Студентов 20 поддерживали настойчиво взгляды Коровикова и Ильенкова, в том числе студенты из стран народной демократии, человек 8. Здесь выступал Ойзерман и говорил, что знал с самого начала относительно тезисов, что они были неверные. Но в своих лекциях, а он их читал почти год и по предмету марксистско-ленинской философии, на этих положениях остановился полтора раза.

Тов. Васецкий:

Конечно, мы должны были значительно раньше раскритиковать те отступления на фронте марксистской философии, которые обнаружились в тезисах Коровикова и Ильенкова. Мне кажется недопустимой такая форма дискуссии, как обсуждение тезисов, предварительно не обсужденных на кафедре, в присутствии 200 студентов.

Из прочих выступлений следует, что значительная часть студентов, особенно иностранных, находилась под влиянием (под обаянием) Коровикова и Ильенкова. А что касается оскорблений, то они все те же. На собрании, понятно, Ильенков отсутствовал, отдувался за двоих Коровиков. Вот выдержки из его выступления:

Тов. Коровиков:

Мне хочется сегодня в выступлении сказать о причинах тех ошибок и срывов, которые были лично в моей работе, и некоторые свои соображения о жизни факультета в целом, ибо я нахожусь на факультете более одной трети своей жизни. Я пришел из армии в 1944 году и 11 лет здесь нахожусь. Поэтому и мои собственные ошибки, и то, что я видел и передумал на факультете, неразрывно связано со всей жизнью нашего факультета.

Я думаю, что сегодня я могу детально не разбирать все свои поступки, действия и ошибки, поскольку мое персональное дело будет разбираться на партсобрании и там я смогу более обстоятельно все раскрыть и выслушать в мой адрес всю критику.

У нас на факультете царит несерьезная, безответственная атмосфера как в вопросах воспитательных, так и научных. Я не помню ни одного года и месяца, когда на факультете не было бы тех или иных теоретических или организационных групп, иногда переходящих в прямую грызню между отдельными преподавателями и профессорами.

...Как только я пришел на факультет, было постановление ЦК о третьем томе истории философии. По этому вопросу шли большие разногласия и споры, потом эта длинная история – спор по вопросам истины, затем была дискуссия по книге Александрова, в которой очень много вскрылось пороков, ошибок и т. д.

Я видел, как на протяжении десяти лет одни и те же профессора и преподаватели в разные тяжелые и переломные времена очень легко меняли свое поведение, свою оценку исторических фактов. Приведу всем известный знаменитый пример с написанием истории философии. Я был аспирантом первого года, когда шло обсуждение первого варианта макета. Сейчас все знают, что макет безобразный в первом варианте... Никто тогда из профессоров резкой критике этот макет не подвергал... Проходит год-два, макет подвергается резкой критике, и я помню, как приходит Ойзерман на кафедру и в полуофициальной беседе говорит, что работает над главой о Канте, приказано сделать Канта великим. А что, до этого Ойзерман не знал, что Кант – великий философ? Сравним главу о немецком идеализме в макете, как она сейчас, с показом Канта полубезумным, не понимающим, что он говорит, философом. Я уверен, что здесь вы сделали его великим, судя по вашей статье в «Большевике». В свое время, когда много говорили о космополитических ошибках и извращениях, все студенты смеялись над профессором Васкиным, который в каждой лекции, говорил ли он о стоиках или о Лессинге, везде находил элемент космополитизма. Лессинг был объявлен сплошь космополитом. Далее известно кручение и верчение вокруг немецкой классической философии. Я не хочу сказать, что это меня не касается...

Тов. Лутчиков:

Хотелось бы здесь услышать о вашей деятельности, о ваших тезисах.

Тов. Коровиков:

Будет разбираться мое персональное дело, тогда эти вопросы будут поставлены.

Общий вывод: я считаю, что я, работая на факультете, не научился у наших профессоров твердо, стойко, до конца проводить определенные взгляды, разрабатывать их, твердо стоять на своих позициях. Они не могли дать такой пример.

Тов. Афанасенко:

Все-таки мне кажется слишком огульное и слишком сильное обвинение ко всему профессорско-преподавательскому составу. Так нельзя.

Тов. Коровиков:

О дискуссионности поднятого вопроса. Во-первых, это вопрос не такой простой – о предмете философии, что будто бы весь вопрос сводится к двум-трем фразам. Вопрос этот сложный, здесь нужна серьезная работа. Как я сам пришел к этому вопросу как к дискуссионному?

Как вы знаете, имеется книга, посвященная проблеме теории познания, книга Павлова «Теория отражения», где речь идет в том числе и о предмете философии. Предисловие к ней написано профессором Георгиевым и по вопросу о предмете философии сказано, что вопрос о философии как науки мышления является дискуссионным. Почему профессор, который написал предисловие на 40 страниц, где подвергает критике Тодора Павлова за его ошибки и теоретические истины, по важнейшему всем ясному вопросу о предмете философии, не говорит, – в чем можно назвать его дискуссионным? Это написано в книге, которая является одним из главных пособий, которое отражает диалектический материализм.

На нашем факультете никаких книг о теории познания нет. И книги Павлова у нас в литературе нет. Поэтому с этим связаны мои собственные громадней-

шие ошибки и заблуждения. Я не упал на факультет с неба. Я более чем кто-либо сконцентрировал недостатки факультета в себе. Я несу за это ответственность. Партбюро разбирало дело, будет разбирать факультетское партсоборание, и я не собираюсь от своей вины устраниваться.

В чем я вижу свою собственную вину? Не в том, что прочитав те или иные работы, согласился с одними положениями, не согласился с другими и отстаивал свою точку зрения, считая ее марксистской. Вина моя заключается в двух пунктах: что я в преподавание вносил эти моменты, эти точки зрения. Вторая моя вина, на что обратил внимание тов. Ойзерман, это то, что ни я, ни Ильенков в достаточной мере глубоко не восприняли критику со стороны товарищей, хотя надо сказать, что эта критика носила такой характер, какой и мы подвергали других в свою очередь. Я здесь также признаю свою вину.

Теперь еще один вопрос, очень важный вопрос о связи со студентами... (Голоса: «Хватит!»)

Председатель:

Кто за то, чтобы продолжить время Коровикову?
Меньшинство.

Вредительство международного масштаба

Следующий оратор больше всего переживал за иностранных студентов.

Тов. Гувер:

Товарищи коммунисты! Выступавший передо мной тов. Коровиков глубоко меня возмутил.

...В свете решения бюро райкома нам необходимо сейчас исключительно требовательно, самокритич-

но подойти к анализу наших ошибок. Ведь именно у нас на факультете нашлись такие философы, которые сводили предмет марксистской философии к гносеологии, отрывая его от задач изучения наиболее общих законов природы и общества, от задач разработки цельного научного мировоззрения. Не понимая и лжетолкуя ленинское положение о единстве диалектики, логики и теории познания, эти товарищи на протяжении ряда лет вносили свою, по существу ревизионистскую точку зрения в сознание студентов, которых мы должны воспитывать как страстных борцов за дело партии, за чистоту марксистской теории.

Две недели тому назад, 28 марта, собрались студенты и аспиранты, немцы из ГДР. Они присланы к нам в Москву, чтобы здесь овладеть марксизмом и стать настоящими борцами за коммунизм в Германии. Они собирались, чтобы обсудить статью старого немецкого коммуниста, профессора философии тов. Гроппа о противоположности марксистского диалектического метода идеалистической диалектике Гегеля. Статья Гроппа направлена против живучих еще в Германии остатков ревизионизма, гегельянства, против неогегельянской фальсификации марксизма.

И вот докладчиком выступил студент 4 курса, член Единой Социалистической партии Германии тов. Барнер. Начал он так: «Я не успел переработать свой доклад в свете еще не утвержденного решения Ученого совета факультета, критикующего тезисы Ильенкова и Коровикова. Я буду излагать свои взгляды, как они сложились у меня в процессе учебы на семинаре у преподавателя Коровикова».

Вот некоторые положения этого доклада: Марксистская философия – это только метод теоретического

мышления, так называемый основной вопрос – об отношении души и материи – давно стал вопросом конкретных наук – психологии, физиологии. А предмет философии – метод теоретического мышления – существенно равен у Маркса и у учителя Маркса – Гегеля, хотя у них и противоположные классовые основы. Задача состоит в том, чтобы сделать то, чего не сделали еще классики марксизма – разработать теорию познания как метод теоретического мышления. Маркс лишь применил этот метод к истории и получилась конкретная наука – исторический материализм, который не больше философская наука, чем физика или биология. А философия должна изучать только общее, только мышление, исходя из тех законов, которые открыл Гегель...

Я думаю, этого достаточно. Братские коммунистические и рабочие партии зарубежных стран доверили нам своих лучших сынов. А мы что делаем? Мы допустили, чтобы у нас два преподавателя под флагом «творческого марксизма» вносили путаницу в умы наших студентов, в частности в умы доверенных нам зарубежных товарищей!

Но должен доложить собранию, что в среде немецких студентов доклад Барнера получил должный отклик, и хотя тоже учившиеся у Ильенкова и Коровикова тов. Зайдель и Плавице пытались поддержать взгляды Барнера, они были резко, по-партийному, осуждены своими товарищами. Но разрешите, товарищи, еще больше вскрыть глубину вреда, который нанесли нам Коровиков и Ильенков в своей преподавательской деятельности. К сожалению, и ряд других студентов из стран народной демократии были сбиты с толку преподавателями Ильенковым и Коровиковым и нам всем придется серьезно поработать с теми товарищами, которые через месяц поедут в Польшу и другие страны, чтобы помочь этим товарищам до

конца уяснить вредность и ошибочность взглядов товарищей Коровикова и Ильенкова.

Вот, например, студент Лекторский писал под научным руководством Коровикова курсовую работу «О некоторых гносеологических вопросах практики в работе Маркса “Тезисы о Фейербахе”», и на 33 странице он сводит диалектику только к методу теоретического мышления. Или студент Мокроусов пишет под научным руководством Ильенкова курсовую работу о движении от явления к сущности, как общем методе познания, и утверждает, что недостаток домарксовых теоретиков и их отличие от Маркса сводится по существу к тому, что они в отличие от Маркса лишь несознательно пользовались методом восхождения.

А оценивая курсовую работу студента Куликова, Коровиков, как научный руководитель, писал 2 июня 54 года: «Тов. Куликов подчеркивает роль изменения предмета философии, превращение философии в метод познания». А ведь ко 2 июня 54 года кафедра уже подвергла осуждению этот «тезис» Коровикова. Еще год назад кафедра наша специально рассмотрела пресловутые тезисы Коровикова – Ильенкова и осудила их. Но этим товарищам критика не помогла. Они зазнались, решили против и без кафедры, наперекор партии «творчески улучшить» марксизм. И, конечно, были за это осуждены.

Но мы, коммунисты, не можем на этом успокоиться. Надо довести до конца работу по разоблачению ошибочности взглядов Коровикова–Ильенкова. Ведь не секрет, что еще многие аспиранты (Давыдов, Рышков, Грушин) и студенты, особенно 4 и 5 курсов, не понимают и не хотят понять ошибочность взглядов Коровикова–Ильенкова. Некоторые даже до сих пор не согласны, видите ли, с решением Ученого совета!

Признать меньшевистствующим идеалистом!

Тов. Панюшев:

Товарищи, за последнее время стало ясно, что положение дел на философском факультете явно неудовлетворительное. Об этом свидетельствуют и партсобрания, которые проходили перед этим за последние 4–5 месяцев.

...Источником зла является Белецкий и его кафедра, источником зла являются Ильенков и Коровиков, выступившие с немарксистскими тезисами по вопросу о предмете философии. С Белецким нужно и должно спорить, Ильенкова и Коровикова нужно критиковать, но причина, как это хотели изобразить т.т. Ойзерман и Черкесов, не в этом. Когда говорят, что причиной неблагополучия являются Белецкий, Ильенков и Коровиков, то эти товарищи тем самым выдают себе диплом в бессилии. Это значит, что товарищи не способны противостоять положениям, которые выставляют эти товарищи.

Тов. Добродомов, зам. зав. отделом науки и культуры МГК КПСС:

Особого внимания заслуживают выступления товарищей Арефьевой и Коровикова. Внешне они признают ошибки, и по лицам видно, что люди верят им. По существу они не сделали для себя правильных выводов, не прочувствовали до конца свои ошибки.

Возьмите Коровикова. Как можно, коммунист воспитывался здесь, вырос на идеях марксизма-ленинизма, и так огульно охаивать профессорско-преподавательский состав. Почему? Кто вам дал право? А как он заключает свою ошибку? Он ее видит в том,

что тезисы были недостаточно аргументированы. Он ошибку видит в том, чтобы выйти за пределы программы. Пытался проповедовать не то, что положено в Советском Союзе. Но ни слова не сказано, что, извращая марксистско-ленинскую теорию, неправильно воспитывал молодежь. Так вот, товарищ Коровиков, вы должны сказать, что вы извращали основные положения марксистско-ленинской теории и тем самым нанесли огромный ущерб Университету.

Тов. Могилев (тот самый, идейную связь с которым Щипанов хотел приписать Коровикову и Ильенкову. Попытка оказалась неудачной):

Разве мы не видели, что неоднократно на нашем факультете подверглись ревизии основные положения марксистско-ленинской теории. Ставилась под сомнение работа тов. Сталина о диалектическом и историческом материализме.

... Мы помним обсуждение книги, когда товарищ Кедров доказывал, что в работе тов. Сталина не затрагиваются вопросы философии. Как отнеслись преподаватели к такому извращению?

Известно, что «Краткий курс» – работа тов. Сталина – принят и утвержден ЦК. Значит, это было выступление не только против классиков марксизма-ленинизма, но и против документов ЦК партии.

...Почему не получила отпора точка зрения Коровикова и Ильенкова, которая отрицала закон материалистической диалектики?¹

¹ ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 1. Д. 41.

Стенограмма партсобрания философского факультета
МГУ 13 апреля 1955 года (третий день)

К этому дню уже почти выдохлись, ничего нового, кроме повторения прежних обвинений. Поэтому только некоторые эпизоды.

В.С. Корниенко:

Это «творческое» отношение к науке, понимаемое извращенно, увлекает студентов на путь ложного, вредного новаторства...

Так, например, на 2 курсе при обсуждении на семинаре вопроса о предмете философии некоторые студенты высказали положение, что история философии не является историей борьбы материализма с идеализмом, что они не согласны с определением предмета философии тов. Ждановым, что идеализм имеет самостоятельное развитие и должен изучаться отдельно.

Тов. Никитин. Заключительное слово:

Президиум Ученого совета и Ученый совет признали, что в тезисах – и не только в тезисах – выражена линия и теоретическая позиция Коровикова. Они признаны ошибочными, как меньшевистствующий идеализм.

О т. Коровикове. Когда разбирали его персональное дело на партбюро, то он счел возможным заявить, что занимал философские и теоретические неправильные позиции и сделал крупнейшую ошибку в том смысле, что в этом направлении воспитывал студентов. Он признал это и в силу этого товарищи признали возможным смягчить ему меру наказания. А вчера он, выступая на собрании, заявил то, что говорил в течение ряда лет, и слова те же, и жаргон тот же – «грызня между профессорами», он в силу этого не научился стоять на твердой позиции.

Оказывается, слабость его теоретической позиции в том, что профессора грызлись на его глазах. Я думаю, тов. Коровиков не понимает суть своих ошибок и хочет свалить с больной головы на здоровую, делает это не впервые, начинает финтить от заседания к заседанию. Я имею в виду президиум Ученого совета, где он и Ильенков согласились, что тезисы негодные. Они выпросили у Ученого совета время, чтобы сформулировать в более или менее приличном виде эти тезисы. Президиум Ученого совета пошел на это, дал время. Они тянули 2–3 месяца, а потом пришли и заявили на президиуме Ученого совета: «Дорогие товарищи, мы тезисы переписывать не будем, улучшать их не собираемся. Все, что там написано, верно и просим рассмотреть их в том виде, как они были предложены два месяца назад».

Затем состоялись выборы в партбюро, обсуждались кандидатуры. Был выдвинут тов. Панюшев. Ему задан вопрос с места: *«Каково ваше отношение к тезисам Коровикова и Ильенкова?»*

Тов. Панюшев:

Я этих тезисов не читал, мне их на полчаса давал Кузьмин. Какую линию я проводил в студенческих группах? Я не знал точки зрения Коровикова и Ильенкова, студенты могут подтвердить.

Тов. Ойзерман:

Мне говорили профессора Васецкий, Щипанов и другие, что тов. Панюшев систематически проповедовал сведение философии к гносеологии и даже после того, как этот взгляд был подвергнут критике на кафедре. Наша задача – подобрать в партбюро людей, искренне убежденных в необходимости раз и навсег-

да покончить со всеми извращениями, которые были и остаются на факультете (Ойзерман против кандидатуры Панюшева).

Тов. Васецкий:

Панюшев не подходит для работы в партбюро, потому что в вопросах критики неправильных, идеалистических по существу утверждений Коровикова и Ильенкова занял такую нейтральную в лучшем случае позицию.

...Таким образом, Панюшев для того, чтобы выправить положение дел на факультете, еще не подходит.

(Были и другие выступления против, но, несмотря на это, Панюшев остался в списке для голосования).

Небольшое отступление: Панюшев еще не знал, что недолго ему суждено оставаться на факультете. В сентябре в МГУ с докладом выступит М.А. Суслов. В архиве новейшей истории содержится перечень записок, полученных докладчиком. Одна из них подписана Панюшевым, Германом и Кочетковым. Они просили о приеме для того, чтобы доложить о положении дел на факультете, «где имеет место открытый пересмотр коренных положений марксистской философии, грубый произвол и беззастенчивая аракчеевщина, расправа с неугодными людьми». Решение ЦК было коротким и прозрачным: «Кочетков, Герман и Панюшев освобождены от работы в МГУ».

Тов. Ойзерман (в выступлении против кандидатуры В. Фролова):

Та концепция, которую мы здесь осудили, которая изображает марксистскую философию как мышление о мышлении, несомненно ведет к тому, что важнейшие партийные документы начинают рассматриваться как не относящиеся к нашей философской

концепции. Я считаю, что здесь наглядно продемонстрирован отрыв философии от практики коммунистического строительства.

После окончания процедуры выборов были представлены «справки».

Справка тов. Носкова:

Секретарь партбюро 4 курса Корешков сказал, что у Коровикова есть чему поучиться по части ведения семинаров. Большинство коммунистов 4 курса с этим не согласны. На вопрос, является ли марксистская философия мировоззрением коммунистической партии, Коровиков ответил, что это метафизическая постановка вопроса. Тов. Коровиков показал, как под лозунгом материализма можно протаскивать идеализм. Студент Межуев сказал, что в СССР Маркса знают лишь Коровиков и Ильенков. Студентка Мотрошилова заявила, что она знает больше, чем любой коммунист 4 курса. Все это – плоды деятельности Коровикова и Ильенкова. К сожалению, не все коммунисты 4 курса правильно оценили «теорию» Коровикова.

Справка тов. Каримова:

Должен заявить собранию, что я и Фролов больше всего испытывали колебаний и шатаний по вопросу о предмете философии. Поэтому для нас это был очень трудный и болезненный перелом...

О Коровикове и Ильенкове: их требовательность к себе и к студентам имела место, но хвалить их здесь за это и ставить в пример совсем не нужно. Мы всегда должны помнить о том, что там, где мы ослабили свою идеологическую работу, ведут ее наши враги¹.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 1. Д. 43.

Суд высшей инстанции

Тем временем к завершению шла работа запущенного партийного маховика. В общую справку были собраны все сведения и подробности, добытые партийными комиссиями разных уровней – от районной до цековской. Был задан окончательный вектор движения всех последующих обсуждений и решений. Никакому обжалованию резолюция ЦК КПСС подлежать не могла.

Из архива общего отдела ЦК КПСС

29 апреля 1955 г.

Отделом науки и культуры ЦК КПСС совместно с МГК КПСС проведена проверка преподавания общественных наук и идейно-воспитательной работы на философском факультете МГУ. Проверка показала, что эта работа на факультете находится в запущенном состоянии.

...Под видом творческого подхода к марксизму и борьбы против начетничества и догматизма некоторые преподаватели пытались извращенно толковать историю возникновения марксизма, отрицать источники марксизма.

На семинаре, посвященном формированию философских взглядов Маркса и Энгельса, преподаватель Коровиков и студенты совершенно не касались существа революционного переворота в философии и даже не упоминали о таких работах В.И. Ленина, как «Карл Маркс» и «Три источника и три составные части марксизма».

Некоторые студенты на семинарах стали ставить под сомнение верность важнейших положений марксистской диалектики. Так, студент Огурцов на одном из занятий отрицал всеобщий характер противо-

речий и характеризовал положение Энгельса о наличии противоречия в механическом движении как «гегельянщину». На другом занятии студент Гушин утверждал, что положение И.В. Сталина о переходе количественных изменений в коренные, качественные изменения имеет не всеобщий, а ограниченный характер. Некоторые студенты занимаются выискиванием в высказываниях классиков марксизма-ленинизма противоречий в формулировках.

Среди неустойчивой, марксистски слабо подготовленной части студентов, аспирантов и преподавателей стало модой критиканство и демагогия. На факультете появилось мнение, что наличие многочисленных разногласий и точек зрения является положительным фактом, свидетельствующим не о застое, а о жизни и творчестве в философской науке.

В течение последних семи-восьми лет на философском факультете МГУ культивировались и распространялись антимарксистские положения по целому ряду философских вопросов. Так, профессор Белецкий утверждал, что объективной истиной является сама природа, а не научное знание о ней, экономический базис капиталистического общества считается одноклассовым и непротиворечивым. На кафедре диалектического и исторического материализма гуманитарных факультетов было объявлено, что философские категории – причинность, необходимость и др. являются не объективно существующими реальностями, а только «абстракциями, способами для усвоения чувственно данного».

В такой обстановке в апреле 1954 года на факультете появились тезисы молодых преподавателей кафедры истории философии зарубежных стран Коровикова и Ильенкова на тему: *«К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития»*, явившихся как бы

итогом тех извращений, которые давно вызревали в стенах философского факультета.

Суть этой позиции Ильенкова и Коровикова особенно выпукло выражена в следующем положении их тезисов: *«В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией как логические категории, как законы диалектического мышления. Лишь делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают. Философия и есть наука о научном мышлении, о его законах и формах».*

Сведение предмета философии лишь к гносеологии авторов тезисов привело к отрицанию того, что диалектический материализм является мировоззрением, а исторический материализм – философской наукой. Объявление предмета философии наукой о чистом мышлении вызвало нигилистическое отношение части студентов к истории русской философии. Уже в 1954 году на факультете возникли споры о том, можно ли считать Ломоносова, а также Белинского, Огарева, Добролюбова и других революционных демократов философами, поскольку они совсем не занимались или мало занимались проблемами теории познания. По существу это является возрождением идей Лосского, Зеньковского и прочих буржуазных историков русской философии, отлучавших Ломоносова, Радищева, Сеченова от русской философии, а также рассматривающих революционеров-демократов только как литературных критиков.

Такое отношение к истории русской философии привело к тому, что некоторые студенты потребовали исключить из учебного плана курс истории русской философии.

Тезисы Коровикова и Ильенкова получили сочувствие и поддержку на кафедре диалектического и исторического материализма гуманитарных факультетов.

В январе 1955 года на заседании кафедры под председательством профессора Белецкого преподаватель Кочетков выступил с докладом «О структуре курса диалектического материализма», в котором по существу проводилась точка зрения Коровикова и Ильенкова. Кочетков заявил, что «до сих пор везде в печати утверждалось, что диалектический материализм есть наука о мире в целом. С этой точкой зрения я лично категорически не согласен. Философия, если она хочет быть научной философией, не должна претендовать на решение этой задачи».

...Содержание доклада Кочеткова и тезисы Коровикова и Ильенкова являются рецидивом давно разгромленного и осужденного партией меньшевистствующего идеализма.

Необходимо отметить, что в течение двух лет на семинарах Коровиков и Ильенков излагали свои неправильные взгляды среди студентов 5 и 4 курсов, опровергали то, что в лекциях утверждалось профессорами. Это создавало еще большую теоретическую путаницу среди студентов и аспирантов.

На факультете образовалась целая группа студентов и аспирантов, которые сами себя именуют «течением гносеологов» и отстаивают порочные позиции Коровикова, Ильенкова, Кочеткова.

Студентка 5 курса Давыдова в беседе, защищая взгляды Коровикова и Ильенкова, подтвердила, что предметом марксистской философии они признают лишь науку о познающем мышлении, что исторический материализм есть наука об изучении исторического процесса и к философии не относится. При этом она заявила, что марксистская точка зрения одна из

точек зрения и ее можно «свободно» принимать или не принимать, что в марксизме могут существовать многие и разные взаимоисключающие положения. «Мы не согласны, – заявила она, – что существуют какие-то недискуссионные вопросы. Дискуссии нельзя запрещать. Все равно, если не сейчас, то лет через десять точка зрения Коровикова и Ильенкова на предмет философии будет господствующей».

Распространение этих порочных взглядов нанесло серьезный вред делу теоретической подготовки и политического воспитания не только нашей студенческой молодежи, но и части студентов из стран народной демократии.

У части студентов и аспирантов имеется стремление уйти от насущных практических задач в область «чистой науки», «чистого мышления», оторванного от практики, от политики нашей партии. Некоторые студенты признались, что давно не читают газет.

Многие студенты, окончившие философский факультет, отказываются от работы в органах народного образования и в культурно-просветительных учреждениях. Одна из студенток на комиссии по распределению специалистов заявила: «Не для того мы пять лет зубрили Гегеля, чтобы ехать на культпросветработу».

...На протяжении ряда лет на факультете существовала порочная практика подбора преподавательских кадров. ...Без учета идейно-политической зрелости и опыта практической работы были оставлены на преподавательской работе Коровиков, Ильенков, Арефьева, Панюшев, Бурлак.

Теоретическая беспомощность одной части преподавателей, беспринципность и потеря политической бдительности другой части преподавателей дали возможность распространению на факультете антимарксистских взглядов. ...Благодушие и безответ-

ственность в вопросах теории зашли так далеко, что тезисы Коровикова и Ильенкова были обсуждены на Ученом совете философского факультета только через год после их появления.

...Министерством высшего образования СССР внесено в ЦК КПСС предложение ...принять меры к укреплению философских кафедр МГУ наиболее квалифицированными кадрами преподавателей, освободив от работы в Московском университете, как не справившихся с работой и слабых в теоретическом отношении преподавателей: Коровикова, Ильенкова, Кочеткова, Германа, Куражковскую, Арёфьеву и некоторых других.

Зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС
А. Румянцев

От министра высшего образования СССР Елютина в ЦК КПСС была передана бумага, в которой конкретно перечислялись все кадровые перестановки, производимые «в целях ликвидации имеющихся серьезных недостатков». В частности, Валентина Коровикова предполагалось перевести на работу в Сталинградский пединститут¹.

Протокол № 12 заседания партбюро
философского факультета 5 мая 1955 г.

Тов. В. Фролов:

Нечего удивляться, что на нашем курсе были идеологические извращения. У нас вели семинары т.т. Коровиков и Ильенков. Тов. Коровиков активно преподносил свои взгляды, а другие преподаватели вели свои предметы вяло².

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 533.

² ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 1. Д. 43.

По свидетельству самого Валентина Ивановича Коровикова, на одном из майских заседаний партбюро было принято решение об исключении его из партии. Однако к осени ситуация изменилась, «дело о тезисах» было спущено на тормозах, вопрос об исключении из партии больше не поднимался, все ограничилось выговором, а персональное дело Коровикова так и не было обсуждено. К причинам этих перемен мы еще обратимся.

Протокол №19 заседания партбюро
философского факультета 23 июня 1955 г.

Пункт 4 повестки дня – утверждение справки по персональному делу Коровикова.

Выступили:

Тов. Черкесов зачитывает справку с изложением теоретических ошибок Коровикова и о проведении им ошибочных взглядов в преподавательской работе.

Тов. Ойзерман отмечает, что тов. Коровиков в последнее время в какой-то степени проводил ошибочные взгляды в преподавательской работе. Это говорит о том, что Коровиков не воспринял до конца критических замечаний в свой адрес.

Тов. Бутенко присоединяется к мнению тов. Ойзермана:

Коровиков проводил неправильную точку зрения по вопросу о предмете философии. Но Коровиков на заседании Ученого совета публично признал свои взгляды как ошибочные. Это дает основание изменить формулировку – «за путаную точку зрения» и в связи с этим вынести тов. Коровикову выговор».

Тов. Черкесов:

Предложил партбюро присоединиться к мере партийного взыскания – *строгому выговору с предупреждением*.

Тов. Панюшев [его, как мы знаем, тоже скоро уволят]:

У Ойзермана нельзя учиться принципиальности, так как он 20 раз менял свою позицию на факультете¹.

Протокол №21 заседания партбюро
философского факультета 7 июля 1955 г.

Дело сделано: Коровиков и Ильенков от преподавания отстранены, приговор-выговор Коровикову вынесен, до его увольнения осталось меньше месяца.

Из решения партбюро:

«...Положительное значение, несмотря на известные недостатки в организации и проведении, имели заседания Ученого совета по обсуждению тезисов т.т. Коровикова и Ильенкова, итогов дискуссии о предмете философии...

Положительное значение указанной работы Ученого совета отмечено в решении партийного комитета МГУ.

Эта работа способствует оздоровлению обстановки на факультете, повышает чувство ответственности преподавателей за порученное дело. Тем самым имеются известные благоприятные возможности для успешного начала нового учебного года.

Искоренение идеалистических извращений философии марксизма, имевших место в МГУ, неразрывно связано с делом улучшения и укрепления состава преподавателей».

¹ ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 1. Д. 43.

Протокол №24 заседания партбюро
философского факультета 15.09.1955 г.

Обсуждается характеристика Коровикова.

Тов. Молодцов предложил опустить из характеристики положительную оценку методической работы Коровикова и заключение о том, что он может быть использован на педагогической работе.

Тов. Ойзерман возражал.

В результате «педагогическая работа» не прошла.

Из характеристики:

«Тов. Коровиков направлен в распоряжение Министерства высшего образования для получения назначения».

Решение партийного собрания
философского факультета МГУ им. Ломоносова
от 13 октября 1955 г.

«Заслушав доклад члена Президиума и секретаря ЦК КПСС тов. Суслова М.А. на общеуниверситетском партсобрании от 16.09.1955 г. и обсудив его, партсобрание факультета горячо одобряет решения июльского Пленума ЦК КПСС и постановляет [далее следует 9 пунктов, из которых нас интересует один]:

Пункт третий:

Покончить с путаницей по ряду коренных вопросов марксистско-ленинской теории, по вопросу о предмете философии и др.».

Председатель собрания: **Калтахчян**¹.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 1. Д. 42.

Линия обороны

Ильенков и Коровиков, как уже было сказано, выстраивали свою линию обороны.

В августе-сентябре (уже после увольнения Коровикова, а он был уволен 28 июля) они пишут письмо Хрущеву (неизвестно, было оно отправлено или нет), 21 сентября пишут письмо Пальмиро Тольятти.

«Первому секретарю ЦК КПСС
товарищу Н.С. Хрущеву

Вам пишут два кандидата философских наук, члены партии – научный сотрудник Института философии АН СССР Ильенков Э.В. и преподаватель философского факультета МГУ Коровиков В.И.

Мы посчитали себя обязанными написать Вам по делу, касающемуся не только лично нас, но вопроса общепартийной и общенаучной важности.

До весны этого года мы оба вели преподавательскую работу на философском факультете МГУ. В марте месяце на факультетском партсобрании имели место политически-ошибочные выступления нескольких студентов и аспиранта. В связи с этим факультет сделался предметом обследования комиссии ЦК КПСС. Руководство факультета, стремясь снять с себя вину за слабую политико-воспитательную и учебную работу на факультете, объявило нас чуть ли не единственными виновниками всех бед факультета на том основании, что мы в своей преподавательской работе проводили «антимарксистские взгляды». Точка зрения, которую мы высказали во время дискуссии на кафедре весной прошлого года, была объявлена ревизионистской, точкой зрения меньшевистствующего идеализма.

В апреле этого года мы были отстранены от преподавания, партийное бюро старого состава (за день

до своего переизбрания) рассмотрело персональное дело Коровикова и вынесло ему строгий выговор с предупреждением. 28 июля Коровиков был уволен с работы в Университете. Отношение к нам со стороны ряда работников факультета носит характер настоящей травли и расправы.

Мы не можем согласиться с квалификацией наших взглядов, не можем, не поступаясь своей партийной и научной совестью, отказаться от ряда положений, которые мы защищали. ...»¹.

Письмо к Пальмиро Тольятти:

«Уважаемый товарищ Тольятти!

В № 4 за 1955 год журнала “Вопросы философии” перепечатана Ваша статья “От Гегеля к марксизму”. В ней имеется место, непосредственно касающееся вопроса о предмете марксистской философии.

В Вашей статье известное положение Энгельса о том, что “за философией, изгнанной из природы и из истории, остается, поскольку остается, лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления, логика и диалектика” (Соч., т. 14, с. 677), оценивается как гениальная мысль, согласно которой необходимо свести философию к методологии наук о природе и обществе.

Такое понимание встречает категорические возражения со стороны отдельных советских философов, рассматривающих «сведение» философии к методологии естественных и исторических наук как уступку идеализму и позитивизму.

Упомянутое выше положение Энгельса истолковывается в связи с этим в том смысле, что учение о мыш-

¹ Далее текст отсутствует. Неизвестно, было ли письмо отправлено.

лении, логика и диалектика, сохраняются от прежней философии, но что к этой, сохраняющейся части философия марксизма ни в коем случае не сводится, и что предметом марксистской философии является “мир в целом”.

Резкое отличие высказанного Вами положения от широко распространенной у нас точки зрения на этот вопрос отчетливо проявилось и в том, что член редколлегии журнала “Вопросы философии”, декан философского факультета Московского университета В.С. Молодцов, потребовал изъятия из текста Вашей статьи вышеуказанного места.

В связи с тем, что вопрос, которого Вы коснулись, у нас широко и остро дебатруется, волнует нас, как и многих работников философского фронта, мы очень просили бы Вас разъяснить (желательно через журнал “Вопросы философии”) несколько подробнее марксистское решение вопроса о предмете марксистско-ленинской философии.

С глубоким уважением к Вам
кандидаты философских наук

(Э. Ильенков)

(В. Коровиков)

21 сентября 1955 г.

Москва».

Еще один фрагмент документа (письма), посвященного обсуждению событий на факультете:

«Нас обвиняли в том, чего мы никогда не думали и не утверждали, но что якобы “вытекает” из нашей постановки вопроса.

Никакой единой точки зрения нам противопоставлено не было.

Несмотря на то что (как было ясно для всех присутствовавших) никакого четкого и единого мнения нам

противопоставлено не было, Ученый совет принял осуждающее решение, причем тезисы осуждались именно как попытка поставить под вопрос всем якобы ясные и не подлежащие обсуждению вещи.

Для нас совершенно очевидно, что решение осудило не только и не столько те тезисы, которые нами были написаны год назад и являлись – как мы сами прекрасно понимаем и признаем – первой, не до конца продуманной и потому малоудачной попыткой сформулировать свою точку зрения, сколько ту основную мысль, что философия диалектического материализма есть прежде всего теория научного...»¹

Кроме писем Пальмиро Тольятти и Тодору Павлову были отправлены и сами тезисы. Как вспоминает Валентин Иванович Коровиков, эти обращения не остались без ответа: *«Пальмиро Тольятти и Тодор Павлов высказали свое недоумение в связи с обвинениями и преследованиями молодых преподавателей МГУ, ибо в целом разделяли подобный же подход к предмету философии»*². Существует даже похожая на легенду история, что во время визита лидера итальянских коммунистов в Москву, Тольятти потряс встречавшую его толпу партийных функционеров первым вопросом: «Где и когда я смогу встретиться с молодым философом Ильенковым?». Так ли это было на самом деле или нет, но международная поддержка на таком высоком уровне, без сомнения, сыграла свою роль в относительно благополучном завершении истории с тезисами.

¹ На этом текст обрывается. Страница помечена номером 4.

² Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. Цит. изд. С. 222.

«Нож в спину диалектического материализма»

История с тезисами длилась долго, обсуждалась и на кафедре диамата и истмата Академии общественных наук при ЦК КПСС. В Архиве социально-политической истории хранится стенограмма заседания кафедры 20 сентября 1955 года (обратите внимание – со времени написания тезисов прошло полтора года, уже Коровиков уволен, Ильенков отстранен от преподавания, а эхо все не утихало). Доклад Б.М. Кедрова на том заседании назывался «Предмет философии и ее взаимоотношение с конкретными науками». Докладчик упоминает о *«нелепых, иногда даже чудовищных высказываниях в МГУ»*¹. Основной критический удар пришелся по книге Александрова, главной атаке подвергалось утверждение «Философия изучает мир в целом». Бонифатий Михайлович сокрушался, что вопреки критике самого Жданова этот тезис широко распространен и в Высшей партшколе (ВППШ), и в Институте философии, и в МГУ. *«Реакцией на эти ошибочные, натурфилософские представления о философии, – полагает Кедров, – явилось распространение в МГУ за последние полтора-два года совершенно ложной идеалистической концепции, рассматривающей философию как только науку о мышлении вне связи с действительностью – своеобразный рецидив гегельящины»*, то есть объясняет крен в сторону идеализма как бы противовесом вульгарной концепции Александрова. Кедров цитирует Александрова: «Диалектическая логика – это нож в спину диалектического материализма».

Дальше – о событиях на философском факультете: *«Некоторые товарищи из МГУ договорились до того,*

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 454.

что слова “исторический материализм” вообще вычеркнули из философии на том основании, что философия должна заниматься только мышлением, а истмат имеет дело с обществом». И дальше: «Были молодые преподаватели, они наспех написали тезисы в таком же духе. От них они сами отказались, но тезисы получили распространение и являются выражением определенной точки зрения такого же позитивистского толка. Другой преподаватель МГУ Коровиков прямо вступил на позиции Белецкого». Здесь все перепуталось и смешалось. Профессор Белецкий, от взглядов которого всячески отрекся Ильенков, попал в компанию с Коровиковым, Коровиков оказался «позитивистом», но главный пафос заключался в другом, и это другое было для Кедрова очевидным: разногласия по поводу такого, казалось бы, «невинного» вопроса, как «предмет философии», знаменовали собой, согласно Кедрову, «полную ликвидацию идейной основы, мировоззрения». А с этим шутить было опасно.

На самом-то деле известно, что Кедров симпатизировал Ильенкову, помогал ему. Но в определенных условиях должен был выкручиваться. Заметим, что фамилию Ильенкова он в этом контексте не упомянул, а Коровиков к тому времени уже был вне философии.

Тайна письма Тодора Павлова

На этом история злополучных тезисов не закончилась. Осенью главная интрига разворачивается уже на другой сцене – в Институте философии. О том, как развивались события, как близок был к партийному выговору Эвальд Ильенков, опять обвиненный в двурушничестве, мы едва ли бы узнали, если бы не партийные документы. Именно из стенограмм партбюро и партсобраний Института философии становятся понятны дальнейшие при-

ключения тезисов, ставших к осени 1955 года достоянием уже международной философской общественности. Вспомним письмо, написанное авторами тезисов Пальмиро Тольятти, примем во внимание, что с тезисами к осени был уже знаком и президент болгарской Академии наук Тодор Павлов, – линия обороны, которую выстраивали Ильенков и Коровиков, превратилась в плацдарм направленной против них (в первую очередь теперь уже против Ильенкова) атаки.

Итак, благодаря партийным документам, нам становится известно, что осенью 1955 года сектором диамата в Институте была организована научная конференция, посвященная дискуссии о предмете философии, на ней выступал в том числе и Б.М. Кедров. Некоторые эпизоды этой конференции попали и на страницы партийных стенограмм. Но главная интрига закручивалась вокруг письма Тодора Павлова. Дело о тезисах приобрело мрачную политическую окраску.

Заседание партбюро Института философии
от 2 ноября 1955 года

Повестка дня:

О ходе работы теоретической конференции в секторах диамата и философских вопросов естествознания по вопросу о предмете марксистско-ленинской философии.

Сообщение о ходе конференции делал Д.П. Горский, но этот материал в архиве отсутствует. В нашем распоряжении только стенограмма прений¹. Впрочем, этого вполне достаточно, чтобы уяснить расстановку сил и почувствовать степень давления и унижения, которым подвергался Эвальд Васильевич.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 35.

М.Д. Каммари:

Мы должны дать несколько указаний политического характера в смысле направления теоретической конференции, которая приобретает большой резонанс. По вопросу о предмете марксистско-ленинской философии есть точка зрения Т. Павлова, изложенная в его работах задолго до начала дискуссии. У него есть ряд формулировок, которые он сейчас изменяет, уточняет. С другой стороны, есть выступления в странах народной демократии, идущие по той же линии, которая имеется у нас, – высказывания там идут даже, может быть, дальше, чем у нас. Есть целый ряд фактов, о которых я доложил Президиуму АН.

А. Шафф прислал в редакцию журнала «Вопросы философии» статью, в которой открыто подвергается пересмотру основное положение материалистической диалектики о противоречивости движения, которое Шафф рассматривает как результат метафизической постановки вопроса, идущей от парадоксов Зенона. Энгельс и Ленин приняли этот тезис о противоречивости движения. Шафф просит открыть дискуссию по этому вопросу.

О письме Павлова. Во время дискуссии в МГУ его обвинили в ревизионизме по вопросу о предмете философии. Если такие выступления были, мы должны от них резко отмежеваться, они политически бестактны и теоретически неправильны. Мы спорим с Т. Павловым в пределах возможного, но это совсем не то, что делают некоторые товарищи, пытающиеся зацепиться за его неправильные формулировки и создать из его положений неверную, ошибочную концепцию. Мы должны резко отмежеваться от подобных выступлений, оставив за собой право критики отдельных неточных формулировок. Павлов и сам пишет в письме, что он готов пересмотреть и уточнить некоторые формулировки, сделанные ранее.

Есть работа Лукача. Стопроцентные марксисты не сразу появляются. Очевидно, его работа о молодом Гегеле положительная, но там могут быть серьезные ошибки, которые надо исправить. Нам предлагают дать разностную рецензию, а если нет, значит, мы потакаем антимарксизму и т. п. Опять-таки левацкий заскок. Мы на это не пойдем. Мы пойдем на сотрудничество со всеми товарищами, которые даже делают отдельные ошибки, – мы их будем исправлять. Имеется тенденция зацепиться за некоторые ошибочные формулировки и найти себе сторонников. Если мы на это пойдем, это будет грозить нам политически неблагоприятными последствиями. Надо товарищей поправить.

...Руководители конференции должны учитывать не только международную политику, но и линию, которая дается ЦК в решениях Пленумов, в выступлениях т. Хрущева... Мы философию не можем отрывать от политики партии. ...О предмете философии спор должен быть теоретический. Отрицание мировоззренческой стороны философии ведет к определенным политическим выводам, к немарксистским, к буржуазным, объективистским, позитивистским. Товарищи, стоящие на точке зрения сведения всей философии к гносеологии, допускают эту ошибку.

...То, что докладывал на конференции Кедров, в основном было правильно. В дискуссии в МГУ было много лишнего и наносного, было много ошибок. В статье т. Молодцова с этой точки зрения тоже было много лишнего. Мы (журнал) и дирекция должны исправлять это положение.

В.П. Чертков:

В ходе дискуссии обнаружилась определенная нездоровая тенденция в трактовке принципиального вопроса, – вот почему партбюро необходимо в это дело вмешаться.

Я самым решительным образом обвиняю Ильенкова в нарушении элементарных норм этики коммуниста. Партбюро должно серьезно заняться этим вопросом... Т. Ильенков в целом выступил с теми же мыслями, за которые его критиковали по его тезисам и от которых он в результате критики отказался. Это совершенно неправильное поведение, это не что иное, как двурушничество. Тов. Ильенков сказал мне в присутствии т. Модржинской о тезисах гораздо больше, чем он говорил прежде, – он сказал, что тезисы принадлежат ему, – те самые тезисы, от которых он решительно отказался и говорил прежде, что они написаны им вместе с Коровиковым.

Затем Ильенков пытается навязать нашей конференции выступление Коровикова, который сам на конференции не присутствовал. Мы говорим, что не будем слушать товарища, осужденного в Университете, осужденного в высшей партийной инстанции, человека, который теперь занимается географией, – а Ильенков требует его выступления. Попытка предоставить трибуну человеку со взглядами уже осужденными, является политически безответственной. Партбюро должно привлечь его за это к ответственности. Никакие выкрики об аракчеевщине не могут спасти людей от этого факта. Коровикова в МГУ никто не слушает, – мы тоже не будем слушать его в своих стенах. Считаю исключительно бестактным поведение т. Ильенкова в этом вопросе. Ильенков проявил себя политически незрелым человеком. Накануне своего выступления на конференции Ильенков приходил к т. Окулову и спрашивал его – почему ему не разрешают зачитать ответ, который прислал Т. Павлов. Тов. Окулов самым категорическим образом возражал против этого. Я советовался с работниками ЦК, – они тоже самым решительным образом не советовали это делать. Кроме того, товарищи читали

материалы пленума, должны были бы понимать, что можно и что нельзя.

У Т. Павлова много серьезных недостатков, но это нам, коммунистам Советского Союза, не дает права разносить на своем собрании президента Академии братской нам республики Болгарии – Павлова, а Ильенков требует этого. Это же политически неправильный шаг. Несмотря на то что зам. директора ему решительно запретил делать это, я подтвердил, что этого делать нельзя, он поднялся на трибуну и заявил, что ему не разрешают зачитать письмо Павлова. Какое право имеете вы так заявлять!? Письмо не т. Ильенкову адресовано, а он все-таки требует: «Зачитайте!». Ильенков совершил определенное политическое преступление. Мы к нему отнеслись в высшей степени гуманно, человечно при рассмотрении его тезисов, будучи глубоко уверенными, что он отнесется ко всему этому серьезно, по-партийному. Но, оказывается, мы просчитались. Я глубоко убежден, что мы должны наложить на него за его такое поведение партийное взыскание. Дело не только в том, что он выступил как двурушник, – он не имел права приводить к нам Коровикова и требовать для него трибуны. Надо наказать Ильенкова за то, что он пытался нас втянуть в дискуссию с Павловым. Это безответственное поведение. Если мы не будем людей привлекать к ответственности за такие безответственные поступки, мы распустим всех. Теоретические конференции должны иметь у нас место, но мы не должны давать людям возможность брать реванш.

Э.В. Ильенков:

С самого начала хочу пресечь со стороны т. Черткова поведение, не достойное секретаря партийной организации. Нечего мне приписывать желание какого-то реванша. Я действительно допустил несколько

бестактностей, за что вообще должен быть наказан, я этого не оспариваю. Мне очень неприятно, что я в отношении Александра Федоровича повел себя бестактно. С Павловым повели себя бестактно такие люди, как Ойзерман и Георгиев, которые заявили, что Ильенков и Коровиков появились потому, что вовремя не был раскритикован Павлов. Бестактно с Павловым повел себя не я.

А.Ф. Окулов:

Как ваши тезисы попали к Павлову?

Э.В. Ильенков:

Силаева послала их ему.

А.Ф. Окулов:

Верно, что вы к Тольятти обратились?

Э.В. Ильенков:

Болгарские студенты поехали туда и сказали мне, что берут с собой мои тезисы, хотят рассказать все Павлову. Я им сказал: «Везите, покажите!». Эти тезисы в сотнях экземпляров размножили у нас т. Молодцов и другие, заставили их гулять по всей Москве. Я прекрасно понимаю, что эти тезисы беспомощны, ни к черту не годны и содержат в себе массу ошибок. Виктор Петрович, если я действительно плохо сделал, выделите мое персональное дело и рассмотрите его. Для чего же рассматривать всю дискуссию и сводить ее к ляпсусу Ильенкова!

В.П. Чертков:

Мы в целом говорим о ходе работы дискуссии и, в частности, обсуждаем выступления отдельных товарищей на конференции. Считаю, что конференция

проходит хорошо, за исключением безобразного поведения Ильенкова.

Э.В. Ильенков:

Если я в чем виноват, так давайте этот вопрос и обсудим.

В.П. Чертков:

Вы боролись за то, чтобы предоставить трибуну Коровикову!

Э.В. Ильенков:

Коровиков – член партии, кандидат философских наук, ЦК поставил его сейчас заниматься с аспирантами-юристами, это не какой-нибудь преступник. Попытка устроить вокруг Коровикова истерику не вышла и в МГУ, ему даже на вид не поставили на партбюро, не вышло, а некоторые очень хотели из этого целое дело сделать. Зачем тут нужно разжигать истерику – не понимаю. Я никакого реванша не учиняю. Я признаю, что тезисы я написал плохие.

З.В. Смирнова:

Вы все время говорите, что тезисы плохие, но не говорите – какие там ошибки.

Э.В. Ильенков:

Если говорить об ошибках, то там ошибки неопозитивистские, с которыми я давно разделался и никогда не возвращаюсь к этим ошибочным формулировкам. Я не реванш беру, а хочу со всеми товарищами поделиться опытом своих собственных ошибок и их преодоления, а вы меня сразу начинаете уличать в том, что я беру реванш и т. д. и т. п.

М.Д. Каммари:

Не нужно цепляться за неточные формулировки. Зачем вы требовали зачитания письма Павлова? Вы клеймите определенную точку зрения, которую разделяет Павлов, как ревизионистскую. Не называя Павлова, вы, по сути дела, говорите, что это – ревизионизм.

В.П. Чертков:

Совершенно неуместно сделать точку зрения Павлова предметом дискуссии на этой конференции.

Э.В. Ильенков:

Я вовсе не считаю, что трибуна дискуссии – это трибуна, где я могу оправдать свои какие-то осужденные взгляды.

В.П. Чертков:

Зачем вы требовали слово для Коровикова?

Э.В. Ильенков:

Потому что с этим человеком я вместе все студенческие и последующие годы работал. Мы вместе ошибались, вместе пытались исправить неправильные формулировки, точки зрения. Очень было бы полезно его послушать. Я попросил бы его большую часть своего выступления посвятить критике. Не хочу разжигать никакой истерики.

О Тольятти. Тольятти прямо говорит, что философия, согласно гениальной мысли Энгельса, должна быть сведена к методологии общественных и исторических наук. Если я это скажу, закричат, что это ревизионизм.

М.Д. Каммари:

Это есть попытка истолкования отдельных положений в определенном духе. Не годятся такие методы!

Э.В. Ильенков:

Меня спрашивают – написал ли я письмо Тольятти. Да, я написал письмо. Я не стал ему говорить, что его называют ревизионистом и т. д. Я ему написал так: «Уважаемый тов. Тольятти! Прочитали мы вашу статью, которая нам очень понравилась и вызвала живые отклики и в МГУ, и в Институте философии. Мы очень просили бы вас подробнее изложить некоторые положения вашей статьи, которые вызывают у нас споры».

М.Д. Каммари:

Это и есть попытка втянуть Тольятти в дискуссию.

Э.В. Ильенков:

А что же тогда называется налаживать творческий контакт с зарубежными марксистами, если я не могу обратиться к автору статьи с просьбой разъяснить определенные положения его статьи? Что же – творческий контакт должен во взаимном реванше выражаться?

М.Д. Каммари:

Вы вбиваете клин между нашими советскими философами и зарубежными марксистами. Мы тоже 25 лет боролись и знаем, как ведут борьбу.

Э.В. Ильенков:

Я тоже знаю такие случаи, когда из пустяков раздували такие дела, которые потом подводили под 58 ста-

тью. Я не вижу криминала в том, что обратился с письмом к Тольятти. Если это криминал – объясните, в чем он.

В.П. Чертков:

Вам с самого начала конференции было сказано, что не нужно требовать зачитания письма Павлова, а вы собрали людей и начали им говорить, что не дают зачитать письмо Павлова. Вы разжигаете истерию.

Э.В. Ильенков:

Если я сорвался на бестактных вещах, накажите меня за это. Разве трудно было Александру Федоровичу сказать, что по таким-то и таким-то причинам нужно подождать. А он просто сказал: «Нет, не дам и кончено!». Я вправе требовать от него, как от старшего коммуниста, более внимательного отношения к делу. Так же и тов. Чертков должен был не кричать «путаник» и пр., а объяснить спокойно, в чем дело.

З.В. Смирнова:

Скажите откровенно, по-партийному, вы направляете ваши мысли на понимание ошибочности ваших тезисов или на наилучшее их обоснование?

Э.В. Ильенков:

Единственное, что я поддерживаю в тезисах, от чего я не отказываюсь, это то, что вопрос о предмете философии – такой вопрос, который надо серьезно разобратить, в котором существует много неясностей.

З.В. Смирнова:

При этом надо сказать, что вы безбожно напутали в тезисах.

Э.В. Ильенков:

А этого я и не отрицаю.

А.Ф. Окулов:

Сама дискуссия является положительным фактом. То что высказывались различные точки зрения, в этом ничего крамольного нет. Мне лично кажется, что в сообщении т. Кедрова был ряд скользких мест, которые он поправит в заключительном слове. Доклад в основном был направлен на критику различных ошибочных точек зрения, а позитивная сторона – изложение существа вопроса о предмете философии – не нашла удовлетворительного рассмотрения. Может быть, отдельные нечеткие положения доклада дали некоторым товарищам повод сделать неправильные выводы. Кедров говорил, что неправильно прорабатывали Ильенкова, – может быть, некоторые товарищи подумали, что речь идет о восстановлении некоторых мыслей тезисов, которые пропагандировал Ильенков в МГУ. Это неправильно. Вопрос о расширительном толковании предмета философии – очень серьезный и трудный вопрос. Пусть высказываются различные точки зрения. В конце дискуссии мы оценим – что правильно и что неправильно. Но у нас за последнее время создается какая-то нездоровая обстановка при обсуждении теоретических вопросов. Некоторые товарищи проявляют элементы какой-то внутренней надломленности, иногда они выглядят какими-то надсоновскими героями. Надо спокойно по-партийному обсуждать проблемы, без навешивания ярлыков. У нас привносятся какие-то нежелательные элементы, создается нехорошее впечатление. Ильенков написал письмо Тольятти, требует обнародования письма Павлова, ему не адресованного и т. д. и т. п.

Да разве это имеет отношение к дискуссии?! Партбюро и все товарищи вправе предъявить т. Ильенкову в этом отношении серьезное обвинение. Точка зрения Коровикова и Ильенкова была раскритикована в МГУ, не встретила поддержки, тов. Поспелов на совещании руководителей кафедр осудил Коровикова и его поведение. Товарищи решили, видимо, апеллировать к братским компартиям. Это уже очень серьезный вопрос. Как будто бы у нас нет партии, нет ЦК, которые в состоянии разобраться в этих вопросах. Видимо, т. Павлов получил не совсем объективную информацию о ходе дискуссии в МГУ. Судя по его письму, он взбудоражен, до него дошли сведения, что его обвиняют в ревизионизме и т. д. Это очень серьезный принципиальный ученый, старый коммунист, видный деятель прогрессивного фронта. Мы посоветовались с товарищами в Институте, в ЦК и решили пока не обнародовать письма. Дали экземпляр Каммари, Кедрову, Молодцову в МГУ, послали короткий ответ Павлову, указав, что через некоторое время ответим более подробно по существу. Павлов в письме совершенно не настаивает на том, что его точка зрения – это точка зрения в «последней инстанции». Он просит только, чтобы т.т. Ойзерман, Молодцов, Георгиев прислали ему письмо с изложением своей точки зрения на этот вопрос.

При чем тут Ильенков? Он приходит в дирекцию во взвинченном состоянии и требует обнародования письма. Мы все читали доклад тов. Хрущева. Мы должны быть тактичными по отношению к коммунистам братских компартий, особенно к руководящим товарищам. Ильенкову понадобилось обнародовать письмо Павлова потому, что отдельные формулировки павловского письма подкрепляют его позицию. Вы, т. Ильенков, молодой коммунист, вы просто наивно, несерьезно относитесь к такому важному вопросу,

как взаимоотношение с иностранными учеными, не даете себе труда дать политическую характеристику всему этому.

Обращение к Тольятти. Не знаю, как к этому отнесется ЦК, но, видимо, вы обратились к Тольятти опять-таки для того, чтобы подкрепить свою позицию. Неужели советские философы не в состоянии разрешить все эти вопросы, неужели наш ЦК не может разрешить эти вопросы? Это очень большой и серьезный вопрос, мимо которого не могут пройти коммунисты Института философии. Прежде чем обратиться к Тольятти, т. Ильенков, вы должны были обратиться в ЦК. Тольятти – это не рядовой коммунист. Обо всем этом надо было подумать. Так же и т. Павлов. Это очень крупный серьезный марксист, у которого много работ. Конечно, у него есть отдельные неправильные формулировки, но разве за это мы должны его так судить за его большую общественную и научную деятельность? Все эти факты заслуживают внимания.

Почему вы просили, т. Ильенков, слова для Коровикова? Коровиков может прийти и сам попросить слова. Зачем вы навязываете нам Коровикова? Мы в состоянии решить вопрос и без Коровикова. Наша дискуссия носит внутренний характер. В январе мы думаем поставить этот вопрос на Ученом совете. Напечатаем доклад, раздадим тезисы, пригласим видных философов, философов с периферии и обсудим в спокойной обстановке вопрос о предмете философии. Поскольку сейчас идет дискуссия внутри секторов, партбюро должно обратить внимание на то, чтобы на конференции выступили т.т. Каммари, Розенталь и другие ведущие философы.

Н.П. Васильев:

...Было бы неверно, если бы мы запретили товарищам высказывать свои соображения по тому или

иному вопросу, – мы задушили бы тогда творческую мысль. Но надо различать творческую дискуссию и то, что товарищи забывают о политическом содержании творческой дискуссии и начинают повторять ошибки политического характера. 8–9 месяцев тому назад на заседании партбюро подробно рассматривались тезисы т. Ильенкова, и он тогда согласился, что в тезисах высказывалась политически неправильная точка зрения, что высказанные там взгляды смыкаются с современной реакционной буржуазной философией. Как же можно эти тезисы давать за границу.

Э.В. Ильенков:

Я этого не делал.

Н.П. Васильев:

Тов. Ильенков! Университет на Ленинских горах – это тоже международная трибуна, это тоже острие политики. Вы же читали материалы пленума ЦК. Партия учит нас по-ленински, тактично относиться к представителям и руководителям братских партий. Наша страна прошла путь, которого другие страны еще не прошли. Наша партия имеет опыт, которого другие компартии не имеют. Но партия требует от нас большого такта, требует от нас не навязывать другим свою точку зрения.... Но если товарищи из зарубежных стран дают неточные, односторонние формулировки, надо помочь им исправить их, но совместно с ними, тактично, а не таким путем, как вы это делаете. Я всячески осуждаю политически ошибочную и вредную позицию, которую занял т. Ильенков, призывая опубликовать письмо Т. Павлова, написав письмо Толлятти. Это, безусловно, вредные действия, которые мы должны осудить. Не нужно говорить о том, что в таком случае вам зажимают рот. Партбюро просто поправляет вашу политическую ошибку.

В.Г. Баскаков:

...Тов. Горский смазал в своем сообщении вопрос об ошибке Ильенкова. Тов. Чертков правильно обратил внимание партбюро на политическую ошибку тов. Ильенкова. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Но если ты ошибся, то умей вовремя исправить ошибку и не упорствуй в ней. У нас есть коммунисты, которые в прошлом допускали ошибки. Но они честно признались об этом в печати, поправились. Например, Кедров. Несмотря на то что у т. Кедрова и сейчас могут быть отдельные недостатки в работе, но он показал пример исправления своих ошибок. Тов. Ильенков должен серьезно задуматься, – он в прошлый раз признал свои ошибки и сказал, что будет стремиться их исправить, но на самом деле он их до сих пор не исправил. Последнее выступление т. Ильенкова на партийном собрании не было полностью выдержанным в правильном духе. Вы подняли одного мыслителя, призывали учиться у него. Вряд ли есть смысл учиться у Лукача. Вы – молодой товарищ. Вам нужно серьезно продумать все это. Вы взяли интереснейшую проблему, ее нужно дальше разрабатывать, учтя все замечания, которые вам были сделаны.

М.Д. Каммари:

...Нужно сделать серьезное политическое предупреждение насчет попытки апелляции к зарубежным товарищам, попытки вбить клин между советскими партийными кадрами и зарубежными. Тов. Ильенков не должен быть наивным человеком, он должен до конца понять смысл всего этого...

Е.Д. Модржинская:

Наши товарищи, участвуя в теоретической конференции, не вправе допускать политические ошибки.

Существенные ошибки принципиального характера имелись в выступлениях Ильенкова и Доброхвалова, позиция которого полностью совпадает с позицией Ильенкова. Я все силы прилагала к тому, чтобы Ильенков понял, насколько ошибочно и вредно было его требование обнародовать письмо Т. Павлова. Это может быть объяснено только его политической незрелостью. К философам стран народной демократии с нашей стороны должно быть самое чуткое и осторожное отношение. Разнести Т. Павлова за его ошибки на конференции было бы недопустимо и вредно. Ильенков толкал нас на это.

Я не могла допустить мысли о том, чтобы т. Ильенков мог согласиться свои ошибочные тезисы вывести за границу. Он знал, что его тезисы увозят за рубеж, он должен был этому воспрепятствовать. Он совершил непатриотический поступок, политически вредный, создавая у зарубежных товарищей впечатление грызни и «драчки» среди советских философов.

Второе. Получается, что наши товарищи апеллируют к деятелям братских компартий, как будто бы мы сами, ЦК партии не в силах разобраться. Это – нарушение элементарной партийной дисциплины. Вообще говоря, обращаться за какой-то помощью, разъяснениями к руководителям братских компартий – это компетенция Президиума ЦК. Никто не давал права Ильенкову отрывать Тольятти от той огромной работы, которую он ведет в интересах общего социалистического движения. И здесь т. Ильенков проявил крайнюю политическую незрелость, наивность в необычайно серьезных политических вопросах. Это можно сделать, желая нанести прямой вред партии, – хотя в общем я и убеждена, что он не хотел этого сделать. У меня глубокое убеждение, что т. Ильенков сводит философию к теории познания. То же самое делает т. Доброхвалов, который к тому же допускает ряд

серьезных принципиальных ошибок теоретического порядка, что тоже не приносит никакой пользы нашему общему делу.

А.Н. Маслин:

...Будет правильно сказать о том, что т. Ильенков от своих основных положений, изложенных в тезисах, не отказался. Мы должны этот момент рассматривать не в умозрительном, академическом плане, а в определенном политическом, организационном плане. Человека убеждали на ряде заседаний Ученого совета, где все выступления были очень спокойными, тогда как ваше выступление, т. Ильенков, и выступление т. Коровикова были очень визгливыми, нервными, с большим апломбом, зазнайством. Коровиков на партийном бюро философского факультета заявил, что считает основные положения тезисов ошибочными. Учитывая это, его попросили выступить на очередном заседании Ученого совета, – а он вновь выступил с защитой основных положений тезисов.

В.П. Чертков:

За что его называли двурушником.

А.Н. Маслин:

Тов. Ильенков ни одного заявления в Университете не делал, хотя он был преподавателем, и его освободили от работы на факультете, – он должен был там выступить и сказать, что ошибался в тезисах. И в Институте философии вы не сразу признали свои ошибки, а под напором, в ходе обсуждения этого вопроса на партийном бюро, после того, как заседания все на факультете прошли. Вы послали свои тезисы Павлову!? Где же тут пример, что вы отказались от них? Тем самым вы неправильно информировали Павлова по этому вопросу, неправильно осветили весь ход об-

суждения вопроса на факультете. Судя по тем ответам, которые по отдельным вопросам дает т. Павлов, Силаева неправильно осветила положение. Что это за определение основного предмета марксистско-ленинской философии как отношение мышления к бытию? Ленин прямо пишет, что диалектика есть наука об общих законах действительности и мышления. Относительно письма Павлова и письма к Тольятти. Я не считаю, что т. Ильенков сознательно шел на то, чтобы вбить клин между нами и философами стран народной демократии, но так объективно получается. Он обращается к Павлову, обращается за консультацией к Тольятти, – думаю, что здесь т. Ильенков не все продумал, не все до конца осознал. Он допустил неправильный, вредный шаг. Мы должны этот поступок соответственно оценить и высказать свое мнение.

В.П. Доброхвалов:

...Об Ильенкове. История с письмом, выкриками и т. д. – нехорошая, некрасивая история. Элементы истерии, где бы они ни были, не хороши, тем более вся история с письмом, которая к т. Ильенкову прямого отношения не имеет. Так поступать не следовало.

Э.В. Ильенков:

Обо мне там идет речь.

В.П. Доброхвалов:

Речь идет о вас, но письмо адресовано не вам, а Институту философии. Такого рода поведение необходимо осудить.

Просьба же Ильенкова – записать в качестве выступающего Коровикова – я не вижу в этом столь отрицательное содержание, которое этому придает Виктор Петрович. Коровиков – советский человек, член партии. Но, правда, у него имеется большая путаница

во многих вопросах. Так относиться к Коровикову, как вы пытаетесь, тоже неправильно. Если Коровиков попросит слово, ему нельзя будет не дать слова. Рассматривать этот поступок Ильенкова как страшное преступление неправильно.

О тезисах Ильенкова. Я глубоко убежден в том, что между точкой зрения Ильенкова – я эту точку зрения сейчас разделяю – на предмет философии, и той трактовкой, которая была в тезисах, существует глубокое различие. В тезисах предмет философии сведен только к теории познания. Записать Ильенкову по поводу его точки зрения на предмет философии то, что предлагает Александр Никифорович (Маслин), было бы неосновательно, ибо это надо доказать. Возьмите тезисы и возьмите выступление и сличите их. У нас нет оснований для того, чтобы накладывать на т. Ильенкова партийное взыскание за совершенные ошибки. Достаточно одного замечания тов. Ильенкову, чтобы он все осознал.

В.П. Чертков:

Какие будут предложения?

Я думаю, что не стоит вдаваться в тонкости понимания Ильенковым предмета марксистско-ленинской философии. Он трактует вопрос в плане тезисов, едва-едва прикрываясь некоторыми новыми словами. Я считаю, что Ильенков совершил ошибку политического характера, за которую его нужно привлечь к партийной ответственности. Он не имел права навязывать нам дискуссию с участием Коровикова. Коровиков раскритикован партийной печатью, в МГУ, высшей партийной инстанцией. Было бы никуда не годно после этого дать ему трибуну у нас. Я считаю политически вредным тот факт, что Ильенков выступил с разглагольствованиями, что дирекция ему

не разрешает зачитать письмо Павлова, а Арсеньев кричал, что это аракчеевщина, зажим критики и т. д. Это – вредное выступление. А сегодня мы узнали, что т. Ильенков согласился, чтобы его тезисы были переправлены за рубеж. Если бы он искренне от них отказался и раскритиковал бы их, он бы этого не допустил, а он согласился на то, чтобы внести смятение в умы людей в Болгарии. Я считаю это двурушничеством. Он от этих тезисов не отказался. Это дело серьезное. Насколько далеко зайдет рассмотрение этого дела – я еще не знаю. Но я считаю этот факт – политическим преступлением со стороны т. Ильенкова. Мы должны принять решение, налагающее известное партийное взыскание на Ильенкова.

З.В. Смирнова:

Путали в вопросе об определении предмета философии прежде всего Ильенков и Коровиков. Как же т. Ильенков считает, что выступление Коровикова у нас на конференции будет полезным? Почему вы конкретно не говорите – кто путал?

Э.В. Ильенков:

Путал прежде всего Александров и его соавторы по книге «Диалектический материализм», путал Чертков, который с этих позиций до сих пор отрицает диалектическую логику, хотя прямо об этом не говорит.

В.П. Чертков:

Я никогда этого не говорил. Попросту говоря, это ваши измышления.

А.Н. Маслин:

Тов. Доброхвалов занимает определенную позицию – во что бы то ни стало выгородить т. Ильенкова. Это неправильная позиция. Почему т. Ильенков посы-

ляет свои тезисы Павлову после того, как они были отвергнуты?

Э.В. Ильенков:

Я не посылал.

А.Н. Маслин:

Вы говорите, что рукой махнули, делаете, мол, как хотите, везите! Почему т. Доброхвалов обходит совершенно определенные факты?

В.П. Доброхвалов:

Я не знаю таких фактов.

А.Ф. Окулов:

Павлов пишет в своем письме, что он получил тезисы.

В.П. Чертков:

Ильенков говорил, что он согласился, чтобы его тезисы повезли за рубеж. ...Ильенков совершил целый ряд проступков, порочащих его. Мы однажды разбирали его дело. Ограничились осуждением его поступков, но он не оценил наше отношение. А теперь он заявляет, что тезисы написаны не Ильенковым и Коровиковым, а им, Ильенковым. Он считает, что получение письма Павлова подтверждает его точку зрения.

Э.В. Ильенков:

Не надо передергивать!

В.П. Чертков:

Все это является серьезным политическим проступком.

Э.В. Ильенков:

Единственное, за что я несу ответственность, так это за письмо к Тольятти.

А.Ф. Окулов:

В решении следует указать, что в целом дискуссия проходит на высоком теоретическом уровне. ... Отметить ошибку т. Ильенкова, связанную с посылкой тезисов Павлову, что это вносит нездоровую струю в наши взаимоотношения с философами стран народной демократии.

М.Д. Каммари:

Он политически не воспитан, партийности не хватает.

Н.П. Васильев:

Тов. Ильенков заслуживает выговора. Но я думаю, что мы можем в последний раз предупредить строго т. Ильенкова, указав ему, что здесь речь идет о партийности, о политическом содержании тех теоретических тезисов, которые он послал, иначе он пойдет в сторону от марксизма. Надо потребовать, чтобы т. Ильенков в ближайшее время оправдал бы своей работой такое решение.

В.П. Чертков:

Я за то, чтобы т. Ильенкову был вынесен выговор за политически бестактное поведение.

Э.В. Ильенков:

Я завтра принесу письмо, которое я написал. Я могу написать обо всем.

В.П. Чертков:

Будем голосовать. Есть два предложения. Кто за то, чтобы строго предупредить т. Ильенкова? Большинство. Кто за то, чтобы вынести выговор? Один голос.

Подпись: В. Чертков¹.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 35.

Стенограмма этого заседания партбюро приведена почти без сокращений. Собственно, и без особых комментариев понятно, насколько иезуитской и издевательской по отношению к Эвальду Васильевичу была история с письмом Тодора Павлова, копии которого были розданы в том числе и ярым оппонентам Ильенкова, а ему самому не было разрешено не то что прочитать, но даже упоминание о существовании этого письма вменялось ему в особую вину. Речь уже шла о «политическом преступлении». И это еще не конец истории. Продолжение последовало буквально через две недели с участием все тех же обвинителей, но с некоторыми новыми подробностями.

Тайна письма Тодора Павлова. Продолжение

Отчетно-выборное собрание парторганизации
Института философии АН СССР от 16 ноября 1955 года

Председатель собрания Н.П. Васильев.

Отчетный доклад делал секретарь партбюро В.П. Чертков, в стенограмме доклад отсутствует. Далее ответы на вопросы докладчику.

В.П. Чертков:

...Наша парторганизация не могла остаться в стороне от борьбы, что развернулась в МГУ в связи с осуждением известных тезисов Ильенкова и Коровикова. Это тем более необходимо было сделать, что Ильенков – сотрудник нашего института и его ложные и вредные взгляды по данному вопросу находили отклик среди некоторой части наших товарищей.

Я не буду раскрывать сути этого дела – у нас об этом много говорили. На партбюро дважды рассматрива-

лось дело Ильенкова в связи с его тезисами о предмете марксистской философии, партбюро осудило его за неправильную, ревизионистскую трактовку этого важного вопроса. Ильенкова осудили за это и в секторе диамата.

Должен, однако, сказать, что как показало дальнейшее поведение Ильенкова, последний, к сожалению, неискренне повел себя: на словах признался во вредности тезисов, а на деле продолжал высказывать по существу те же самые мысли, почему и выразил согласие с тем, что некоторые из сторонников его точки зрения продолжали распространять его тезисы.

Конечно, мы должны поддерживать смелую инициативу в выдвижении и решении новых вопросов. Но мы не можем не замечать того, что под флагом творческого отношения к науке некоторые товарищи легко сбиваются на путь пересмотра, по существу, ревизии некоторых принципиальных вопросов.

Разумеется, по вопросу о предмете философии есть, что говорить (хотя главное здесь известно), но то, что утверждает Ильенков – означает отказ от самой нашей науки. Вот почему мы, коммунисты, не можем оставаться в стороне от этого вопроса.

На днях партбюро рассмотрело ход научной конференции, что идет по вопросу предмета марксистско-ленинской философии, и на этот раз партбюро подвергло Ильенкова критике и не только за его неправильные взгляды, но еще в большей степени за его неправильное поведение. Этот вопрос имеет для всех нас большое принципиальное значение: развертывая научную критику, борьбу мнений, мы вместе с тем должны воспитывать наших товарищей в духе высокой идейности, непримиримости ко всякого рода идейным шатаниям, отступлений от принципов марксизма. Новое партбюро еще вернется к этим вопросам.

Е.И. Басова:

Тов. Чертков – он отличается страшной демагогичностью. На словах он всегда за новое, а в жизни страшно боится нового, боится критики и душит всякого, кто мыслит несогласно с ним.

Вот т. Ильенков выступал по работе Вахтомина, попутно высказал свои соображения и по поводу выступления тов. Черткова. После этого нашего Ильенкова всюду и везде старались как можно больше скомпрометировать, как можно больше незаконных требований к нему предъявить. Вот такой факт. У нас в партбюро в связи с делами университетскими вытаскивали старые тезисы Ильенкова на обсуждение сектора и на заседание бюро, где т. Чертков неистовствовал: обязательно надо записать, указать ему, чуть ли не из института убрать, освободить от руководства аспирантами и т. д. и т. п.

Теперь второй случай. Вот обсуждают вопрос о предмете философии. После выступлений и доклада Кедрова выступил Ильенков, высказал свои соображения в таком же порядке, как предоставляется право каждому. Дискуссия еще не закончена, предполагается еще 25-го обсуждать и еще два заседания посвятить этому, но т. Чертков, не дожидаясь конца дискуссии, собирает партийное бюро и под предлогом того, что хотят обсудить ход дискуссии, вызывает т. Ильенкова и начинают опять его всячески трепать.

...Мы знаем, что Ильенков еще молодой философ. В нем много задора, но много наблюдательности, жизненного опыта, эрудиции в философии, и главное – что в нем есть любовь к науке. Он большой работяга. У него есть самое главное – самостоятельность, внутренняя независимость, он учится у всех, но никому не подражает. Все советы выслушивает внимательно, но делает по-своему, так, как подсказывает ему его научная совесть...

С места:

Соблюдайте регламент, достаточно!

Э.В. Ильенков:

Доклад, который мы заслушали, меня глубоко не удовлетворил, вовсе не потому, что меня упоминали в таком нелестном контексте, вовсе не потому, что меня ругали, – я к этому уже привык за последние месяцы, а по следующей причине: в докладе вообще ничегошеньки не было сказано об основной, центральной задаче, которую наш Институт должен решать. Собственно, о теоретической деятельности Института ничего вы, тов. Чертков, не сказали.

Посмотрите, что получилось. Если из вашего доклада выбросить упоминание о борьбе с Ильенковым, о борьбе с Ильенковской «ревизией марксизма», то вообще у вас в докладе не осталось бы ничего, что характеризовало бы активное вторжение Бюро вообще и Виктора Петровича Черткова как его секретаря в научно-теоретическую работу.

Я не возражаю: Ильенков полтора года тому назад наделал ошибок, давно понял, что наделал ошибок, понял, какие именно это ошибки, давно открестился от них, и вот тем удивительнее и вообще грустнее слышать, что до сих пор В.П. Чертков никакой больше проблемы научно-теоретической в жизни нашего Института не видит, кроме Ильенкова.

А если вспомнить статью в «Коммунисте» – что получается: ошибки, подобные тем, которые сделал Ильенков, там тоже классифицируются как недопустимые ошибки, с которыми надо бороться и которые надо ликвидировать. Согласен полностью.

Но ведь в общем контексте статей «Коммуниста» эти ошибки Коровикова и Ильенкова занимают один абзац, а статьи заключают в себе много страниц. Не-

достатки, ошибки и пороки теоретической работы, которые вскрываются статьями в «Коммунисте», присущи и нашему Институту; они и в нашем Институте целиком повторяются и воспроизводятся опять и опять. А В.П. Чертков с ними вообще не желает бороться. Я должен рассказать, почему это происходит. Потому что В.П. Чертков не интересуется вообще – как идет теоретическая жизнь в секторах. Наш сектор диалектического материализма собирался на партийное отчетно-выборное собрание позавчера. Все как один говорили, что В.П. Чертков, коммунист нашего сектора халатно, барски-пренебрежительно относится к теоретической работе в секторе, что он совсем не интересуется партийной жизнью секторской организации – это записано в решении, не посещает собрания; даже на позавчерашнее собрание, на котором он обязан был быть, согласно решению большого Бюро, он не явился.

В.П. Чертков:

Вы затянули это собрание, которое должно было быть 10-го. Я писал отчетный доклад.

Э.В. Ильенков:

Не прерывайте меня. Я не поддамся на вашу провокацию, как я поддавался несколько раз. Дайте я договорю, а затем вы выступите и скажете.

Откуда вы будете знать работу сектора, если вы вообще ни в одном серьезном обсуждении работ, которые проходят в секторе, не принимали участия, не читали работ и не желаете вообще с нами дело иметь. Вы много говорите об Ильенкове, но вот мою работу обсуждали две недели назад. Очевидно, там не все благополучно, есть, может быть, ошибки и недодуманности, относительно которых я рад был бы услышать критику. Почему вы не пришли?

Вы предпочитаете говорить в коридорах, что Ильенков абсолютный идеалист и не стоит обсуждать. Работа Кальсина обсуждалась. С моей точки зрения, там есть серьезные теоретические ошибки. Виктор Петрович не читал работы. Обсуждалась работа Вахтомина. Он написал работу, по определению всех выступавших, неглубокую теоретически. Я выступил и говорил, что неудача Вахтомина происходит от того, что он не пытается уйти от изложения диалектики в виде суммы примеров, не пытается рассматривать категории сущности и явления как не только объективные формы предметности, а одновременно как логические формы, в которых совершается логическое познание. Вахтомин эту мою критику выслушал, и сейчас переделывает работу, а вы на меня набросились. Я должен сообщить и подытожить кое-какие наблюдения, потому что пока вы, тов. Чертков, возглавляли сектор, вы прямо и препятствовали и тормозили разработку диалектической логики. Ваше убеждение такое, что разговор о сущности и явлении «вообще» – это схоластика, что можно только говорить о сущности и явлении при социализме.

«Сущность» и «явление» вообще вы отрицали, – это схоластика. Что это как не продолжение александровского тезиса, что диалектическая логика – это нож в спину марксизма? Вы продолжаете это дело. И не случайно, что при вашем руководстве сектор диалектического материализма превратился в сущности в филиал сектора исторического материализма. Не случайно, когда вы перечисляли темы, вы не называли ни одной темы по диалектическому материализму, а перечисляли темы по историческому материализму. Это случайно? Я думаю – нет. Это значит, что у вас в самом понимании задач сектора существует глубокая недодуманность. Я не буду называть это ревизионизмом и прочим, но это так.

К чему я это веду? Я про все Бюро не говорю, но что В.П. Чертков совершенно не знал работы в секторах, не знал теоретических работ, проблематики, никогда в нее не вступал и не пытался вникнуть – это так. Если он не знает работы своего сектора, я не думаю, что он лучше знает работу других секторов. Ведь резонно так заключить? Верно?

Поэтому и получается такой доклад, который сделал бы с таким же точно успехом Д.М. Афанасов, как сейчас остроумно сказали в коридоре, или тов. Кочубеева, потому что в докладе не было теоретического анализа (проблемы, трудности). Опять все: Ильенков... Ильенков... Вот единственно, что вы могли сказать о теоретической работе. Видите, какой конфуз получается, Виктор Петрович! Никакого серьезного анализа не было. Я нарочно записал несколько лейтмотивных выражений Виктора Петровича: «Надо как-то подумать и как-то решать...», «Самокритику мы начали. Как-то сложилось так, что мы осознали серьезные упущения, но не так-то много сделали...».

«Как-то», «так-то» – разве это ясный политический анализ положения в Институте, перед которым партия черт знает какие огромные задачи сейчас ставит (смех в зале), и которые мы при нынешнем организационно-партийном руководстве не в состоянии будем решить. И вот тот факт, что во главе партийного бюро оказался Виктор Петрович, человек, по-моему, очень легковесный, – это наложило отпечаток на всю работу бюро – очень нехороший.

Вот самый последний случай. Прошла серьезная теоретическая конференция по серьезным вопросам. Вы собираете партийное бюро. Четыре часа партбюро в составе квалифицированнейших людей занимается обсуждением опять «неэтичного поступка Ильенкова». А о ходе теоретической конференции – ни слова. Четыре часа впустую опять били Ильенкова. Я согла-

сен – я допустил ошибку. Я предложил товарищам членам бюро: давайте выделим мое дело в персональном порядке и разберем его отдельно, чтобы оно не мешало обсуждению хода большой теоретической конференции. Это было бы целесообразнее. Виктор Петрович попытался придать этому делу сенсационность и Ильенковым загородить все большие вопросы, о которых и нужно было поговорить на бюро. Ясно – что получилось...

Я кончил¹.

Е.Д. Модржинская:

...На конференции имела место принципиальная ошибка. Т.т. Ильенков и Доброхвалов выступили на этой конференции с новой версией осужденной позиции. Мы снова столкнулись с попыткой сведения философии к теории познания. Конечно, подробно я буду говорить об этом на теоретической конференции и многие другие будут говорить по существу этого вопроса, но партбюро надо было высказать свое мнение сейчас же, а не откладывать это дело на месяц – полтора.

Затем партбюро должно было т. Ильенкова предупредить в связи с нехорошими, просто неправильными поступками, которые он сделал на конференции и в которых он, кстати сказать, на бюро не признался, и я думала, что он понял, что ошибочно поступил. Мне кажется, что те, кто критиковал Ильенкова по существу, с товарищеских позиций, оказывают ему помощь, а не те, кто поднимает его на щит за его ошибки.

¹ Стенограмма вычитана и подписана Ильенковым. ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 33.

М.Д. Каммари:

Нам в связи с 25-летием постановления ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» нужно передать молодежи опыт борьбы в области философии. ...Вот почему я не могу пройти мимо выступления т. Басовой, которая пыталась противопоставить старые и молодые кадры и изобразить дело таким образом, что старые кадры застарели, что они ничего не предпринимают и им противостоят молодые, и единственный пример – Ильенков.

...В основном у нас здоровая молодежь, но идеальным типом молодежи, которую мы должны выращивать, является не т. Ильенков, а другие товарищи, а они есть, но мы мало ими занимаемся.

... У т. Ильенкова очень много недостатков, которые он изживает с большим трудом, если он вообще изживает их, а иногда он возвращается к старым ошибкам, что обнаружилось на партбюро, когда о нем шел разговор.

Вот первый недостаток, который мы должны искоренять в наших кадрах – это зазнайство.

Некоторые товарищи неправильно относятся к тому, как оценивают их работу за рубежом. Я имею один любопытный документ. Я зачитаю его. Я имею письмо от Института общества культурной связи с СССР (*зачитывает письмо*). Они были бы очень благодарны, если бы мы предоставили им работы этого профессора. Я и говорю – как тов. Ильенков и некоторые другие товарищи относятся к такого рода похвалам. Это им кружит голову. (*С места: «Это еще не похвала».*)

Правда, это может быть воспринято очень двусмысленно – и как не похвала.

Но у них есть еще предложение: «Кроме того, было бы желательно вступить в непосредственную пере-

писку Ильенкову с рядом институтов марксизма (перечисляет наименования институтов), которые с особым энтузиазмом отнеслись к работе советского философа»...

Для чего я вам это прочел? Для того, чтобы показать, как нам нужно относиться к такого рода похвалам.

Э.В. Ильенков:

А вам было бы неприятно получить такое письмо?

М.Д. Каммари:

Я вам хочу продемонстрировать, как к этому должны относиться большевики. (*Шум в зале.*)

Это вопрос очень важный. Я имел случаи читать хвалебные отзывы на целый ряд статей Александрова из буржуазной печати... (*Шум в зале.*)

Очевидно, это тоже льстило сознанию, самолюбию товарищей. Я думаю, что мы в коммунистической партии должны воспитывать другое отношение... (*Шум в зале, голоса: «Регламент, регламент».*)

М.Д. Каммари:

Я сейчас кончаю. (*Голоса: «Регламент кончился».*)

Мы должны присмотреться: почему журнал беспартийный, может быть, буржуазный, мог перевести статью и восхищаться... (*Голос с места: «Это коммунистический журнал».* *Шум в зале, смех.*)¹

¹ Наверное, стоит сказать несколько слов о том, почему такое ожесточение вызвали попытки авторов тезисов вынести их содержание на международную арену. Выше цитировалось выступление тов. Гувера на факультетском партсобрании: он страшно переживал за идейную непорочность иностранных студентов, которые (о, ужас!) узнают о разных «течениях» в советской философии. Теперь Т. Павлов и П. Тольятти – это уже не студенты, и попытки связаться с ними и что-то обсудить по философии – «политическое преступление». (История с патологической боязнью «заграницы» продлится и

Вы меня не собьете этим делом. Я, например, лично никогда не верю такого рода оценкам.

...Мы критиковали эту статью¹ на редколлегии и считаем до сих пор эту критику правильной.

В чем заключается критика? Я думаю, тов. Витали переоценил, не зная всех условий и обстоятельств дела. Он переоценил статью, переоценил самого Ильенкова, а статья, я бы сказал, гегельянская, схоластическая вначале, абстрактная, оторванная от научных проблем и т. д. Ее очень серьезно поправил т. Ильенков.

Т. Герасимов:

...Тут очень много говорят об Ильенкове, и я очень сожалею, что на его примере мне придется кое-что иллюстрировать, но я обращаюсь к этому потому, что сейчас не могу найти другого, более убедительного факта на этот счет.

Оставим в стороне причины, вызвавшие появление тезисов Ильенкова и Коровикова, хотя сам по себе этот вопрос нуждается в серьезном объяснении и анализе. Как велось это обсуждение? Я должен ска-

далее, но это уже за хронологическими рамками данной книги). В чем же дело? Можно выдвинуть простую версию. Так называемая «советская философия» была выключена из мирового философского процесса – это был удушливый, замкнутый, провинциальный мирок. Ильенков и Коровиков, фактически, попытались вернуть советскую философию в мировой контекст, пробить «железный занавес», который был, конечно, построен не только на границах, но и в головах. Так что же, неужели придется напрямую дискутировать с авторитетными зарубежными деятелями? Нет, конечно, не с Ясперсом или, там, Витгенштейном, с этими говорить не о чем, с ними все понятно. Но вот коммунисты зарубежные, они тоже позволяют себе философствовать, и наш ЦК им не указ...

¹ Речь идет о статье Э.В. Ильенкова «О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании» // Вопросы философии. 1955. № 1.

зять прямо и давайте проверим это на фактах; я ручаюсь за каждое свое слово: обсуждение было плохим. Никто или большинство выступавших, претендовавших на научное, доказательное марксистское опровержение ошибочной точки зрения Ильенкова – не смогли ее опровергнуть. Эта точка зрения продолжает ходить прежде всего потому, что те, или многие из тех, кто ее критикует, неспособны, не могли или не желают противопоставить ей марксистскую точку зрения. До тех пор у нас эти вывихи будут, пока мы не сделаем своей основной задачей действительно борьбу за марксизм.

Позволю себе другой пример. Возьмем выступление Виктора Петровича. Что это было за выступление? Я отдаю должное основному его аргументу: тов. Ильенков выступает против философии, а мы чем занимаемся здесь? Значит, наше само существование есть опровержение этой точки зрения.

Я должен отдать должное разным сторонам этого аргумента, он весом, но я не могу признать его научным. Во всяком случае, он вне сферы науки.

В.П. Чертков:

Значит, ваше пребывание в Институте не доказано?

Т. Герасимов:

Не мое пребывание, а то, чем я занимаюсь.

...Мы обсуждали тезисы Ильенкова. Несколько месяцев спустя, после громовых речей, Ильенков представляет солидную работу, больше чем на 200 страниц, где излагает продуманно, последовательно свой взгляд на проблему. Позволительно спросить: те, кто выступал с громовыми речами, они пришли, поинтересовались – каким образом Ильенков отказался от своих убеждений в цельной работе, а не в отдельных репликах, или он продолжает отстаивать свою точку

зрения? Если трудно подняться над работой в целом, можно взять части. (*Смех в зале.*)

Однако этого не было.

...Однако мы до сих пор очень часто смешиваем, на мой взгляд, наивно, и я, может быть, к этой категории принадлежал, что партийность в науке – это встать с громкими речами и репликами кричать: ревизионизм, отступление и т. д. Так мы науку не продвинем.

П.Н. Федосеев:

...Я коротко должен коснуться вопроса о предмете философии, который здесь задержал внимание, и я считаю, неслучайно, потому что это, товарищи, большой вопрос.

...И вот с т. Ильенковым мне приходилось беседовать лично. Я не беру его в данном случае персонально, но если брать те взгляды, которые он одно время полностью разделял: сведение философии к теории познания, – те взгляды, которые развивались в МГУ, – в конце концов они ведут не только к сужению предмета нашей марксистско-ленинской философии, но, прямо скажу, – к такому сужению, которое стоит на грани ликвидации этой философии. Если только противопоставить учение о мышлении, о познании учению о законах объективного мира, что же остается от нашей философии?

В.П. Чертков:

Я должен закрытому партсобранию рассказать некоторые детали, которые проливают свет на некоторые факты и позволяют более полно понять ту непримиримость, которую проявило партбюро в этом вопросе, почему оно делало это. Дело в том, что т. Ильенков под нажимом критики со стороны сектора, где так и было записано, что это ревизионизм, не партийная

точка зрения, под нажимом партийного бюро вынужден был признать, с оговоркой, большой вред своих тезисов. Теперь оказывается, что он дал согласие передать эти тезисы за рубеж, в Болгарию.

Э.В. Ильенков:

Да врете вы!

В.П. Чертков:

Что значит врете? Что это за безответственность! Если бы он искренне признался в ошибочности и вредоносности этого дела, он должен был бы сказать, что эти тезисы неправильные, а он докладывает на партбюро: я дал согласие, сказал – да, везите. Тезисы не получили поддержки в Институте, были разгромлены в Университете. Ему было известно, что они были жестоко раскритикованы в высшей партийной инстанции. И, ища поддержки, он вовлекает теперь наших зарубежных друзей в эту возню. А как прикажете еще толковать этот вопрос? Никак иначе, только так. Что вы лично, субъективно думали – не знаю, а объективно это так. Я считаю такое поведение коммуниста безобразным, безответственным.

Нам известно также, что в ходе этой возни, которая имела место в Университете, товарищи критиковали необоснованно Павлова, известного ученого нашей братской республики, Президента болгарской АН, что он написал очень раздраженный ответ на все это, указав, что его вовлекают. Зачем нам вовлекать? Какое право мы имеем это делать? Я обвиняю вас в этом преступлении, которое вы делаете. Это совершенно недостойно коммуниста. Ему сказали накануне его выступления в последнем заседании теоретической конференции, что так как письмо Павлова адресовано не вам, так как, возможно, и сам Павлов кое-какие

вопросы неправильно решает, мы рекомендуем вам не втягивать в этот водоворот Павлова и не ставить на обсуждение теоретической конференции письмо Павлова, не зачитывать. Я и Окулов вам это говорили. Вы поднялись на трибуну и стали докладывать: мне запрещали в Институте читать письмо Павлова... Разве это не безобразное поведение коммуниста? В конце собрания вы опять кричите: «Зачитайте письмо Павлова!». Вы написали с Коровиковым, хотите втянуть в это дело Павлова.

Э.В. Ильенков:

Да перестаньте вы врать!

В.П. Чертков:

Это неопровержимый факт. На той же теоретической конференции Ильенков говорит: «Запишите в прениях Коровикова». ...Мы знаем, что его раскритиковали и изгнали из Университета. Он жаловался в соответствующие инстанции, его там не поддерживали, а вы навязываете нам дискуссию по этим негодным тезисам и предлагаете предоставить трибуну Коровикову! Вы хотите взять реванш и предоставить трибуну своему соучастнику по негодным тезисам. Я поднялся и сказал: «Мы не будем слушать путаника, и не будем записывать его», а вы кричите, что это безобразие, зажим критики. Разве коммунисты так себя ведут? Дело не в том, что вы не разбираетесь в этом вопросе, а дело в том, что вы ведете себя безответственно. Так коммунисты себя не ведут.

Если мы будем либерализм проявлять в этом вопросе, то у нас будут безответственные поступки. Я сожалею, что некоторые товарищи, способные люди, например, т. Герасимов, выступил здесь и восклицал, что надо творчески наукой заниматься. А кто против

этого? И под сурдинку выступил против борьбы, которую мы ведем с Ильенковым, подменяя один вопрос другим.

(С места: «Вы ведете себя так же плохо!»)

Дальше последовали выборы нового состава партбюро и принятие решения собрания. (Заметим, что В.П. Чертков переизбран не был). Надо сказать, что по сравнению с заседанием партбюро, которое состоялось на две недели раньше партсобрания, здесь формулировки несколько смягчились. Уже не шла речь о «вбивании клина» между марксистами дружественных стран, был снижен градус политических обвинений, кроме т. Доброхвалова в поддержку Ильенкова высказались Герасимов и Басова. Судя по ремаркам, и настроение аудитории не было однозначно агрессивным по отношению к Ильенкову и его тезисам. Все это нашло отражение в решении собрания, где интересующим нас событиям посвящена одна только фраза: *«Партийное бюро правильно поступило, осудив за извращения в вопросе о предмете марксистской философии члена КПСС тов. Ильенкова».*

* * *

Судя по архивным материалам, теоретическая конференция в Институте философии носила затяжной характер и возобновлялась несколько раз на протяжении двух месяцев – с октября по декабрь. Открывал конференцию Б.М. Кедров, с докладом выступал Э.В. Ильенков. К сожалению, судить о последнем мы не можем, поскольку в архиве РАН сохранилась стенограмма только заключительного заседания конференции, оно состоялось 3 декабря 1955 года. По сравнению с приведенными выше партийными материалами, стенограмма теоретической конференции мало что добавляет к тому, что нам уже известно. Отметим только тот факт, что вся научная обществен-

ность, включая высший орган – Президиум АН СССР – была вовлечена в рассуждения о предмете философии. Приведем фрагмент выступления директора Института философии П.Н. Федосеева:

«Ошибки и извращения в понимании предмета философии были в свое время раскритикованы в партийной печати. На основании указаний партийной печати, с учетом мнения большинства философских кадров, на основании длительного изучения группой философов работы Института философии было подготовлено и принято решение Президиума Академии наук «О работе Института философии».

В этом решении, в частности, были раскритикованы ошибки и извращения в понимании предмета философии».

Цитата из решения:

«В институте имели место путанные и вредные взгляды по ряду коренных вопросов марксистско-ленинской философии. Некоторые сотрудники Института неправильно трактовали предмет марксистской философии, растворяя ее в других науках, или сводя ее к теории мышления»¹.

Не будем перегружать наше исследование соображениями о предмете философии всех выступавших в последний день конференции. По отношению к позиции Эвальда Ильенкова аргументы и обвинения, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении текстам, по существу остались теми же, что и в марте, на Ученом совете МГУ. Следует, вероятно, отметить, что единственным обстоятельным докладом в поддержку Эвальда Васильевича было выступление А.С. Арсеньева. Что же касается

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Ед. хр. 734.

заключительного слова Б.М. Кедрова, то он искал оправдания Ильенкову не столько в теоретической области, сколько в житейской, полагая, что «некоторые товарищи» рьяно вцепились в Ильенкова потому, что «тем самым спасают свое собственное ошибочное положение».

Но и на этом страсти по тезисам не закончились.

За два месяца до XX съезда

В самом конце 1955 года, 28 декабря, в Институте философии состоялось закрытое партсобрание, на котором слушали доклад П.Н. Федосеева об итогах XIV районной партконференции, на которой, как выясняется, тоже не была обойдена вниманием история с тезисами. В резолюции партконференции было записано:

«В институтах экономики и философии АН имели место факты благодушия и политической беспечности, вследствие чего были допущены ошибки и извращения марксистско-ленинской теории со стороны отдельных научных работников».

Обвинение в благодушии, конечно, проигнорировать было невозможно, поэтому и на этом партсобрании с новыми силами в очередной раз пошли все по тому же кругу.

П.В. Таванец:

...Теоретические вопросы приобретают уже политическое значение. Тезисы т. Ильенкова обсуждали, но, критикуя, не делали никаких выводов. В этом действительно мы и проявили политическое благодушие.

А.Н. Маслин:

Как мы должны воспринять решение партконференции о тех взглядах, которые имеются у членов нашей парторганизации? Мы должны сделать вывод

из этого, нам указали, что были факты благодушия, а парторганизация не смогла дать отпора такого рода взглядам.

Теоретическая конференция сектора диалектического материализма не была плодотворной конференцией, она воспроизвела то, что было в московском университете. Мы не подошли политически к оценке взглядов т. Ильенкова. И непонятно, почему т. Ильенков не выступает сегодня на собрании, ведь речь идет об оценке его взглядов.

Итогом этого партсобрания стала новая резолюция, в которой была осуществлена попытка преодолеть «благодушие и политическую беспечность»:

...Некоторые товарищи пытаются даже дать теоретическое «обоснование» отрыву философии от жизни, сведению философии к учению о познании. Это ведет по существу к отрицанию марксистской философии как цельного мировоззрения, как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, к превращению теории познания в схоластику. Примером чего является статья тов. Ильенкова, опубликованная в «Вопросах философии». Это нашло свое выражение в выступлениях Э.В. Ильенкова во время дискуссии о предмете философии¹.

Интересно, что ни в той, ни в другой резолюции ни слова о «злостных намерениях» Ильенкова втянуть философскую общественность в международную тяжбу о предмете философии, ни слова о Павлове и Тольятти, отсутствуют уже знакомые нам обвинения в двурушничестве и даже в неискренности. Что-то, видимо, происходило за стенами Института, что-то, возможно, просто носилось в

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 33.

воздухе. Всего два месяца оставалось до XX съезда, который должен был хоть ненадолго отрезвить самых упорных борцов за «чистоту» марксизма. Так и вышло: из сохранившихся партийных документов Института философии за 1956 год тема борьбы за предмет философии и против Ильенкова просто исчезла, да и сам Эвальд Васильевич считал, что именно XX съезд спас его от почти неминуемой расправы.

* * *

История с тезисами по-разному закончилась для Ильенкова и Коровикова. Эвальд Васильевич, оставшись в Институте философии, на самом деле тоже не остался без партийного выговора – но до него еще было два года. Это особая история, она связана с изданием его первой книги. Что касается Валентина Ивановича, то в рассказах о событиях вокруг тезисов его история заканчивается как будто бы вполне благополучно – он стал известным журналистом-международником, работал в главной газете страны – в «Правде». Еще раз процитируем воспоминания Ойзермана: *«Коровиков воспринял это решение (увольнение. – Е. И.) весьма спокойно. Он давно уже подумывал о том, чтобы стать журналистом. И, не дожидаясь формального увольнения, он не без помощи своих друзей устроился на работу в “Правду”, вскоре уехав в качестве собственного корреспондента в Африку»*¹. На самом деле все обстояло не совсем так, даже, можно сказать, совсем не так. До начала успешной журналистской карьеры должно было пройти долгих десять лет. Вот рассказ старшего сына Валентина Ивановича, Игоря Коровикова: *«После того, как их с Эвальдом погнали из МГУ, отец*

¹ «Его идеи по-прежнему живы и актуальны», в кн.: «Эвальд Васильевич Ильенков». – М.: РОССПЭН, 2008. С. 19.

работал в редакции Энциклопедии, потом в отделе науки, школ и вузов газеты "Советская Россия", потом в журнале "За рубежом". От этого журнала он впервые поехал за границу, как зарубежный корреспондент. И только позже он попал в "Правду". Путь до "Правды" занял лет десять, если не больше. Отец рассказывал, как его хотели нагрузить шпионской работой, когда он от "За рубежом" поехал. По его словам, он ответил, что "не умеет фотографировать через кальсонную пуговицу" и отказался. После перехода в "Правду" от него отстали, так как было закрытое постановление ЦК КПСС о том, чтобы не давать зарубежным корреспондентам "Правды" шпионских поручений, чтобы не скомпрометировать газету в случае провала. Но англичане считали его шпионом и чуть ли не резидентом по той причине, что стоило ему приехать в какую-нибудь африканскую страну, там что-то начиналось: в Нигерии, в Эфиопии, на Сейшелах. На Сейшелах его сделали почетным гражданином за то, что он, приехав на эти острова, отправился их осматривать, никого не проинформировав. Англичане его потеряли и искали почти неделю, а за это время оппозиция завезла оружие на острова и устроила переворот.

Кто его поддерживал, я не знаю. Знаю, что он был весьма дружен с редактором отдела фельетонов "Правды" И.М. Шатуновским, по тем временам весьма влиятельным человеком. Еще он был в дружеских отношениях с Евгением Примаковым. У отца была масса серьезных знакомых, но друзей мало. Своим лучшим другом он считал Эвальда...».

Автор благодарит за бесценные советы и помощь в архивных изысканиях Владлена Терентьевича Логинова и Сергея Николаевича Корсакова.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕЗИСОВ

Э. ИЛЬЕНКОВА И В. КОРОВИКОВА

В нашем распоряжении оказался набор цитат, на основе которых была проведена частичная реконструкция тезисов. Но кроме этого в архиве Эвальда Васильевича есть, во-первых, реферат, написанный им в первый аспирантский год «К вопросу о предмете философии как науки» (1951 г.). Во-вторых, целая рукописная тетрадь, посвященная предмету философии («К вопросу о предмете философии», предположительно 1953-54 гг.). В распечатанном виде это более 40 страниц текста, который опубликован ниже.

Вот что можно было восстановить, сведя все цитаты, которые приводились в выступлениях на Ученом совете и на партсобраниях.

Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знания о природе и обществе в процессе их исторического развития

1-й тезис:

«Необходимость возникновения философии совпадает целиком и полностью с необходимостью научного познания вообще».

2-й тезис:

«... Необходимо понять внутреннюю закономерность, основную историческую тенденцию, в направле-

нии которой сквозь массу случайностей и отклонений, вопреки субъективным намерениям отдельных философов, происходило историческое изменение предмета философии».

3-й тезис:

«Философия в своем возникновении выступает непосредственно как теоретическое мышление» «...закономерно, что философия возникает из потребности в общем, из потребности понятия общего».

4-й тезис

5-й тезис

6-й тезис

7-й тезис:

«В чем состояла необходимость возникновения философии? С одной стороны, в том, что предметом исследования философии со времен Аристотеля становится то, что носит у него название "первой сущности", "сущности как таковой", и в отличие и даже в противоположность тем "сущностям", которые непосредственно могут быть вскрыты в самих явлениях природы и общества на путях их теоретического анализа, и с другой стороны – какая реальность на самом деле является тем предметом, который исследуется в такой форме, мистифицирована в виде представления о "первой сущности". Ответ на вопрос может быть дан только в том случае, если будет понята необходимость философии, вырастающая из самого развития научно-теоретических знаний».

«...потребность в относительно самостоятельном, специфически философском аспекте рассмотрения возникает из природы самого "конкретного", то есть если употребить более точное слово – научно-теоретического познания».

8-й тезис**9-й тезис****10-й тезис****11-й тезис:**

«До возникновения марксизма философия выступала как наука, монополюс трактующая о законах мироздания именно потому, что положительное знание не давало понимания этих связей сознательно, не рассматривало свой предмет в его необходимых связях с предметом смежных наук, не вскрывало в нем движения, развития и, следовательно, не давало понимания мира как материального развивающегося целого. Поэтому, например, рядом с эмпирической историей могла возникнуть особая философия истории, рядом с эмпирическим естествознанием – философия природы и т. д.».

12-й тезис:

«Маркс и Энгельс показали, что основной задачей естествознания и наук, исследующих явления общественно-исторического порядка, вставшей перед ними к XIX веку, является задача усвоить себе полностью все высшие результаты, добытые двухтысячелетним развитием философии, что является парافразом требованию правильно, грамотно мыслить в ходе теоретического анализа явлений. Маркс показал образец сознательного применения философии к некоторым отраслям конкретного знания, в частности к политэкономии.

И это лучшее доказательство того положения, что само положительное познание способно достигать, и обязано достигать той самой последней сущности исследуемого предмета, за которой, над которой или под которой вообще больше нечего искать по той причине, что там больше ничего и нет».

13-й тезис:

«Но поскольку науки приходят к сознательному диалектико-материалистическому методу мышления, поскольку они впитывают в себя все достижения философии, они неизбежно приходят к выяснению своих взаимных связей, переходов и тем самым дают в своей совокупности ту единственно возможную картину мира, как единого связного во всех своих звеньях целого, в сравнении с которой чисто философская система представлений о мире как едином целом была бы совершенно излишняя, а стремление ее созидать было бы стремлением антикварным и реакционным».

Тезис 13, 14 или 15:

«В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией как логические категории, как законы диалектического мышления. Лишь делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают. Философия и есть наука о научном мышлении, о его законах и формах».

14-й тезис**15-й тезис****на стр. 6 тезисов:**

«Кстати, заметим, что от этого невозможно полностью избавиться, если трактовать философию как науку о мире, о его наиболее общих законах».

Неизвестно, какой тезис:

«Диалектика не является монополией философии, она присутствует в любом научном знании, законы диалектики вскрывает любая наука, в любом объекте; философия есть наука о научном мышлении и его законах».

Неизвестно, какой тезис:

«Положения, которые формулирует философия, хотя и извлечены из действительности, но в таком виде, как они даются в философии, они имеют ценное значение только для мышления и ни для чего другого. Стало быть, они сами по себе не являются законами действительности, а есть законы мышления».

Цитата из тезисов (стр. 5):

«Теоретическое мышление есть реальный предмет философии».

Цитата из тезисов (стр. 7):

«От этого (от гегельянства) невозможно полностью избавиться, если трактовать философию как науку о мире».

Илья Раскин

СТРАСТИ ПО ПРЕДМЕТУ

Немного предыстории

Заметным фактором философской жизни СССР в 50-е годы было противостояние философского факультета МГУ и Института философии АН. Конечно, «противостояние» – в кавычках, оба учреждения идеологически были вполне однородны. Однако случались и конфликты, иногда переходящие в прямое противостояние... не учреждений, а, скорее, личностей – но эти личности неслучайно оказывались в штате разных организаций.

В архиве Э.В. Ильенкова сохранились его заметки – заготовки к предстоящему выступлению на партсобрании (то ли 4, то ли 5 курса). Собрание было посвящено вполне частному вопросу – разбору «неправильного» поведения комсомольца Тихоненко. Тема собрания, вроде бы, была далека от идеологических бурь, но их отголоски звучали и здесь.

Нетрудно заметить: студент Эвальд Ильенков тогда еще далеко не во всем разобрался. Но уже видно, что этот студент – Ильенков.

Цитируем¹.

«Мне думается, что постановка вопроса об идеологической выдержанности в плане проблемы “кафедра

¹ Сохранена орфография оригинала.

диамата – ин-тут философии” неверна сама по себе.

Ясно, что кафедра диамата справедливо отмечает отступления от марксизма идеалистического характера у ряда т.т. из инст. философии.

Однако я считаю неправильным объявлять институт философии идеологическим врагом марксизма; врагом кафедры и нашего факультета. Я считаю, что такая постановка вопроса не может пойти ни на пользу интересам марксистской теории, ни на пользу самой кафедре.

Я считаю, что кафедра в учебно-воспитательной работе также не безгрешна. Недочетов много и у кафедры, и я думаю, что неправильно студента, говорящего об этих недочетах, объявлять «сторонником Кедрова» и сл., идеолог. врагом марксизма.

А именно такая постановка вопроса заставляет ряд студентов скрывать свое истинное отношение ко всем проблемам теории, вокруг которых сейчас идет спор между кафедрой и Кедровым–Александровым, заставляет студентов вроде Тихоненко исходить в вопросах теории из соображений личной безопасности, личной выгоды.

* * *

Я знаю, например, что очень многие из честных и грамотных членов партии и комсомольцев считают, что работа кафедры требует серьезных улучшений, но сказать об этом вслух – почти никто не решается, ибо это связано с риском попасть в разряд “сторонников Кедрова”, в разряд врагов марксизма.

Я считаю, что это весьма опасно, и думаю, что открытая и принципиальная честная критика нашей работы, в том числе и работы кафедры, должна поощряться, а не объявляться “подрывной работой” на пользу Кедрова».

Понятно, что «подрывная работа» – не слова Ильенкова, он взял их в кавычки как нечто общеизвестное. Так принято было выражаться на факультете. Нетрудно догадаться, каково приходилось Кедрову – известно, какие были годы (вероятно, самому Бонифатию Михайловичу удалось удержаться на плаву потому, что отец его был знаменитым чекистом).

Пройдет не так уж много времени, и Э.В. Ильенков сам окажется в рядах «сторонников Кедрова» и поведет (на пару с В.И. Коровиковым) «подрывную работу». Их станут воспринимать на факультете однозначно – как инородное тело. И Ильенкову придется не только умственно, теоретически, но и физически покинуть факультет и навсегда обосноваться в «логове врага» – в Институте философии.

О жанре

Тезисы – литературный жанр, наверное, недооцененный историками литературы. Пишут историю романа, историю драмы – конечно, это большая литература, а тезисы – так, мелочь. Но нет: тезисы – это, как правило, серьезно. Авторы тезисов обычно не заботились о стиле, форме, поскольку были целиком поглощены содержанием. А содержание было всегда важным. Достаточно вспомнить 10 заповедей – это ведь тезисы. Или тезисы Лютера – в результате получили Реформацию, а потом и Революцию. Тезисы о Фейербахе, Апрельские тезисы... Тезисы как жанр обычно оказывались «буревестниками революции». Говоря о тезисах Коровикова и Ильенкова о предмете философии, один из участников тех событий так и сказал: это была революция в философии. Так что, видимо, жанр не случаен.

Что это было?

Это было, как мне представляется, **третье рождение философии** на нашей, отечественной почве. Конечно, подобные оценки неминуемо спорны и в чем-то произвольны. И тем не менее, при всех оговорках.

Рождение первое – Григорий Сковорода (без русско-украинских разборок). Тогда «ребенок» появился на свет недоношенным и надолго исчез из жизни.

Рождение второе, куда более заметное – «Серебряный век» (начиная, конечно, с В. Соловьева). Это было ярко, но длилось недолго. Многие отбыли на знаменитом пароходе, оставшимся пришлось нелегко. Особо заметные (такие как Шпет, Флоренский, да и многие менее знаменитые) были уничтожены. Немногие выжившие, из тех, кто способен был представлять философию, вынуждены были вести очень тихое существование.

Наконец – наиболее заметным, резонансным образом, именно стараниями Коровикова и Ильенкова – философия опять, третий раз, явилась на свет в достойном, разумном, общественно значимом виде. Конечно, роды были мучительными, но в результате, так или иначе, с переменным успехом, уже более полувека, она жива по сей день.

Совершенно естественно, закономерно (воз)рождение философии начинается с вопроса о ее предмете. Это если не «основной», то, во всяком случае, первый вопрос: **философия – это о чем вообще?** Авторы тезисов мучились рождением философии в самих себе¹ и, конечно, первым делом уперлись в этот самый вопрос. В «нормальной науке» (по Куну) такой вопрос не возникает – считается, что он решен и решение это общепринято. «Предмет» как проблема возникает только в ситуациях рождения (воз-пере-рождения).

¹ Сократ не зря именовал себя «повивальной бабкой».

Так и подмывает сказать: «четвертому (рождению) не бывать». Надеюсь, так и есть: ведь для того, чтобы философия «опять» родилась, ее нужно предварительно опять уничтожить – а вот этого, уверен, не случится – несмотря на весьма неблагоприятные (а когда они были иными?) обстоятельства.

Победили или проиграли Коровиков и Ильенков?

Тактически – конечно, проиграли. Стратегически – безусловно, победили.

Почему проиграли – тогда, в 50-х? Во-первых, потому, что не были готовы (по причине молодости, неопытности, идеализма – в лучшем смысле этого слова) к тому стилю и к тому предмету полемики, который был им навязан. Во-вторых, они вынуждены были говорить с оппонентами не на своем (философском) языке, а на языке противников (идеологическом). Ведь идеологический язык был общепринятым, а на этом языке рациональная аргументация невозможна; оруэлловский новояз вырабатывался вовсе не для поиска истины. И вступавший в дискуссию «за истину» на этом языке неминуемо проигрывал. В-третьих, авторы тезисов в ходе дискуссии сами признавали их несовершенство и впоследствии отказывались от ряда формулировок. Сейчас трудно судить, от каких именно формулировок, насколько это было оправдано (тезисы полностью не восстановлены). Это делало позицию уязвимой в целом, чем оппоненты не преминули воспользоваться, попытки же отстоять содержательное ядро приводили к обвинениям в «неискренности» и «двурушничестве». Никакой содержательный компромисс, с точки зрения оппонентов Коровикова и Ильенкова, был невозможен, недо-

пустим: тезисы (как и их авторы) подлежали безусловно-му осуждению и запрету¹.

Почему победили – в результате?

Во-первых, просто потому, что пришло их время, а время господства инквизиторов неуклонно шло к закату – отсюда их ярость в борьбе за выживание.

Во-вторых, авторы тезисов были просто теоретически правы: по существу, по содержанию их было крайне трудно опровергнуть, подобного опровержения так и не последовало.

В-третьих, дискуссия «о тезисах» возымела значительный общественный резонанс – «круги» от нее расходились долго и далеко, она стала значимым фактором идейной жизни страны. Этот фактор невозможно было ни замолчать, ни игнорировать – все-таки уже начиналась «оттепель».

Конечно, победа эта не была ни быстрой, ни полной, ни безусловной – но она была несомненной.

Предмет тезисов, предмет дискуссии: предмет философии

С точки зрения авторов тезисов, поднятый вопрос был не то чтобы прост, но понятен: это именно предмет философии, причем не «вообще», а непременно в его историческом изменении, становлении – от античности до со-

¹ Гувер: *«Они зазнались, решили против и без кафедры, наперекор партии «творчески улучшить» марксизм. И, конечно, были за это осуждены. Но мы, коммунисты, не можем на этом успокоиться. Надо довести до конца работу по разоблачению ошибочности взглядов Коровикова-Ильенкова».*

Профессор Георгиев: *«Надо изучить вопрос серьезно и ударить по этой чуждой марксизму точке зрения».*

Здесь и далее цитаты без ссылок – по протоколам партсобраний и заседаний Ученого совета философского факультета МГУ.

временности. И авторы, честно и наивно, рассчитывали на обсуждение именно этого предмета. Но не тут-то было. Оппоненты, действительно, организовали масштабную дискуссию, но уже по своей повестке, по иным вопросам. Коровиков и Ильенков неосторожно запустили голые руки в осиное гнездо – и, конечно, получили сполна.

Есть подозрение (переходящее в уверенность): оппонентам Коровикова и Ильенкова неважен был заявленный предмет дискуссии. Она могла быть о чем угодно: о предмете, о методе, о диалектике, метафизике, о душе, истории, войне и мире, о мужчине и женщине – неважно. Важно было то, что открывалась опасная перспектива профессионального философского разговора. Допустить этого было никак нельзя: ведь сразу стала бы очевидной профнепригодность многих заслуженных людей. Характерна замечательная проговорка профессора Молодцова: *«Тезисы товарищей Коровикова и Ильенкова тянут нас в область мышления»* (смех в зале)¹. В «области мышления» этим «мыслителям», действительно, нечего было делать. Предмет философии находился, по их убеждению, в совершенно другой области, и этот предмет был тут же явлен во всей красе. Действительный предмет казенной (в сталинском варианте) философии, то, чем реально занимались ортодоксы, то, к чему они имели призвание и даже страсть – это выявление, разоблачение и уничтожение врагов. Любые же прочие темы, проблемы и вопросы – лишь повод для того, чтобы заняться любимым делом.

¹ Коровиков: *«Мы хотим выяснить спорные вопросы, но никто не захотел этого сделать, а, ограничившись лишь руганью и громкими фразами, пытаются скрыть свою теоретическую несостоятельность. Надо посмотреть, что делают такие люди вроде профессора Георгиева, который не может как следует прочесть курс по диалектическому и историческому материализму»* (аплодисменты).

Ильенков: *«Я полагаю, что философии оказали услугу Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин, но ни в коем случае не наша философия».*

Такому **предмету**, как и положено, соответствовал **метод**. Э.В. Ильенков: *«Вычитать из того, что я когда-либо говорил и писал вместе с Коровиковым то, что приписано мне Молодцовым, можно только с помощью бериевско-абакумовских следователей. Сделать это может только человек, думающий, что в науке применимы и позволительны приемы, практиковавшиеся в бериевских застенках»*¹.

Как писал М.Я. Гефтер, одним из идеологических «достижений» Сталина была концепция «перманентной гражданской войны», подкреплявшаяся открытием «обострения классовой борьбы при социализме». И историю с «тезисами» вполне можно трактовать в классическом духе Юза Алешковского: «Я это все, конечно, понимаю, как обострение классовой борьбы...». Терминология, стилистика была соответствующей: *«...отступления на фронте марксистской философии...»* (профессор Васецкий). Еще примеры стиля. *«С такими теориями социализма не построишь. И правильно сказал здесь профессор Момджян: двурушничество – вот характерная черта авторов этих тезисов»* (профессор Георгиев). *«Разве вопрос о предмете философии – это дискуссионный вопрос? Это дискуссионный вопрос для врагов нашей партии. Это вопрос, раз и навсегда запечатленный в первых строках четвертой главы “Истории партии”. Выступал в свое время враг народа Радек, который сказал, что марксистское мировоззрение состоит из ручейков, оттенков, различных точек зрения... Партия разоблачила эту троцкистскую точку зрения ручейков... Другой враг народа Стэн с лозунгом “Подвергай все сомнению”. ... Философский разврат»* (профессор Гагарин). И т. д. и т. п.

Прямо объявить смутьянов противниками социализма было несподручно (как-никак они недавно по-

¹ Из письма в редакцию «Вопросов философии».

бедителями вернулись с Великой Отечественной), но «классовый подход» – испытанное оружие массового поражения – действовал безотказно. Именно этот «подход» был сразу выкачен как орудие главного калибра. Профессор Молодцов: *«Во-первых¹, т.т. Коровиков и Ильенков нарушают принцип большевистской партийности. ... Марксистский подход к философии заключается в том, что мы всегда любую философскую систему начинаем характеризовать с раскрытия ее классовых корней. Наша философия – партийная философия. ... здесь есть место о том, что философия не носит субъективного характера, т. е. партийного классового характера². ... В этом тезисе основная мысль заключается в том, чтобы оторвать философию от идеологии, попытка противопоставить философию идеологии. Это есть нарушение основного принципа марксистско-ленинской философии».*

Но не могли же оппоненты Коровикова и Ильенкова обойтись одной «идеологической» руганью, факультет все же именовался философским... приходилось употреблять и некоторые философские слова. Вот, к примеру.

«...рецидив меньшевистствующего идеализма...» (Ойзерман). *«Смесь меньшевистствующего идеализма с позитивизмом и кантианством... тенденция к анархизму и политическому разброду...»* (Трахтенберг). *«Я думаю, что это называется извращением не эклектического, а целиком гегелевского порядка, вся концепция заимствована у Гегеля, это гегельянщина самая настоящая. Ошибки эти – по-*

¹ Именно «во-первых», в-главных!

² Коровиков и Ильенков позволили себе заявить, что ИСТИНА ОБЪЕКТИВНА! Вот новость! Проф. Молодцов усмотрел в этом измену классовым интересам пролетариата и принципу партийности... Жаль, что тогда никто не объяснил Молодцову, что его понимание истины, мягко говоря, своеобразно. И, кстати, вполне тянет на серьезный право-левый уклон, уж как минимум.

зитивистские, деборинские, меньшевистско-идеалистического толка» (Белецкий).

Одному богу ведомо, как можно оказаться одновременно анархистом, меньшевиком, гегельянцем, кантианцем, позитивистом... это неважно. Выступавшие профессора мало заботились о связности своих суждений – главное, чтобы темнело в глазах от нагромождения страшных «измов». Эффект, без сомнения, был произведен, хотя и далеко не на всех. (Вероятно, адресатом обличительных речей была не только и даже не столько предстоящая ораторам аудитория, сколько партийно-идеологическое руководство – и здесь эффект был куда более значительным).

Кроме прочего, была и такая сторона дела: банальная зависть, ревность «дедов» к молодым и перспективным – ведь те, сами того не сознавая, могли занять видное место на столь плодородной поляне... и ведь, наглецы, не проявляли положенного чинопочитания, уважения к старшим!¹ Нет бы, «во гроб сходя благословить», как Державин Пушкина – нет, не хватило ни духа, ни мудрости (ни философской, ни просто бытовой).

И, наконец, собственно о предмете философии. Аргументацию Коровикова и Ильенкова вряд ли стоит повторять здесь в подробностях, можно попытаться ее кратко резюмировать. 1. Философия (современная) не есть «обобщение» данных всех прочих наук, «надстройка» над ними, «общая теория всего», у нее есть собственный, вполне определенный предмет. 2. Этот предмет – теоре-

¹ Эта тема нисколько не скрывалась, наоборот, выпячивалась: «Молодые преподаватели, которые выросли в атмосфере недисциплинированности и зазнайства, ведут себя очень нескромно (Коровиков, Ильенков, Зиновьев)» (Попов). «Вредная деятельность Коровикова и Ильенкова способствовала атмосфере безответственности и зазнайства» (Соколов). «Товарищи Коровиков и Ильенков возомнили себя новаторами философии...» (Щипанов).

тическое мышление, обращенное на себя, критическое самосознание науки. При этом авторы тезисов не собирались отрицать ни классовый характер философии (разумеется, не в трактовке Молодцова), ни ее мировоззренческую роль... Сегодня даже трудно понять, как столь внятная, столь безобидная (на первый взгляд) позиция могла вызвать столь истерическую реакцию.

Онтология

Категория БЫТИЯ – важнейшая. Ведь философия во многом началась с парменидовского «бытие есть, а небытия нет», да и в XX веке писали «Бытие и время», «Бытие и ничто». Тема «бытия» в дискуссии о тезисах прямо не проговаривалась, но явно присутствовала. Еще раз обратим внимание:

Тов. Ильенков:

Я считаю, что тезисы можно охарактеризовать так, как они охарактеризованы в решении. С этим решением я согласен. Не могу согласиться только с пунктом о нечестности...

К Коровикову мне добавить нечего, меня смущает только одно обстоятельство, по поводу которого я бы хотел обратиться к членам Ученого совета. Я до сих пор не понимаю пункта, в котором говорится, что Коровиков и Ильенков в ряде случаев вели себя неискренне и это следует поставить им в особую вину, и никто мне его не разъяснил... Неискренне мы не вели себя никогда.

«Нечестность» и «неискренность» стоят в весьма значимом словесном ряду. Близко к ним: криводушие, лживость, притворство, лукавство, лицемерие, двурушничество, ханжество, фарисейство. Нечестность – это не **быть**,

а **казаться**. Для любого нормального человека обвинение в нечестности оскорбительно, а для философа особенно нестерпимо: это просто плевок в философскую душу. Для философа принципиально важно утверждать бытие, а для этого нужно самому быть, а не казаться, ведь кажимость – род небытия. Быть или не быть – вот в чем вопрос. Здесь личное и метафизическое совпадают – если угодно, в экзистенциальном¹. Коровиков и Ильенков в той дискуссии не рассуждали о бытии, они его утверждали – самым своим существованием, поведением, поступком.

Скорее всего, здесь присутствует еще и такая сторона дела: профессиональные мастера лицемерия и ханжества попытались, как это у них принято, приписать оппонентам собственные пороки – обычное дело. Болтающая и испуганная кажимость старалась унижить **мыслящее бытие**, поставить его на один уровень с собой.

Однако важнее другое. Авторы тезисов утверждали, что предмет философии – мышление (гносеология). О бытии (онтологии) не говорили – и не только потому, что они были «гносеологи», а и потому, что им навязывали вовсе не-философскую картину «бытия» – они «бытие» понимали, чувствовали и были в нем совершенно иначе. Но ведь одного без другого не бывает, «что» и «как» непременно взаимосвязаны.

И Бытие явило себя – правда, с той стороны, с которой не ждали (гони его в дверь – оно влезет в окно) – не со стороны словесных аргументов. Классический сюжет! «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить. Сильнее бы не мог он возразить...». Потом мы, конечно, вспомним и прочтем, опять

¹ О «марксистском экзистенциализме» Э.В. Ильенкова см.: Акчурин И.А. Э.В. Ильенков и наша философия в конце столетия.

(http://www.plam.ru/philos/drama_sovetskoi_filosofii_yevald_vasilevich_ilenkov_kniga_dialog/p12.php).

же, у Э.В. Ильенкова: язык и речь – вовсе не единственная форма реализации мышления, практические действия и поступки – едва ли не важнее («первичнее») говорения и писания.

И отсюда же (можно предположить) – выход на тему, важнейшую для Ильенкова впоследствии – тему **тождества бытия и мышления**¹ (это тождество иначе именуется **истиной**). И это тоже о предмете философии.

Позволю себе договорить эту мысль до конца – в развитие тех же тезисов. **Предмет философии – ИСТИНА.** А «основной вопрос философии» – пилатовский: что есть истина?² А что первично или вторично – вопрос уже производный от основного.

20 лет спустя

Во времена моего студенчества (70-е годы) на факультете продолжали профессорствовать все те же Молодцов, Щипанов, Косичев и иже с ними... тема «предмет философии» излагалась нам как положено: «философия обобщает». Студенты – народ вьедливый и мы постоянно интересовались: а как это «она» обобщает, как это выглядит? Ведь понятно: философ сам не работает в обсерваториях, лабораториях, вивариях, не проводит расчеты и раскоп-

¹ Эта тема выросла, скорее, не со стороны мышления (это – более из философской литературы), а со стороны жизни, самого бытия. А из литературы, конечно, сыграло роль марксовское «das Bewusstsein ist das bewusste Sein»: сознание – это осознанное бытие. Бытие, сознающее и себя, и окружающий мир, и свое место в мире – мыслящее бытие.

² Насчет того, что Истина = Естина (то, что есть) хорошо сказано у Флоренского в «Столпе». Это про «онтологию». А еще стоит в этом контексте вспомнить Михайловского: различение (принципиальное) «правды-истины» и «правды-справедливости». Во многом отсюда – трагические судьбы философии в России.

ки... Может, он «обобщает» труды ученых – специалистов всех наук? Однако для того, чтобы их хотя бы прочитать и понять, нужна серьезная подготовка, которой философ вряд ли располагает – дай бог, если ему хватило сил освоить историю собственной дисциплины... Единственно возможный выход: философ «обобщает» научно-популярные переложения науки, причем со значительным запозданием относительно ее реального развития. Естественно, все это не могло восприниматься всерьез. А книги Ильенкова, его друзей, единомышленников, последователей были хоть и дефицитны, но вполне доступны, за их чтение и распространение не прорабатывали на парт-собраниях. Можно было пойти и послушать их живьем, пообщаться (конечно, не на факультете) – авторы «тезисов» победили. Впрочем, и на факультете не все было однозначно. Конечно, руководство приложило максимум усилий для того, чтобы «ильенковский дух» с факультета выветрился. Но ведь давно известно: Дух дышит, где хочет! В этой связи невозможно не вспомнить замечательную В.А. Андриевскую, преподававшую политэкономии капитализма. Кстати, она была единственной на своем (экономическом) факультете, имевшей статус «сертифицированного» лектора ЦК КПСС – она не могла не знать описанную выше историю и ее последствия. И она всегда настойчиво рекомендовала читать «Капитал» (особенно 1 том) параллельно с Гегелем и Ильенковым.

Что дальше

По-моему, есть такой (парадоксальный на первый взгляд) закон истории: СЫН ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ. И дело даже не в том, что для всякого настоящего философа герои Истории философии – это современники, с Парменидом, Декартом, Гегелем по сей день всерьез выясняются

отношения, а с Кантом стоит посидеть за пивом и попробовать уточнить – ну, откуда же взялось «априори»... Дело даже в другом. Мало кто из смертных целиком завершил свое дело – так, чтобы можно было поставить точку и сказать точно и определенно: вот, Этот сделал То-то. И все. Нет, дело продолжается учениками, последователями, приверженцами, верующими и прочими, и именно от их усилий зависит «историческая» оценка того, что было положено в основу. Скажем, оценка наследия Маркса очень во многом зависит от того, что сделали после него марксисты, или, чаще, «марксисты» в кавычках. Сталин и Мао именовали себя марксистами – Маркса, недолго думая, записывают в основоположники тоталитаризма.

В Швеции построен социализм – Маркс оказывается классиком гуманизма, во всяком случае, «одним из».

Все это продолжается по сей день и не скоро закончится. С марксистом Ильенковым – та же история. Оценка того, что он сделал, напрямую зависит от того, что сделаем мы, в какую сторону направим, развернем его наработки. Потому что не только мы зависим от наших предков, но и они зависят от нас, и ждут справедливости.

В той истории с тезисами Коровиков и Ильенков победили. Вопрос: что нам теперь с этим делать? Конечно, для начала – освоить, усвоить, осознать то, что было ими сделано – конечно, не ограничиваясь «тезисами». Это – прожиточный минимум. Но необходимо двигаться дальше. Куда? – О, спектр возможностей велик. Единственный запрещенный азимут – двигаться назад (стояние на месте этому равно).

Конечно, всякое действительное развитие сопряжено с опасностью – в чем-то не согласиться с Учителями, вступить с ними в спор... вряд ли стоит этого бояться. Маркс, действительно, развил Гегеля, «преододел» его – что нисколько не повредило авторитету Гегеля, не ума-

лило его исторических заслуг, скорее наоборот. Эйнштейн развил Ньютона, Лобачевский – Эвклида... Такова суровая правда (логика) развития. Хватит ли у нас духу вступить в бурные воды Истории? Или будем, как мудрая китайская обезьяна, сидеть на берегу реки и ждать, когда мимо проплывет труп врага? Боюсь, долго придется ждать, а обезьяна рискует сдохнуть, так и не дождавшись.

Ближе к делу.

Имеются, как мне представляется, как минимум две темы и проблемы, которые прямо (хотя и не очевидным образом) вытекают из тезисов Коровикова и Ильенкова и позволяют их развить – поскольку они непосредственно касаются все того же вопроса – о предмете (и, соответственно, методе) философии.

Почему «Капитал»?

Хорошо известно: *«Если Марх не оставил "Логики" (с большой буквы), то он оставил логику "Капитала"»* (Ленин). Известно также: Маркс, действительно, собирался написать эту самую «Логическую», но жизненные обстоятельства не дали ему такой возможности, о чем он сожалел. Так или иначе, с тех самых пор мы имеем то, что имеем – в качестве проблемы, задачи и головной боли. Многочисленные (отечественные, во всяком случае) попытки построить, изложить диалектическую Логическую «в чистом виде» – это в основном старания «вычленив» логику из «Капитала», «отжать» политэкономический материал, чтобы в результате, в сухом остатке, осталась именно Логика. Конечно, исходным материалом может служить не только марксовская политэкономия, но и, в принципе, любая развитая наука (скажем, Б.М. Кедров «вычленял» диалектику из химии), но «Капитал» все равно остается вне конкуренции. Почему?

Потому ли, что Ленин указал перстом именно в эту сторону? – Конечно, и поэтому тоже, мимо ленинских указаний пройти было затруднительно. Но ведь Ленин не случайно указал сюда: именно в «Капитале» диалектика реализована систематически, последовательно, сознательно и продуманно.

Все так. Но, думаю, это еще не все. Стоит обратить внимание на подзаголовок «Капитала» и подумать над этим: «Критика политической экономии». Не «политэкономия», а критика ее. В немецкой философии слово «критика» имело (после Канта, во всяком случае) вполне определенное, точное значение. Это вовсе не литературная (да и какая угодно) критика в смысле рецензирования, выявления недостатков, критических разборов (скажем, разбор Энгельсом сочинений Дюринга – это критика в обычном, не-философском смысле). «Капитал» же – нечто иное.

«Критика» здесь (вслед за Кантом) означает: 1) **установление пределов компетенции** определенной формы разума, 2) **границы бытия** отражаемого в этой форме разума предмета, и 3) возможность, необходимость, перспектива выхода за эти пределы в иное (высшее) качество. Здесь (в «Капитале») не только выясняются, формулируются те законы, по которым функционирует капиталистическая экономика, но и, что принципиально важно, – устанавливаются исторические границы действия этих законов. Предмет науки (политэкономии) оказывается конечным, «исчерпаемым» – и логически, и исторически¹.

¹ «Исторически», согласно марксистской классике, этот предмет «исчерпывается» через революцию и диктатуру пролетариата. Сегодня правота этой концепции, мягко говоря, неочевидна. Хотя бы потому, что концепция эта была сформулирована на основе весьма локальной исторической практики – Парижской коммуны. Сейчас наш исторический опыт куда богаче и куда трагичнее. Концепция, безусловно, должна быть пересмотрена, для настоящей философии

«Просто» теория, излагающая свой предмет как данность, не желающая (или не умеющая) обнаружить его качественные границы, тем самым неспособная **определить** свой предмет (установить его пределы), всегда рискует оказаться, так или иначе, **апологетикой** этого предмета, выведением его за рамки времени-истории. Предмет науки качественно конечен. Это относится к предмету не только любой конкретной науки, но и к науке вообще. Наука имеет пределы своих полномочий, своей компетенции. «Изнутри» самой науки усмотреть это обстоятельство бывает затруднительно, здесь нужна философия.

Именно этим занимался Кант. Именно за это подвергался критике: «Ограничить разум чтобы дать место вере» – отличная мишень для критики – как философской, так и не очень. Однако Кант не так прост. Слишком часто осуждение Канта исходило из дилеммы «наука – религия», «вера – знание», характерной для Просвещения. Но дилемма эта ограничена, она далеко не исчерпывает ни содержание, ни формы разума. Кроме религии ведь есть еще и искусство, и нравственность, которые в состав науки не входят, отличаются от «знания», и при этом вовсе не религия. Есть ли им место в разуме? Или будем считать их некими «недонауками»? Нет? – Ну, тогда науке придется потесниться, и вовсе не в пользу религии. К такому выводу Кант тоже имеет прямое отношение – своим утверждением примата практического (нравственного) разума над «чистым», теоретическим, научным.

Какое отношение все это имеет к «Капиталу»? Да самое прямое. Ведь речь идет не только о границах предме-

неизбежен хронический ревизионизм. Но – каковы бы ни были результаты этого пересмотра – тезис об исторической исчерпаемости (а во многом уже и исчерпанности) капитализма – остается константой. И это, конечно, не «конец истории», а (по Марксу) – ее настоящее начало.

та определенной науки и самой этой науки, но о границах науки как таковой. Отсюда предложение: воспринимать и понимать «Капитал» не только как «критику политической экономии», но и как «критику науки» в целом. Потому что, если учесть иерархию форм движения материи, материя «экономическая» – эволюционно наивысшая из всех, подлежащих ведению науки. В труде человек осваивает, использует, «снимает» необходимости «природные», но при этом попадает в зависимость от общественных условий самого труда. Поэтому политэкономия здесь «представляет» за науку в целом, она, в некотором смысле, – «последняя наука». Именно освобождение человека/человечества от порабощенности «экономической необходимостью» – главный вывод, главный пафос «Капитала», да и марксизма в целом. Здесь – граница, за которой **объектный** (собственно научный) подход к человеку перестает быть **объективным**. Наука имеет дело с необходимостью, философия – со свободой. «Скачок из царства необходимости в царство свободы» – это ограничение (определение) науки и утверждение философии как критики науки. Поэтому – именно «Капитал».

Так, а философия – разве не наука?

Больше чем наука

Здесь – еще одна тема-проблема, тоже о предмете и методе философии.

Утверждение «философия – наука о...» – это, конечно, не о внешней форме «научности» (вспомним труды Аристотеля, «*more geometrico*» Спинозы и т. д.), а о чем-то более существенном. Что представляет собой философия «как наука», из чего состоит? Традиционно – история философии, логика, этика и эстетика (прочие менее фундаментальные дисциплины здесь не рассматриваем). Исто-

рия – понятно, о ней не будем. А вот взаимоотношения логики, этики и эстетики – более интересно. (Речь здесь и далее – о логике диалектической.) Логика, вроде бы, очевидно – наука. Конечно, с важным уточнением – наука о науке, метанаука, рефлексия и т. д., но, так или иначе, – наука. Это определение логики как науки незаметно распространяется на понимание философии в целом – она тоже оказывается наукой¹. Незаметно, но правомерно ли? При таком подходе, конечно, логика оказывается собственно философией, а этика и эстетика – некими «философскими науками» с не вполне понятным статусом – чем-то вроде факультативов, хобби для серьезных людей, занятых философией-логикой-диалектикой. Иначе (проще) говоря: в состав философии «как науки» входят понятие о понятии (логика), понятие о поступке (этика) и понятие о прекрасном (эстетика). Не сами поступки и художественные таланты (они – за рамками философии «как науки»), но лишь рассуждения, понятия о них. Философ «как ученый» обязан уметь рассуждать о поступках, но совершать их не обязан, «хороший человек – не профессия», за это не платят. То же самое – о художественных талантах, способностях, чувстве прекрасного. Они для философа – некая побрякушка на строгом костюме ученого.

И все же. Не испытываем ли мы некое неудобство, когнитивный диссонанс, наблюдая философа, который, разумеется, «за все хорошее», но при этом совершает поступки неблагоприятные? То же о прекрасном – хотя бы на самом элементарном уровне. У меня есть серьезное подо-

¹ В утверждении авторов тезисов о том, что философия есть «наука о...» можно, конечно, усмотреть гегельянство. Но вовсе не в том, в чем их уличали оппоненты вроде Белецкого, а в панлогизме, понимаемом не как онтологизация логических категорий, но как убеждение в том, что именно понятие – высшая, универсальная форма разума, в которой «снимаются» эстетическое и этическое.

зрение, что философ, появившийся на публике разодевшись петухом, профнепригоден.

Приходится утверждать: философия бывает разная. Философия «как профессия» может быть «наукой о...». Это – историческая форма общественного разделения труда. Философия полноценная – которой она изначально была и которой, надеюсь, опять станет, не ограничивается «понятием (суждением, умозаключением) о...». Настоящая, полноценная философия – не образ мысли только, но образ жизни как единство мысли, чувства и поступка. Тем самым – больше, чем наука. «Капитал», кстати, и об этом тоже – о необходимости преодоления общественного разделения труда.

Конечно, здесь возникают проблемы – логические, методологические. У науки этики есть предмет – нравственность. А есть ли предмет у самой нравственности – ведь она не «наука о...»? Как будет выглядеть предмет (и метод) философии, если сама нравственность окажется в ее необходимом составе?

Если не ответ в развернутом виде, то, как минимум, путь к нему нетрудно обнаружить, опять же, у Э.В. Ильенкова. Не только в его сочинениях, но и во всем образе жизни. Он умел рассуждать, писать о поступках, но главное – он их совершал. Он не только писал «Об эстетической природе фантазии», но и сам был человеком художественно талантливым. Это явно сказалось на всем им написанном. Хотя он и писал (во всяком случае, поначалу) о том, что философия есть наука...

Эвальд Ильенков

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕТРАДЬ¹

К вопросу о предмете философии

В лекции Т.И. Ойзермана было такое место, с которым я с радостью согласился: что очертить предмет философии, его специфику, это значит то же самое, что выяснить отношение философии к прочим наукам. Но что эти две стороны одного и того же вопроса совпадают полностью, без остатка – сомневаюсь.

Понять всю совокупность свойств, кои предмет обнаруживает последовательно в отношениях ко всем остальным предметам – это еще не значит определить его сущность, его внутреннюю определенность, его качество.

Сумма явлений еще не есть сущность.

Сущность есть закон этих явлений, и выяснение его не может быть сведено к арифметическому складыванию явлений.

¹ В архиве Эвальда Васильевича сохранилось несколько тетрадей, относящихся ко времени обучения в аспирантуре и недолгому сроку преподавательской работы. В дальнейшем Ильенков работал только за пишущей машинкой. Одна из таких тетрадей, которую можно датировать 1953–1954 гг., почти полностью посвящена размышлениям на тему о предмете философии. Сокращения, которыми пользовался автор, нами раскрыты и помещены в квадратные скобки. Цитаты исправлены и даны по позднейшим изданиям Маркса. Текст печатается без сокращений с минимальной правкой. Пропущенные автором слова – в косых скобках.

* * *

Круг вопросов непрерывно изменялся. Да. И это соответствует природе чело[веческого]¹ познания вообще...

* * *

Выяснить предмет Маркс[истской] философии. Ленин[ская] – философия не имеет никакого права на самостоятельное существование. Ее предмет распределяется между отдельными конкр[етными] науками.

Предмет философского познания в общем и целом, конечно, совпадает с предметом познания вообще.

Я не думаю, что под предметом философии следует разумеать только решение основного вопроса. Это было бы педантизмом. Философия за время своего развития, конечно, решала целый ряд проблем, возникавших перед человеческим познанием, и, конечно, роль и место философии не могли не изменяться вместе с развитием познания вообще.

Совершенно справедливо, что предметом философии всегда был объективный мир во всем богатстве его связей, отношений и закономерностей. В этом смысле предмет философии совпадает с предметом всего человеческого познания вообще. Но это – самая общая и абстрактная характеристика: она имеет в виду общемировоззренческую сторону философии – известно, что философия всегда претендовала на то, что она дает обобщающую, синтетическую картину мира, в отличие от прочих наук, анализирующих живое тело природы, вычленяющих отд[ельные] стороны, формы движения.

¹ Здесь и далее в квадратных скобках – восполнение авторских сокращений.

Общая синтетическая картина мира, его самые общие контуры – самые общие его закономерности – общемировоззренческая система – это, конечно, первая задача, которую философия решала всегда и везде.

Философия поэтому (я имею в виду действительную, подлинно-честную ф[илософскую] мысль) всегда содержала в себе обобщенные результаты всего познания, отражая каждый раз уровень власти человека над природой и соц[иальными] отношениями...

Философия поэтому всегда более или менее исследовала самые общие связи человека, с одной стороны, и природы (в самом широком смысле) – с другой.

(Разные эпохи выдвигали в качестве основных, решающе-важных связей разные стороны этого сложнейшего отношения. Средние века ставили в силу своей феодальной структуры одни проблемы перед познанием в качестве самых важных, эпоха восходящей буржуазии – другие...

Из всего богатства отношений человека и природы каждая эпоха вычленяла какие-то определенные стороны...).

Так или иначе, философия, представляя собою всегда и везде мировоззрение, общую всеохватывающую систему понятий, отражая такие закономерности, контуры объективного мира, которые могли быть вскрыты всей совокупностью наук, всегда и везде в качестве своего исследования имела материал, результаты, добытые другими науками.

Конечно, и в этом случае предметом ее оставался сам об[ъективный] мир, природа в самом широком смысле этого слова, но не непосредственно, а уже в какой-то степени осознанный, обработанный усилиями всех наук.

Философия рассматривала мир, природу всегда как бы сквозь науку, сквозь ее достижения.

Философ всегда имел дело не с об[ъективным] миром непосредственно – в том смысле, в каком с ним имеет дело химик, или социолог, имеющий право ограничить предмет своего исследования узкой областью, а с общими результатами полож[ительных] наук.

Дело, конечно, не меняется от того, что тот или иной философ был одновременно и специалистом в более узкой области знания – скажем, Декарт – физиком и математиком, Тюрго – политэкономом и т. д. Это сочетание весьма плодотворное, но не является правилом. Более того, пока Декарт только математик, он может сделать много в этой узкой области, но это еще не делает его философом.

Для создания философского, обобщающего взгляда на мир требуется знание не одной науки, хотя бы самое детальное, а по крайней мере основных наук данной эпохи. Это, конечно, требование, которое практически приводит сразу к тому, что философия развивается на основе достижений других наук, и философское, обобщающее отражение мира есть отражение опосредствованное.

Философия могла сделать сколько-нибудь значительный шаг вперед и быть действительно заслуживающей внимание лишь постольку, поскольку она исходила из достижений всех основных наук своего времени.

Т[аким] о[бразом], в природе самого философского, обобщающего осмысления мира кроется требование исследовать в качестве своего предмета всю совокупность научных результатов, наиболее важных для своей эпохи, иными словами – исследовать основные тенденции, основные направления научного познания, результаты, выводы конкретных наук, а поскольку мировоззрение включает в себя и челов[еческие] отношения – отношение человека к другим людям – то и наиболее характерные, наиболее жизненно важные принципы общ[ественных]

отношений... Интерес в разные эпохи преобладает тот или иной. Отсюда – окраска философии.

(?) Вообще характерно, что в периоды упадка старых общ[ественных] систем, в периоды максимумов соц[иальных] противоречий в философии преобладают этические моменты, философия испытывает более сильное влияние со стороны полит[ических] и социолог[ических] доктрин, и наоборот, в периоды относит[ельно] спокойного вызревания соц[иальных] противоречий философская мысль направляется на обобщение успехов положит[ельных] наук. (?)¹

Во всяком случае, философия испытывает влияние уже готовых полит[ико]-соц[иальных] доктрин и готовых результатов конкретного познания. Это два основных канала, по которым в философию входит объективное содержание.

Мне кажется, что постольку общую абстрактную характеристику предмета философского мышления следует конкретизировать т[аким] о[бразом]:

– тот уровень познания, который достигнут всею совокупностью ест[ественных] и общ[ественных] наук, основные закономерности развития конкретного познания, наиболее общие закономерности мышления (познающего)...

Философия рассматривает, анализирует и обобщает достижения конкретных наук и вырабатывает систему закономерностей, которые вскрываются только всей совокупностью наук, и которые не могут быть выработаны внутри одной какой-либо науки.

В этом, видимо, и состоит специфика предмета философского мышления в отличие от отдельных наук.

Отражает философия, конечно, объективный мир, его наиболее общие закономерности, но делает это тем

¹ Знаки вопроса поставлены автором.

путем, что вычленяет эти закономерности не непосредственно из живого тела природы путем ее анализа, а из данных, из результатов, добытых уже положительными науками.

Философия занимается, по-видимости, тем, что исследует наиболее существенные, наиболее важные и характерные для эпохи тенденции развития научного мышления, и т[аким] о[бразом] косвенно отражает и те закономерности природы и общества, которые имеют существенно важное, жизненное значение для данной эпохи.

Мне думается поэтому, что предметом философии – всякой – идеалист[ической] и материалистической – было одно – пугаться этого не следует – и это одно – основные, жизненно важные в общественном отношении закономерности природы и общества, поскольку они уже нашли свое выражение в общ[ественном] сознании, в виде основных тенденций познания.

И поскольку мышление эти общие закономерности вскрывает, поскольку оно получает возможность расценивать отдельные успехи наук в общемировоззр[енческом] контексте – оно является философским.

Вообще говоря – что значит «философски осмыслить» явление, факт, вскрытый наукой? Это значит не что иное, как сопоставить, сравнить его со всей остальной системой человеческих знаний о мире, установить роль и значение этого факта в системе других фактов, его практическое значение в системе взаимодействия общ[ественного] человека с природой...

Поскольку подлинным предметом философии всегда были общие закономерности движения познания как целостного процесса, реализуемого только всей совокупностью наук и практики, поскольку, т[аким] о[бразом], философия могла черпать материал для своих обобщений только во всей совокупности наук, то здесь и таится трудность.

Общие тенденции движения познания развивались в общем и целом всегда в русле объективных закономерностей, воспроизводя их, повторяя в сфере мышления. Философия сознательно их вычленяет.

И вопрос, конечно, сразу встает самый острый – о природе этих философских законов.

Любая философия до Маркса онтологизирует их – в форме духа или материи.

1) Вся предшествующая философия, претендуя на выработку общего мировоззрения, достигала этого тем путем, что вычленяла из успехов, из результатов положительных наук наиболее общие закономерности.

Отличие философского мышления от нефилософского состоит в том, что оно вырабатывает понимание фактов в их общей связи, ставит факты в общий контекст современного уровня представлений о мире.

Философия только тогда оказывалась подлинно современной, когда ее творцы учитывали весь объем положитель[ельных] знаний о мире, когда они улавливали в развитии наук наиболее существенные, наиболее общезначимые для своего времени тенденции, и формулировали их в виде общих закономерностей.

Т[аким] о[бразом], подлинным предметом философии оказывались всегда наиболее общие закономерности движения познания, обнаружившиеся в развитии всей совокупности положительных наук.

Мне думается, так нужно конкретизировать самое общее и абстрактное понимание предмета философии, ибо в противном случае предмет остается неизменным, и в итоге – гегелевское понимание...

Предмет положительного знания изменяется вместе с объемом и характером практики.

Рев[олюционный] переворот состоит в том, что предметом философии стала классовая борьба, диктатура пролетариата?

Но «философия» правых социалистов также имеет своим предметом и классовую борьбу, и д[иктатуру] п[ролетариата]; эти вопросы – также центральные вопросы для них, те самые вопросы, по которым они и стремятся уничтожить марксизм...

Не в предмете тут, след[овательно], разница, а в решении этих вопросов, в разной, прямо противоположной трактовке...

Если мы будем трактовать, что м[арксистская] ф[илософия] тем отличается от всякой иной, что в сферу ее рассмотрения попадает классовая борьба, д[иктатура] п[ролетариата] и пр[очее], то мы тем самым говорим, что по философскому содержанию марксизм рев[олюционный] не отличается ничем от марксизма Реннера и Каутского.

Формулировка есть формулировка.

Очевидно, рев[олюция] в философии состоит не только и не столько в том, что в круг ее внимания включаются некоторые, пусть даже самые центральные вопросы полит[ической] действительности, сколько в том, какие методологические принципы лежат в основе теорет[ического] мышления рев[олюционного] марксизма, те принципы, которые остаются теми же, несмотря на то, рассматривает ли марксист кл[ассовую] борьбу или проблему видообразования.

Очевидно, марксизм и каутскианство различает не круг вопросов – круг вопросов один и тот же; а различает их разное понимание, прямо противоположное по своему характеру, отношения теорет[ического] мышления и исследуемого круга вопросов. И здесь неокантианцы стоят вполне на ступени худших образцов домарксовой фило-

софии, стоят на почве абстрактного противопоставления мышления, как феномена – вещи в себе.

Рев[олюционный] переворот, состоящий в том, что в теорию познания введена практика, причем практика революц[ионно] действенная, для неокантианцев не существует.

И тут без всяких жульничеств – рев[олюционный] переворот, приобретение философией такого качества, которого не было, нет и быть не может ни в какой другой философии.

Философский анализ д[олжен] вскрыть, какие теоретико-познавательные установки в снятом виде содержатся в конкретном исследовании.

Так что подлинным предметом м[арксистской] философии остается проблема теории познания, проблема отношения сознания и бытия во всем богатстве этого отношения. Вот здесь рев[олюционный] переворот можно и нужно показать во всей его глубине, ибо как раз это – вопрос наиболее важный и сложный, и наиболее трудный для выяснения и уяснения.

Как раз этот пункт не был понят во всем его значении даже таким марксистом, как Плеханов, который не уяснил кор[енного] кач[ественного] различия домарковского мат[ериали]зма от мат[ериали]зма рев[олюционн]о действенного. Как раз здесь и кроется рев[олюционный] переворот, состоящий в том, что проблема отношения бытия и мышления перестает пониматься абстрактно, что вводится третий член, и отношение бытия и мышления начинает впервые пониматься как отношение бытие – практика – мышление.

И все значение введения в теорию познания рев[олюционн]ой практ[ической] деятельности как основы, цели и критерия познания надо раскрыть во всей его глубине, ибо как раз это и составляет коренное кач[ествен-

ное] отличие любой другой философии, в т[ом] ч[исле] и созерцат[ельного] чувств[енного] материализма.

Непонимание этой сути дела у Плеханова связано и с его непониманием того факта, что диалектика, логика и теория познания марксизма суть одно и то же, что это как раз и есть его философия в точном и строгом смысле.

В этом ленинском упреке Плеханову следует видеть еще тот глубокий смысл, что здесь как раз вскрыта глубокая связь нашей логики и диалектики с материализмом, подчеркнуто единство мат[ериали]зма и диалектики, логики.

В общем и целом, за философией остается одна /область/, как называл /ее/ Энгельс и повторял Ленин – мышление и его закономерности – логика и диалектика. Конечно, тут сразу можно вскричать, что такая трактовка вопроса не выходит за рамки неокантианства.

Но ясно, что если мы материалистически рассматриваем мышление, то в учении о мышлении главным вопросом остается вопрос об отношении к бытию, к объекту, закономерности этого отношения, что собственно и есть законы мышления, которые лишь в том случае дадут правильный ход отражения, если законы его движения (параллельны) идентичны, тождественны законам объекта.

В этом смысле не устраняется энгельсовское определение, оно лишь раскрывается, конкретизируется.

Остается еще одна трудность – если философской проблематикой всегда была теоретико-познав[ательная] проблематика, вопрос об отношении мышления к бытию, основной вопрос – как же быть с изменением предмета философии, с кругом вопросов?

Вопрос такой на первый взгляд должен обескуражить. Попытаемся показать, что нет.

Есть мнение такое – что раз предмет философии, круг вопросов менялся, как указывает т. Жданов, то под пред-

метом философии следует у каждого философа разуместь все те вопросы, к которым он почему-либо прикоснулся. Скажем, приходится утверждать, что предметом философии Локка и Юма были вопросы кредитно-денежного обращения и т. д., предметом философии марксизма становятся классовая борьба и законы грамматики и словарного фонда – поскольку т. Сталину пришлось коснуться и этого вопроса и т. д.

Товарищи, полагающие, что в круг вопросов философии, в сферу ее предмета попадают каждый раз новые области, забывают другое указание Жданова, а именно то, что изменение предмета философии есть не что иное, как прогрессирующее его сужение, все более и более ясное, четкое и определенное ограничение круга вопросов...

Что указание Жданова имеет именно этот смысл, доказывать, по-моему, не следует.

Философия в ранние периоды развития пыталась охватить вообще весь круг вопросов, подлежащий разрешению усилиями всех наук в их развитии. Вначале философия пыталась разрешить те вопросы, которые ей разрешить и не под силу, и прогресс состоял в том, что положит[ельные] науки отпочковывали из-под эгиды философии один круг вопросов за другим. Пока наконец у философии не остался лишь один четко стоящий перед нею и находящийся целиком в ее компетенции – это вопрос об отношении мышления и бытия, вопрос, который философия только тогда смогла решить подлинно научно, когда она отказалась от всякого философствования в старом смысле, и стала на почву реально-практ[ического] действия, когда она разрешила этот вопрос не философски, не умозрительно, а путем обращения к практике.

Только здесь философия обрела тот круг вопросов, который ей действительно под силу разрешить, и тем самым стала иметь перед собою такой предмет, который

подлежал конкретному, а не философскому исследованию, и философия сама приобрела характер положит[ельной] конкретной науки. И этот вопрос есть вопрос об отношении мышления к бытию, тот самый вопрос, который всегда, во все времена был подлинным предметом, ядром, вокруг которого так или иначе группировались остальные вопросы, которые человечество пыталось решить философским способом только потому, что не умело еще решить их конкретным путем, путем положит[ельной] науки...

(Здесь, мне думается, только и можно найти путь к правильному решению историко-философ[ских] проблем. В таком понимании делается ясной и принцип[иальной] прогрессивная роль материализма, и принцип[иально] реакц[ионная] в смысле развития познания роль идеализма, и в то же время двойственная роль идеализма, который, подминая под себя все науки, тем самым вбирал в себя также и все методологически ценное, что эти науки уже добыли...

И вместе с тем недостаточность старого материализма, который воображал науки общепринципиальной защитой их права на объект[ивную] истину, но бóльшего дать не мог, не мог дать метода.)¹

Я не хочу сказать, что отпочкование, изменение круга вопросов в направлении к его сужению происходило равномерно и эволюционно. Нет. Совершенно справедливо, что материализм и идеализм в общем прямо противоположным образом относились к этому процессу, процессу все более четкого ограничения компетенции философии вокруг проблемы мышления.

Материализм, признавая за науками мировоззренческое значение, всегда приветствовал самостоятельные

¹ На полях против последних двух абзацев: «Это – лишнее».

шаги науки к познанию объекта, с удовлетворением оставляя за собою право решения лишь основного вопроса.

Идеализм, напротив, всегда и везде противился этому, стремясь отнять у них право на мировоззренческую роль, оставляя за ними лишь узко прикладное значение; и немудрено, т. к. тезис идеализма о первичности духа прямо противоположен мировоззренческому характеру любой положит[ельной] науки. Отнимите у идеализма право на спекулятивное переосмысливание данных наук – и он лишается всякой почвы.

Отнимите у материализма это право – и он с удовлетворением сохранит за собою право лишь на утверждение первичности и принцип[иальной] познаваемости природы, справедливо полагая, что науки доказывают и сами, и без его менторской помощи его же основной тезис.

Поэтому-то

взять марксизм и вопросы языкознания: что в нем относится к философской проблематике, что нет.

Слов[арный] запас – нет.

Талмудизм? – Да!!! в данном случае указывается, что мысль т. Холопова

совершает свое движение не по, а вопреки закономерностям действительно познающего мышления¹.

Вот здесь и есть гносеологическая-философская проблематика!!!

(Без заголовка)

1) Можно констатировать, что имеется несколько высказанных точек зрения на предмет философии, и я не беру на себя смелость создать еще одну, а хочу проанализировать имеющиеся уже т[очки] з[рения].

¹ На полях этот фрагмент отмечен NB.

1-я точка зрения, которой на практике придерживается довольно много наших философов, была отчетливо высказана т. Ананьевой. Т. Ананьева по сути дела в отношении предмета философии стала на агностические позиции. Но эта т[очка] з[рения], хотя она и совершенно неприемлема, все же имеет преимущество в том отношении, что она по крайней мере отчетливо и определенно заявляет о полной неопределенности своего предмета.

Насколько можно судить, наиболее практич[ески] распространена 1-я т[очка] з[рения].

2-я точка зрения на первый взгляд дает очень строгое и ясное определение предмета по крайней мере марксистской философии. Высказана она в книге Светлова и Ойзермана. «Мир в целом, мир в его материальном единстве, в его движении, изменении и развитии – таков предмет м[арксистско]-л[енинской] философии». На след[ующей] стр[анице] говорится, что предметом м[арксистско]-л[енинской] философии являются наиболее общие законы природы, общества и сознания (стр. 88–89).

3-я точка зрения редко формулируется отчетливо. Ее защитники предпочитают дипломатические формы ее защиты. По сути дела она состоит в том, что предметом философии является круг вопросов, связанных с теорией познания, с общетеоретическим обоснованием диалектико-материалистического решения основного вопроса – вопроса об отношении познающего мышления и материального бытия.

Мне кажется, что если на дискуссии по макету были какие-либо принципиальные споры, то они возникли между 2-й и 3-й т[очками] з[рения].

Вторая т[очка] з[рения], по-видимому, допускает произвольное расширение предмета философии, во всяком случае она не противоречит тому, что в круг предмета философии попадают и борьба Махтум-Кули за переход

казаков к оседлости, и любая соц[иально]-полит[ическая] доктрина, и любой успех ест[ественной] науки. Эту т[очку] з[рения], по-моему, совершенно справедливо критиковали за ее резиновый характер, за то, что практически она ничем по сути дела не отличается от т[очки] з[рения] т. Ананьевой... В самом деле, – эта т[очка] з[рения] по сути дела расширяет предмет специфически философский до пределов предмета познания вообще. Ведь ясно, что постигнуть «мир в его единстве, в его движении, изменении и развитии» способно только все познание в целом, вся совокупность наук, и что такая задача никак не по плечу одной философии, хотя бы даже и марксистско-ленинской...

Не может философия решать задачу, которая по плечу лишь всей совокупности наук о природе и обществе, если она не хочет претендовать на роль «науки наук».

3-я точка зрения, состоящая в том, что предметом м[арксистско]-л[енинской] философии являются закономерности действительно-познающего мышления, что, след[овательно], философия есть то же самое, что гносеология, теория познания, логика, диалектика – вызвала очень резкий отпор со стороны авторов макета (см. выступление проф. Дынника). Авторы макета эту т[очку] з[рения] раскритиковали как неприемлемую, т. к. она, де, недозволительно сужает предмет философии, и ставит барьер для включения в историю философии целого ряда мыслителей прошлого вроде Махтум-Кули, Пушкина и др[угих], что эта т[очка] з[рения], следовательно, играет на руку европоцентристской концепции и т. д. (Кроме того, эта т[очка] з[рения] ведет к тому, что за Тарасом Шевченко в развитии философии оказывается меньше заслуг, чем за каким-нибудь Гегелем). Вот основные возражения, направленные против 3-й т[очки] з[рения], согласно которой специфическим предметом философии являются закономерности познающего мышления...

Я после долгих раздумий пришел к выводу, что в этом споре больше правды все-таки за этой, третьей т[очкой] з[рения], и что вторая т[очка] з[рения] практически ничем не отличается от позиции, высказанной тов. Ананьевой...

Я отнюдь не стою на той т[очке] з[рения], что предмет философии совпадает без остатка с основным вопросом, и если к этому мнению присоединяюсь, то только потому, что оно, по моему мнению, все же ближе к истине, нежели все остальные четко сформулированные точки зрения.

Я считаю, что если выбирать между т[очкой] з[рения] авторов макета и т[очкой] з[рения] Леонова, то последняя к истине ближе, ибо она конкретнее.

Т[еодор] И[льич] против концепции, к которой я в общем и целом присоединяюсь, выдвинул ряд «каверзных» вопросов.

Но они при ближайшем рассмотрении оказываются не столь уж каверзными, и я это постараюсь показать.

Гораздо больше хлопот эти вопросы доставили бы авторам макета...

Постараюсь поэтому эти каверзные вопросы не только со своих позиций отражать, но и выяснять, насколько они с другими точками зрения могут быть согласованы.

1) Вопрос был такой: если подлинным предметом философии был всегда основной вопрос, то как понимать, что круг вопросов изменялся?

(Мне кажется, что на этот вопрос ответить не очень трудно... Я только сначала хотел бы в пику Теодору Ильичу задать другой правомерный вопрос – если под предметом философии понимать каждый раз те вопросы, которые являются предметом рассмотрения в данной системе, у данного философа, то как же быть с закономерностью изменения предмета философии? Как быть с тем поло-

жением т. Жданова, что прогресс философии и положит[ельного] знания состоит до сих пор в том, что от философии «отпочковываются» положит[ельные] дисциплины? С той точки зрения, которую, насколько я понимаю, защищает Т[еодор] И[льич], это остается непонятным. Скорее, получается обратное – а именно, что шаг вперед, рев[олюционный] переворот, совершенный Марксом в философии, состоит не только в том, что Маркс решительно отпочковал, освободил из-под эгиды «философии» ряд вопросов, а даже в том, что он, наоборот, расширил предмет философии включением в его сферу таких вопросов, которые до того под эгидой философии не находились...)

Я же полагаю, что изменение предмета философии, изменение круга вопросов, которые решала (или пыталась решить) философия, состояло в истории развития философии в постоянном, прогрессирующем сужении этого круга, в том, что все новые и новые вопросы брали в качестве своего предмета положит[ельные] науки и решали их не философски, не умозрительно, а конкретно-положительным исследованием, все время сокращая сферу компетенции умозрительного философствования, предмет философии в старом смысле.

Именно в этом, в необходимом процессе отпочкования все новых и новых вопросов от философии и состоит, по-моему, изменение предмета, круга вопросов, пока, наконец, Маркс и Энгельс решительно не отказываются от всякого подчинения каких бы то ни было вопросов чисто умозрительному, философскому способу их решения, и не оставляют за философией только одного специфически подвластного ей предмета – а именно – закономерностей познающего мышления, теоретико-познавательную проблематику; именно в этом пункте, где сама философия впервые обретает характер положительной науки, науки о закономерностях познания объективного мира челове-

ческим мышлением, и приходит конец старой философии, у которой отбирается всякое право решать какие бы то ни было другие вопросы. Все же другие вопросы объявляются уделом конкретного исследования.

Только в этом смысле, очевидно, и можно трактовать проблему изменения предмета философии, как процесса сужения ее компетенции до того пункта, где ей в удел остается только «учение о мышлении и его законах – форм[альная] логика и диалектика» (Энгельс).

И здесь никакой хитростью не объяснишь, что под диалектикой нужно разуть что-либо иное, кроме того, что Энгельс на соседних страницах называет субъективной диалектикой...

Если же вспомнить еще и ленинское положение, что «диалектика, логика и теория познания суть одно и то же», и что «диалектика, согласно Марксу, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией», то вытекает бесспорный, по-моему, вывод, что философия в понимании классиков должна ограничить свою компетенцию, свой предмет закономерностями познания, закономерностями отношения мышления и бытия во всем объеме богатства и противоречивости этого отношения, в котором бездна оттенков, сторон, граней и тонкостей.

Тот факт, что Маркс и Энгельс сузили т[аким] о[бразом] предмет философии до разумных пределов, и рассмотрели процесс отражения как «живое, многостороннее познание с бездной оттенков всякого подхода», и что они ввели впервые в теорию познания практику, рев[олюционную] практ[ическую] деятельность – и позволило им в таком, казалось бы, «узком» кругу вопросов рассмотреть их подлинную глубину. Как раз это, как указывает Ленин, умение применить диалектику «к Bildertheorie» – и есть то, что отличает диалект[ический] мат[ериали]зм от домарксова, метафизического. Именно

в этом заключается рев[олюционный] переворот в философии.

В этом и состоит коренное качеств[енное] отличие маркс[истского] философского материализма от старого материализма, который разделял с идеализмом один общий грех, свойственный всякой иной философии, кроме марксистской – созерцательность, нежелание отдать полож[ительным] наукам право на мировоззренческое значение их результатов, претензия на обладание сверхнаучным, умозрительным знанием, на абсолютную истинность своих построений, своих конструкций мира, на исчерпывающее объяснение всей сложности объективного мира.

Марксистская же философия впервые отказалась от таких претензий.

Объективная диалектика – под которой понимается, собственно, все многостороннее противоречивое богатство объективных связей – это предмет, отразить который способна лишь вся совокупность человеческих наук и практики.

Вэтом смысле я несогласен со Светловым и Т[еодором] И[льичом], когда они говорят, что положит[ельные] науки анализируют живое тело природы, а философия, де, вновь воссоздает синтетическую картину мира. Это опять возвращает философии ее право претендовать на монопольное мировоззренческое значение. Я думаю, что общую картину мира создает все-таки не философия, а вся совокупность научных знаний, и нет никакой нужды ставить над этими знаниями еще одно – философское.

Против такого понимания высказывается сам Энгельс:

«Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об

этой всеобщей связи становится излишней» (т. 20, стр. 25, А[нти]-Д[юринг].)

И далее – знаменитое место – «...и тогда из всей прежней философии сохраняет еще учение о мышлении и его законах – форм[альная] логика и диалектика. Все остальное входит в положит[ельную] науку о природе и истории».

Энгельс самым недвусмысленным и определенным образом заявляет здесь, что рев[олюционный] переворот состоит в том, что философия сознательно ограничивает свою компетенцию исследованием закономерностей познающего мышления, теоретико-познавательной проблематикой, превращаясь тем самым во вполне конкретную и положит[ельную] науку о мышлении и его отношении к бытию, и решительно отказывается от всякой претензии давать какую бы то ни было синтетическую обобщающую картину всеобщих связей. Ведь именно благодаря этой претензии философия всегда и пыталась присвоить себе монопольное мировоззренческое значение, отрицая его за остальными науками.

Т[аким] о[бразом], предметом философии, по Энгельсу, оказываются закономерности теоретического мышления, и ничего больше¹.

Иначе смазывается весь смысл рев[олюционного] переворота, и философия опять превращается в науку наук.

Разумеется, это понимание очень легко извратить в неокантианском смысле и тут нужно быть очень осторожным...

Извратить, однако, станет невозможным, если все время помнить, что в понимание закономерностей этого мышления входит, как первая и основная закономерность – его связь с рев[олюционно]-практ[ической] дея-

¹ Эта фраза подчеркнута красным карандашом, на полях NB.

тельностью, с мат[ериальной] практикой, имеющей своим объектом мат[ериальный] объект[ивный] мир.

И поскольку исторически складывающиеся закономерности теорет[ического] мышления являются аналогом об[ъективных] закономерностей, постольку и остается справедливым самое общее определение философии, как науки о наиболее общих закономерностях природы, общества и сознания.

Но остановиться при характеристике предмета философии на этой самой общей и абстрактной формуле – значит открыть дверь произвольно-расширительному толкованию и путанице.

(Тут, конечно, опять возразят, что получается возврат к деборинской трактовке философии как чистой абстрактно-рафинированной методологии...

Но это возражение не бьет в цель, если в числе важнейших закономерностей теорет[ического] мышления иметь в виду его органическую связь с рев[олюционной] практической деятельностью).

Т[аким] о[бразом], центром, ядром, основным вопросом философии остается во все времена вопрос о природе и закономерностях мышления и его отношения к бытию, вопрос, который остается единственным содержанием философии в результате рев[олюционного] переворота. (Причем само собой разумеется материалистическое понимание и решение этого вопроса).

И прогресс философии состоит в постепенном сужении круга вопросов вокруг этого центра.

Разумеется, когда я говорю, что этот процесс постепенен, я тем самым не отрицаю, а, наоборот, предполагаю противоречивый характер этого процесса. Как раз материализм развивался в том направлении, что все более и более сосредоточивал свою аргументацию на общепринципиальном решении основного вопроса, на требовании

предоставить полож[ительным] наукам право объяснять мир из него самого, объяснять его в частностях.

А идеализм в этом смысле всегда знаменовал собою чистую реакцию, тем не менее, в частностях, и часто в существенных частностях, двигая философию вперед. Но это другой вопрос.

Отрицая за полож[ительными] науками это право и присваивая его себе монопольно, но зато сосредоточивая свое внимание на закономерностях мышления, которое он брал как нечто абсолютное, как феномен, и всегда затушевывал, смазывал основной вопрос в его истинном значении, как правило, избегая давать прямое и недвусмысленное решение – именно так и поступали наиболее умные идеалисты – и Кант, и Гегель...

* * *

Основной вопрос всегда, конечно, был основным вопросом всякой философии. Остался он им и поныне.

* * *

Вопрос из каверзных был таков:

– что же, выходит, марксистская философия не отличается по предмету от предшествующей?

Вопрос каверзным кажется потому, что поставлен неверно.

Я в пику тоже могу задать подобный вопрос – отличаются производительные силы капитализма от социалистических? И отличаются, и в то же время имеют существенные общие характеристики.

Основной вопрос, безусловно, остается одним и тем же. Но что в решении его марксизм занимает позиции прямо противоположные – это так.

Маркс[истско]-лен[инская] философия вводит в решение этого вопроса практику, и решение это понимает

не как отношение между абстрактно-абсолютизированным сознанием и таковым же бытием, а рассматривает свой предмет равным образом исторически.

В решение вводятся – практика, идея развития мышления и его форм от незнания к знанию и т. д., короче говоря, вся теоретико-познав[ательная] проблематика.

По предмету м[арксистская] философия отличается от всей иной тем, что четко ограничивает свой предмет, тогда как иная перепутывает его со всякими другими вопросами.

Т[аким] о[бразом], и количественно, и качественно предмет м[арксистской] ф[илософии] отличен от предмета всякой иной философии.

* * *

Вопрос – включает ли в себя рев[олюционный] переворот в философии и рев[олюционный] переворот внутри основного вопроса.

Не только включает. На мой взгляд, именно в нем, в решении основного вопроса, этот рев[олюционный] переворот в первую очередь и гл[авным] образом и происходит вместе с включением в его решение практики, идеи развития.

Тут мне кажется уместно высказаться относительно роли изменения соц[иально]-кл[ассовой] основы философии.

Т[еодор] И[льич] обычно дает след[ующую] формулировку:

«...мол, рев[олюционный] переворот состоит в изменении классовой природы, основы философии».

Все это очень верно. Рев[олюционный] переворот в понимании предмета философии мог произойти только на основе соединения философии с практикой рев[олюционного] пролетариата.

Но все-то ведь дело состоит как раз в том, чтобы конкретно показать, как изменилась сама теоретико-познавательная основа в связи с изменением соц[иальной] роли философии.

Несомненно, что только рев[олюционная] борьба пролетариата и необходимость ее теоретически осмыслить обнаружили для Маркса и Энгельса неспособность старой философии сделать это, невозможность осмыслить рев[олюционную] пролет[арскую] практику, оставаясь на старых философских теорет[ико]-познав[ательных] позициях. Именно процесс теорет[ического] осмысления борьбы пролетариата заставил в ходе исследования пересматривать исходные теор[етико]-познав[ательные] принципы, и к замене их новыми, диалектико-материалистическими.

Вот этот-то процесс формирования философии марксизма и важно рассмотреть – проследить, как само исследование положения пролетариата, предпринятое вначале с идеалистических теоретико-познавательных установок, входило в противоречие с этими установками и заставляло их менять, революционизировать, давало возможность усмотреть их ложность.

Конечно, диал[ектико]-мат[ериалистические] основы познания сформировались в процессе познания таких вещей, как роль и место пролетариата внутри капит[алистического] общества. Но этим самым еще не сказано, что рев[олюционная] борьба пролетариата и есть подлинный предмет философии.

Ибо в противном случае придется включить в предмет м[арксистской] философии и экономическую структуру капитализма, ибо вместе с исследованием закона приб[авочной] стоимости, конечно, развивалась и философская сторона учения Маркса, его теоретико-познавательные основы, «логика», как выразился Ленин.

Предметом философии остается все-таки логика теорет[ического] мышления.

Логика «Капитала», бесспорно, не логика чистого мышления, а логика произв[одственных] отношений капитализма. Но мы, тем не менее, отличаем политэконом[ическое] содержание «Капитала» и его специфически философскую проблематику. Помнится мне, что сам Т[еодор] И[льич] в своих лекциях практически так и подумал, вычленив в качестве философской проблематики такие вопросы, как соотношение дедукции и индукции, логического и истор[ического], абстрактного и конкретного, т. е. те вопросы, которые связаны с познающим мышлением и являются характеристикой не того материала, в коем они обнаружены, а мышления...

В связи с этим хочется высказать и сомнения по поводу некоторых формулировок в доктор[ской] диссертации (Ойзермана. – Е. И.): что «...рев[олюционный]переворот в философии состоит в том, что предметом ее сделались впервые такие вопросы, которые никогда до тех пор не входили в круг философских вопросов – классовая борьба, д[иктатура] п[ролетариата] и т. д».

Глубоко сомневаюсь в точности такой характеристики рев[олюционного] переворота.

Бесспорно, революция в философии органически связана с тем, что Маркс и Энгельс стали теоретиками борющегося пролетариата, что эти вопросы оказались в сфере их внимания.

Но если остановиться на этом, то получается след[ующая] нелепость:

Вопросы классовой борьбы и диктатуры пролетариата в наши дни являются предметом самого пристального внимания со стороны таких «философов», как Реннер и Блюм, Ласк и Тито.

Дело, очевидно, не только и не столько в том, что эти вопросы являются предметом философского рассмотрения, а в том, из каких философских установок исходят в анализе этих вопросов те или иные философы.

Если проследить эти философские установки, то окажется, что все эти прохвосты молчаливо исходят из кантианских, из гегелевских и пр[очих] принципов, т. е. рев[олюционного] переворота по ср[авнению] с домарксовской философией не было и нет в их философиях, хотя они и рассматривают и классовую борьбу, и диктатуру пролетариата и пр[очее].

След[овательно], не просто включение этих вопросов в круг философского рассмотрения составляет революцию. Этого еще недостаточно. Можно рассматривать эти вопросы, оставаясь при старой философии, и все дело в том, чтобы изменить самые теоретико-познавательные основы мышления, его гносеологические принципы – вот только тогда и происходит рев[олюционный] переворот...

Вот и надо бы проследить, какие коренные изменения вызвала классовая борьба в теоретико-познавательной проблематике, в философских, методологических основах мышления, а не останавливаться на декларации о том, что изменение классовой базы философии – это и есть рев[олюционный] переворот в философии.

Это еще не есть рев[олюционный] переворот, а только предпосылка, *sine qua non* такого переворота в специфически философской проблематике.

А рев[олюционный] переворот состоит в уяснении необходимости устранить созерцательный характер старого материализма, в необходимости ввести рев[олюционную] практику в теорию познания, и тем самым в корне изменить, революционизировать теоретико-познавательные основы, философские основы познания,

создать новую, принципиально не бывшую до тех пор диалектико-мат[ериалистическую] теорию познания, которая включает в себя партийность вместе с практикой, и делает ее не внешним стимулом мышления, а его внутренней существенной характеристикой.

Вот почему мне и представляется необходимым четко и определенно под предметом философии разуместь теоретическое познающее мышление и его закономерности. Нового это требование ничего не содержит – это ленинское требование, повторенное к тому же Ждановым.

НВ: Если рассматривать общие закономерности так, как мы часто делаем – лишь такие, имеющие онтологическое значение законы – то увидишь только подтверждение или неподтверждение этих законов в мысли, теории.

Марксизм же д[олжен] исследовать пути движения познающей мысли.

Недаром наша философия оказывалась не раз бесильной перед ложными теориями, когда они замаскированы под «диалектику», когда «общие» законы так или иначе присутствуют...

А мысль, тем не менее, идет ложным, непредметным путем...

Трудность со скачками у Марра в языке. Объясняют этот закон как утерявший всеобщность... «Где его можно, а где нельзя применять»

Очевидно, это не так...

И дело все в том, что в своей всеобщности он безразличен и к истинности и к заблуждению. А безразличен лишь тогда, когда рассм[атривается] как нормативный закон мышления...???

Философское пустозвонство – пр. переход кол[ичества] в качество.

И это всегда, когда в теориях, подл[ежащих] ф[илософскому] рассмотрению, видят только подтверждение общих законов бытия и мышления.

Выясняется тут т[аким] о[бразом] отношение теории и общепhilosophических требований, законов, причем иллюзорно этим законам приписывается онтологическое значение. Отсюда и иллюзия.

Что стоит показать соответствие данной теории чертам диалектики, как ее истинность тем самым доказана.

Тогда как дело совсем обратно. Соответствие этой теории нужно устанавливать не между нею и абстрактными общими законами, а движение мысли в предмете, предметность теории...

Эту вещь выяснить важно.

Из неверного понимания соотношения философии и положит[ельных] наук, бесспорно, происходят все казусы с философской «помощью» ест[ественно]-научному фронту.

Сталин уже несколько раз показывал конкретный пример действительно-плодотворной помощи – политэкономии, биологии, языкознанию. Очевидно, из анализа этих сталинских работ можно вывести то четкое и определенное понимание соотношения философии марксизма и конкретно-положительных наук, из которого сам Сталин исходит в тех случаях, когда он вмешивается в ход дискуссий и придает методологически правильное направление их ходу...

Мы много и с удовольствием поем панегирики его мудрости, но очень мало пытаемся выяснить, какие общезначимые методологические основы лежат в выступлениях Сталина, какое общезначимое понимание прав, компетенций, возможностей специфически философской помощи содержится в этих выступлениях... Очевидно, необходимо для этого выяснить те моменты сталин-

ской критики, которые имеют значение только в данном конкретном случае, и те моменты, которые сохраняются в качестве общеметодологических основ этой конкретной практики...

Место и роль философии в системе положительного знания.

Все согласны с тем, что философия марксизма имеет значение исключительно как метод, проникающий положит[ельные] науки. Но вся трудность состоит именно в том, чтобы внятно и конкретно растолковать, как же понять, раскрыть эту общую характеристику...

Мы, разумеется, не можем трактовать это т[аким] о[бразом], что метод есть некая сумма принципов, имеющая априор'ное значение для всякого конкретного исследования, как понимала деборинская школа, как безотносительный к к[онкретному] мат[ериалу] аппарат познания...

Мы понимаем, что под Методом следует разумеать движение мышления в материале согласно закономерностям этого материала, ибо действительно познающее мышление всегда предметно; т[аким] о[бразом] получается определение метода как «снятой» теории... Мы поэтому понимаем, что метод всегда изменяется, всегда модифицируется в зависимости от материала, в котором движется мысль.

Но тут имеется тоже не менее однобокая трактовка, состоящая в том, что отрицается возможность сказать что-либо о диал[ектическом] методе вообще. Отрицается практически всеобщность закономерностей познающего мышления...

С такими трактовками встречаешься часто, особенно в форме возражений против попыток выяснить методологическую суть какого-либо конкретного марксистского первоисточника, против попыток вычленить чисто философскую проблематику, т. е. некоторые общие мето-

дологические принципы, которые могут иметь значение, относительно независимое от того материала, в котором они непосредственно высказаны, «сняты», выражаясь гегелевским языком, и которые поэтому могут быть применены к другому материалу в качестве некоторых принципов познающего мышления, имеющих нормативный, а поэтому, в некотором роде, аргюг'ный характер по отношению не к познанию, конечно, вообще, а только к данному конкретному исследованию.

При таких попытках сразу же тебе приписывают деборинские намерения, квалифицируют это как попытку превратить живой, развивающийся метод в застывшую аргюг'ную чистую «методологию», которая будто бы может существовать в качестве вычлененной, рафинированно чистой Логики с большой буквы...

Признать какой бы то ни было относительно-нормативный характер общих черт метода – считается абсолютно недопустимым, сползанием в деборинщину и пр[очее]...

Поэтому, в силу боязни таких обвинений, авторы всегда избегают дать хоть какую-либо внятную расшифровку общих определений роли философии как метода в системе положит[ельного] знания.

Разъяснение идет по принципу – и так, и эдак, а в целом и не так, и не эдак...

Мне думается, что в характеристике метода должны быть четко усмотрены две стороны.

С одной стороны, то обстоятельство, что наш метод является суммой закономерностей, которые мы с точностью можем констатировать в теоретическом мышлении на данной современной ступени его развития, закономерностей, в русле которых двигалось мышление всякий раз, когда оно действительно являлось познающим, предметным.

С другой стороны, следует полностью учесть тот факт, что эти закономерности, как закономерности всякого живого процесса, не являются от века данными и застывшими, а вместе с развитием познания далее также усложняются, конкретизируются, и поэтому не могут быть зафиксированы как абсолютно-истинные, априорные принципы, коим мышление должно будет подчиняться всегда вплоть до страшного суда.

Деборинская школа абсолютизировала момент относительной нормативности общих закономерностей диалектики, и пыталась построить систему неизменных приемов теорет[ического] мышления, оставаясь в кругу чисто спекулятивного их рассмотрения, вне всякой связи с исследованием живого теоретического предметного познания, вне связи с новой ступенью практики, и тем самым догматизировала общие принципы диалектического метода и практически старалась зафиксировать теорет[ическое] мышление на той ступени его развития, которая была в общем характерна для эпохи Гегеля... Это, конечно, тенденция не только консервативная, но и реакционная...

Мне, однако, представляется, что боязнь впасть в деборинскую трактовку имела и имеет до сих пор также и отрицательный результат. Мы часто боимся подчеркнуть, что поскольку современный этап развития теорет[ического] мышления обнаруживает некоторую сумму общих закономерностей, постольку эти закономерности могут быть вычленены и рационально сформулированы. И в таком вычлененном виде могут иметь относительно нормативный характер для частных случаев, для движения мысли в конкретном материале, могут служить исходными принципами для мышления, направляющегося на новый, еще не познанный материал...

Другое дело, что эти принципы, эти закономерности, характерные для нынешнего этапа теорет[ического]

мышления, не должны превращаться в шоры, в категорические границы дальнейшего движения мысли. Нет – если материал убеждает исследователя, что некоторые закономерности, до сих пор считавшиеся *sine qua non* познающего мышления, материал заставляет несколько пересмотреть, расширить, уточнить – то это – вполне закономерное и правомерное явление. Диалектика как метод изменяется и развивается вместе с развитием теоретического мышления, кото...¹

Философский анализ данной теории не может быть сведен ни к чему иному, как к выяснению – движется ли в данном случае познающая мысль в русле тех законов, которые всегда обнаруживало мышление в тех случаях, когда оно было действительно познающим, предметным, т.е. приближалось к об[ъективной] истине – или же, напротив, оно явно идет по неверной дороге...

Мне думается, что ленинская мысль о том, что под философ[ским] обоснованием данной теории мы не можем разумеать ничего иного, кроме сопоставления этой теории с точно установленными данными других теорий, или же с опытом ее практического применения...

И в том и в другом случае дело идет не в отыскании соответствия или несоответствия с общими, абстрактными философскими соображениями (а именно так и приходится считать, коли под законами философии понимать «общие законы бытия»), а в отыскании соответствия данного, конкретного хода исследования с материалом, который до сих пор не раскрыт в его конкретности, и поэтому с неизвестным, с X. Поэтому мы не можем сравнивать данную теорию с предметом как таковым – это была бы старая философская претензия на обладание априорным

¹ Здесь текст обрывается.

знанием предмета, а только /делать/ сопоставление движения данной конкретной теории – и законов движения всей познающей мысли в целом...

Мы исходим из той аксиомы, что положит[ельное], конкретное знание получается только путем полож[ительного] познания, и что, след[овательно], данная теория не может быть сравнена, сопоставлена с «об[ъективной] истиной» как таковой, во всей ее конкретности.

Истина есть процесс, а не метафизически данная, застывшая величина¹.

Поэтому-то чтобы определить – истиной или заблуждением является данная теория, мы должны проследить закономерности процесса (познания), чтобы установить их идентичность или не идентичность с теми законами, которые всегда обнаруживает мышление, познание при своем действительном применении к объекту, к предмету...

Противоп[оложная] т[очка] з[рения] дает в лучшем случае «подтверждение» уже открытых общих законов. Только она их онтологизирует².

* * *

Своей концепции я выдвигать не собираюсь. В лучшем случае я стремлюсь к одному только – дать четкое и внятное толкование тем высказываниям классиков, кот[орые] этому вопросу непосредственно посвящены.

Я думаю, что по вопросу о предмете философии, о круге ее вопросов, о границе ее компетенции классики дали совершенно определенный и категорический ответ.

Всегда, когда Маркс или Энгельс, Ленин или Сталин говорят о месте философии в системе всех наших знаний

¹ Эта фраза на полях подчеркнута, написано «Ленин».

² На полях эта фраза подчеркнута, помечена NB.

о мире, они исходят в первую очередь из того факта, что наша диал[ектико]-мат[ериалистическая] философия коренным, кач[ественным] образом отличается от всякой иной философии, всегда этот вопрос рассматривается под углом зрения рев[олюционного] переворота.

Наиболее прямые, категорические указания относительно рев[олюционного] переворота в понимании предмета философии содержатся в произведениях Энгельса и Ленина. Я имею в виду «Диал[ектику] природы», «Людвига Фейербаха», а также те работы Ленина, в которых он столь же категорически присоединяется к положениям Энгельса – работа «К[арл] Маркс», которая, кстати, и цитируется Ждановым как основополагающая.

Эти места я выделяю в первую очередь потому, что в них речь идет именно о предмете м[арксистской] философии в самом строгом и определенном смысле.

(Эти известные места дают определенный, не допускающий абсолютно каких бы то ни было различных толкований, ответ на вопрос – что есть предмет философии?)

– «Мат[ериали]зм... не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоят[ельное] существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – форм[альная] логика и диалектика. Все остальное входит в полож[ительную] науку о природе и обществе». (Анти-Дюринг, Общие замечания, т. 20, с. 25).

Здесь Энгельс категорически заявляет, что рев[олюционный] переворот в понимании предмета философии состоит в том, что философия, поскольку она еще сохраняет какое-либо право на существование, ограничивает

круг своего внимания закономерностями мышления. Как раз в этом, в отрицании за философией права решать какие-либо другие вопросы, и состоит рев[олюционный]переворот... Философия имеет право на самост[оятельное] существование в ряду других наук лишь постольку, поскольку она сама приобретает характер полож[ительной] науки о совершенно определенном круге закономерностей, а именно – закономерностей мышления.

Именно это место из Анти-Дюринга приводит в работе «К[арл] Маркс» Ленин и приводит именно там, где речь идет о специфическом предмете философии и о месте и роли философии марксизма в ряду остальных наук.

Это же место напоминает философ[скому] фронту и Жданов, чтобы определить предмет истории философии (В[опросы] ф[илософии], № 1, с. 257).

Не случайным и оторванным от других высказываний это определение предмета философии остается и у самого Энгельса. В «Л[юдвиге] Ф[ейербахе]» он еще раз повторяет эту мысль почти в тех же самых выражениях, и опять-таки в связи с определением рев[олюционного] переворота в понимании предмета философии:

«За философией, изгнанной из природы и из истории, остается т[аким] о[бразом] еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» (т. 21, с. 316).

Здесь второй раз категорически утверждается, что философия не может искать свой предмет в кругу тех вопросов, которые уже разобраны полож[ительными] науками, и не имеет никакого права пытаться решить те вопросы, которые м[огут] б[ыть] решены только самими науками.

Здесь обычно выдвигают одно возражение – о т[ак] н[азываемом] мировоззренческом значении филосо-

фии. Это толкование четко высказано в книге Светлова и Ойзермана, и я поэтому хочу вступить в полемику именно с ними.

Там сказано, что необходимость философии заключается в том, что положительные науки движутся в познании природы аналитическим путем, расчлняя природу на отдельные формы движения. Поэтому, де, и появляется необходимость в создании кроме полож[ительных] наук еще одной, которая вновь синтетически воссоздаст из расчлененных знаний т[ак] н[азываемую] общую картину мира, мир в его наиболее общих связях.

Предметом философии поэтому оказывается – цитирую – «Мир в целом, мир в его мат[ериальном] единстве, в его движении и изменении» (с. 88).

Мне думается, что это определение предмета философии находится в состоянии прямой полемики с тем пониманием, которое в Л[юдвиге] Ф[ейербахе] и А[нти]-Д[юринге] высказывает Энгельс.

Энгельс доказывает как раз обратное. По Энгельсу именно эта претензия философии на создание своей картины мира как связного целого – и является претензией на место «науки наук».

Всякая претензия философии на формулирование общих контуров мира, всякая попытка нарисовать какую-либо другую общую картину мира, кроме той, которую открывают сами положит[ельные] науки – означала бы попытку создать науку, стоящую над прочими науками, претендующую на обладание самой глубокой, самой общей сущностью мира...

Такое понимание предмета философии, как наиболее общих законов бытия, Энгельс как раз и отвергает, и именно этому пониманию противопоставляет свое, как закономерностей познающего мышления... Никакой общей «системы природы», кроме той, которую уже дает вся

совокупность полож[ительных] наук, никакой натурфилософии – вот за это воюет Энгельс...

Возражают обычно, что наша философия есть не только метод, но и мировоззрение, и поэтому, де, наша философия обязана все-таки формулировать общемировоззренческий взгляд на мир.

Да, наша философия есть также и единств[енно] научное мировоззрение. Но вовсе не в том смысле, что монополю берет на себя смелость отвечать на вопрос – что такое мир.

Ответ на этот вопрос дает только вся совокупность наших знаний. Философия же формулирует только общие условия, при соблюдении которых только и м[ожет] б[ыть] достигнуто подлинное, положительное познание мира...

Именно таким пониманием роли философии проникнута вся ленинская книга «Мат[ериализм] и эмп[ириокритицизм]».

Недаром Ленин проводит четкое разграничение между физическим и философским понятием «материи».

Вся суть ленинской аргументации направлена на доказательство того факта, что все философские категории – материя, время, причинность и т. д. имеют гносеологический и только гносеологический смысл, и что всякая попытка приписать философии претензию на какое-либо познание этой материи сверх того, что дает физика – сейчас же приводит к путанице и в конечном счете – к идеализму.

Стоит приписать философским категориям какой-либо иной смысл, кроме гносеологического – как сейчас же эти категории перестают быть категориями философскими...

У Ленина мы таким образом находим чрезвычайно четкое и определенное разграничение вопросов, подле-

жащих философскому разрешению, от вопросов, которые может решить только положит[ельное] исследование...

И мне кажется, что Ленинское понимание того круга вопросов, на разрешение которых философия имеет реальное право, – полностью совпадает с формулировкой Энгельса о предмете философии.

Когда философия и какая-либо полож[ительная] наука рассматривают один и тот же объект, то компетенция философии не выходит за пределы общегносеологической постановки вопроса.

Философия не отвечает на вопрос – каков предмет сам по себе – она только корректирует движение познающего мышления.

Надо признать, что только такое понимание философии как науки о закономерностях действительно познающего, предметного мышления, и может дать четкое разграничение философского и положит[ельного] моментов в познании.

Если же стать на другую т[очку] з[рения], что предметом философии являются «общие» закономерности в отличие от «специфических» законов, которые являются, де, предметом положит[ельного] знания, то не говоря уже о том, что тайком у положит[ельных] наук отбирается право на мировоззренческое значение своих выводов, появляется еще одна совершенно практически неразрешимая трудность – где критерий различения т[ак] н[азываемых] «общих» законов от частных? Тут опять получается полнейший произвол и неопределенность... Тут, конечно, появляются безграничные возможности для диалект[ической] игры, для отыскивания взаимопереходов от общего к частному – но все это как небо от земли далеко от четкой постановки вопроса.

Сколько я ни слышал попыток объяснить предмет философии с этой т[очки] з[рения], все сводится в

к[онечном счете] к рассуждениям по принципу – предмет философии и предмет познания вообще, с одной стороны, то же самое, с другой – не то же самое, и так и едак, а в целом – и не так и не едак...

И это необходимо получается, поскольку вопрос пытаются решить, не выходя за пределы самых абстрактных формулировок...

Я думаю, что философия марксизма есть учение о закономерностях познающего мышления. Постольку в силе остается и более абстрактное определение ее как науки о наиб[олее] общих законах бытия – ибо законы познающего мышления в принципе не могут противоречить законам природы и общества, поскольку мышление остается объективным, предметным.

Постольку философия имеет и мировоззренческое значение, ибо в законах познающего мышления отражается объективная диалектика, закономерности, имеющие универсальное значение.

Я думаю, что мировоззрением философия является только потому, что она представляет собою метод научного постижения мира, а не наоборот, не потому она является методом, что сначала выступает как мировоззрение...

Она – сначала метод, а потом, и вследствие этого, проникая во все остальные науки, направляя их развитие, оплодотворяя их, она является и мировоззрением.

Методологически правильнее ставить вопрос так. Так, кстати, и Сталин ставил.

Такая постановка вопроса мне представляется единственно оправданной по след[ующей] причине: Павлов говорил, что действительно объективный смысл имеют только такие общие выводы, такие общие определения, которые способны четко и определенно наметить пути дальнейшего конкретного исследования, и никакой другой роли играть не могут.

Исходя из этого я полагаю, что из двух определений предмета философии нужно выбирать то, которое конкретнее формулирует направление дальнейшей работы.

Определить предмет философии как наиб[олее] общ[ие] законы бытия – это значит быть философом, хотя и правильное, но настолько общее и абстрактное направление поисков, что практически ведет, и уже привело, к полнейшей неопределенности этого направления.

Я не хочу, чтобы тут поняли, что я введу чисто прагматическое понимание роли общего определения. Мне думается, что эта идея Павлова целиком совпадает с ленинским пониманием истины как процесса.

Любое определение – не что иное, как узловой пункт развития истины, но не она сама.

Мне думается, что следует принять как самое ближайшее, как самое конкретное определение предмета философии определение Энгельса, Ленина, Жданова – ибо оно сразу указывает четкое направление дальнейшего исследования.

Определение же предмета философии как наиболее общих закономерностей такого четкого направления не дает еще, что ничуть не отрицает его абстрактной правильности.

Более конкретное определение более общему не противоречит. Но если принять наоборот, первое как более конкретное и точное, то 2-е придется отбросить, как слишком узкое и неправильное. А отбрасывать его нельзя.

Теперь к вопросам:

1) Изменение круга вопросов.

– сужение, отпочкование. Чем дальше, тем меньше вопросов остается под эгидой философии, пока это сужение, это отпочкование не достигает своего разумного предела.

– пока философия не передает всего круга вопросов положит[ельным] наукам, не распределяет свой матери-

ал между ними, оставляя за собой только один вопрос – исследование законом[ерностей] позн[ающего] м[ышления], тем самым приобретая характер положительной науки, и отбрасывая в сторону все спекулятивные рассуждения относит[ельно] тех вопросов, решение которых – дело полож[ительного] знания.

Процесс сужения круга специф[ически] философских вопросов вокруг теоретико-познават[ельной] проблематики, вокруг законом[ерностей] познающего мышления – процесс, конечно, не ровный, не эволюционный, а весьма противоречивый.

(Но это-то и интересно вскрыть в истории философии; тут и различное отношение мат[ериализма] и ид[еализма] к процессу отпочкования, и стремление идеализма подмять под себя все полож[ительное] знание, но в то же время такой факт, что тот же идеализм – взять Гегеля – развитием наук также вынуждался суживать фактически свой круг вопросов вокруг теории познания).

2) Рев[олюция] внутри осн[овного] вопроса.

Именно здесь, а не «и так же здесь» – революц[ионный] переворот.

– Какие еще вопросы, кроме основного, решала философия?

Массу вопросов. Чисто философским вопросом был любой вопрос, за разрешение которого наука не умела взяться положит[ельным] образом. Вопрос о душе вообще, о прогрессе вообще и т. д. Это Ленин прекрасно показывает в «Что такое друзья народа...»

– Логическое заполнение пробелов познания. С тех пор как наука получает возможность решить тот или иной вопрос на его реальной, а не умозрительной почве, он и перестает быть «философским».

И заслуга М[аркса] и Э[нгельса], /совершивших/ рев[олюционный] переворот в философии, в том и со-

стоит, что они раз и навсегда отвергли «философский», умозрит[ельный], спекулятивный способ решения каких-либо вопросов. Это и есть конец старой философии.

Философия сохраняется лишь постольку, поскольку сама обретает характер положит[ельной] науки о совершенно определенных закономерностях, науки, имеющей свой четко ограниченный предмет познания – зак[оны] самого мышления, гносеологию, теорию познания, логику, диалектику...

Основным ее вопросом остается вопрос о соотношении познающего мышления и объекта познания – материи мира, объективных законов этого мира, но ставится и решается этот вопрос опять-таки принцип[иально] отличным от старой философии образом, и это отличие, коренное, кач[ественное] отличие состоит в первую очередь в том, что в теорию познания, в решение о[сновного] в[опроса] вводится рев[олюционная] практика как основа, критерий и цель познания, движения позн[ающего] мышления.

Тут могут возразить, что такое понимание близко к гегелевскому. Мол, и он суживал круг вопросов вокруг законов мышления, духа...

Но это, во-первых, не так. Гегель не только не суживал предмет т[аким] о[бразом], а наоборот, расширял его до вселенских пределов, и пытался решать вопросы полож[ительного] знания за науки и вопреки им, и как раз в этом – реакц[ионная] сторона его философии.

А во-вторых, если Гегель сделал что-то прогрессивное для развития философии, так это лишь постольку и там, поскольку и где он обращался к исследованию действительных законов мышления.

И как раз эту рев[олюционную] сторону учения Гегеля и воспринял, и развил марксизм, так что если Гегель сделал для философии что-то, действительно со-

ставившее шаг вперед именно там, где он рассматривал законы мышления, хотя и мистифицировав его предварительно, сделав его фактически беспредметным, то это указывает только на тот факт, что эта сторона, это ядро, действ[ительно] плодотворный момент в его философии – и является подлинным предметом философии, который Гегель угадал, но сам же и мистифицировал.

А там, где Гегель брался за натурфилософию, за философию истории – там он везде городил схемы, конструкции, не имеющие никакого значения для подлинного развития философии¹.

Слабым пунктом оказалось у нас след[ующее]:

1) Не выяснили значения философии как мировоззрения.

2) «...Диалектика включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией».

3) Не доказали, что одна из наук может-таки брать предметом не мир как таковой, а человеческую деятельность...

Богданов полагал, что предмет всего познания есть «практика», и ни в коем случае не объект, предмет этой практики. Но одна наука может и должна брать предметом чел[овеческую] д[еятельность] и ее результаты.

В противном случае все-таки получается претензия ф[илософии] стать над науками, и дать ответ на вопрос, кот[орый] подлежит компетенции только познания вообще...

¹ На этом заканчивается связный текст. Дальше – страницы заметок, видимо, по поводу выступления Ойзермана, во всяком случае сверху стоит: «Ойзерман».

А важно другое – выяснить действ[ительную] роль «философии» в процессе познания в целом.

Думается, что боязнь сделать специф[ической] н[ашей] ф[илософии] деятельность человека и ее закономерности – боязнь того же рода, как марровская боязнь «формализма»¹.

Вопрос переносится вот в какой план:

Философия – метод. Но метод есть закон движения. Чего? – Мысли...

Метод – существенное содержат[ельного] мышления, познающего мышления.

Возражение – метод? – да. Но – и мировоззрение, система взглядов, система – есть развернутый метод. (метод есть ведь закон системы)

Система: по нашему мнению – положит[ельного] знания. Метод развертывает себя в систему полож[ительного] знания и никак иначе.

Вот тут и спор.

Развертывает себя метод в систему положит[ельного] знания или в систему абстрактных определений этого метода?

Т. е. метод в своем развернутом виде дает совокупность полож[ительных] знаний о мире, или, кроме того, еще систему самих абстрактных определений мира, безразличных и равнодушных по отношению к конкретному?

Система определений мира как целого есть требование создать большую Логiku, логику безразличных определений сущности законов мира, законов природы, общ[ества] и м[ышления] – систему законов законов, сущности сущностей – это гегелевское понимание и явная нелепица.

¹ Далее следует новый большой связный текст.

Попробуем реализовать сие требование, изложить систему закономерностей, равно общих для п[рироды], о[бщества] и м[ышления], и, след[овательно], безразличных по отношению к каждой из этих 3-х форм движения.

– Четыре черты диалектики.

– Каждая из них м[ожет] б[ыть] развернута как система категорий – причинность, необходимость, возможность, действительность, следствие, закон, свойство, качество, количество, тождество, различие, противоп[оложность], противоречие, скачок, явление, сущность...

Гегель!!!

И это – система онтологических связей!!! Законов самого бытия! Притом – самых существенных, самых общих! Самых универсальных!

Большая Логика...

Сталин же рассматривает иначе – черты диалектики у него как общие абстрактные характеристики познающего мышления.

Кроме того, понять систему общих законов как последнюю сущность, это значит объявить, что положит[ельное] познание мира недостаточно, неполноценно.

После того как науки выяснили наиболее общие закономерности тех форм движения, коими они занимаются, должна явиться еще философия, которая путем анализа выявит более глубокую сущность, нежели та, которую способно выявить положит[ельное] знание.

Это значит, что за положит[ельным] знанием отрицается право на познание сущности последнего порядка, этим заявляется, что сия задача не решается полож[ительным] знанием, что философия, и только она, способна открыть человечеству подлинную сущность мира...

Скажем, полож[ительная] наука вскрыла всеобщий для природы закон сохранения и превращения энергии.

Приходит философ и заявляет – это, де, еще не окончательная форма всеобщности – нужно еще вскрыть всеобщее более широкое, сущность более глубокую...

И так – в отношении всех наук. Философия должна т[аким] о[бразом] объявить познание мира неполноценным до тех пор, пока она и только она не возведет эти всеобщие законы в некую еще более высокую форму всеобщности, не построит систему этих «наиболее всеобщих законов», систему, возвышающуюся над всеми полож[ительными] науками.

Ничего кроме и не могут заключать в себе требования рассматривать законы философские как последнюю сущность, как закон законов, если трактовать их онтологически.

* * *

Метод не существует вне его применения. К чему? К полож[ительному] материалу, очевидно... Только в нем он может развернуться в систему. А это и значит, что отпадает всякая нужда в создании еще одной системы, которая не может быть ничем иным, кроме с[истемы] абстрактных определений метода.

Превратить сумму абстрактных определений метода в онтологическую сущность мира – это и сделал уже некий Гегель...

Развернуть метод в его имманентных определениях, не обращивая его плотью – можно? Да. Но памятуя при этом, что это не более как логика мышления, а не онтологическая сущность мира.

В противном случае метод онтологизируется, вырастая в систему гегелевского характера, в систему, стоящую над совокупностью полож[ительного] знания, которое объявляется нефилософским, не доходящим до конца.

Это значит, что наука и не должна доискиваться мировоззренческого смысла своих законов, не может ухватить эти законы в их подлинной всеобщности, не м[ожет] внутри себя быть также и мировоззрением, ибо мировоззренческая сторона выносится во вне и фиксируется философией в виде системы наиболее общих связей.

Мнение о том, что метод непосредственно является и мировоззрением, по-моему, глубоко ошибочно.

Метод становится мировоззрением только в форме его развертывания в положит[ельном] материале, в системе полож[ительных] знаний о мире, а не в форме развертывания своих абстрактных определений как Большой логики.

Проникая, пронизывая полож[ительные] н[ауки], метод становится мировоззрением лишь по мере того, как делает мировоззрением сами же полож[ительные] науки, философско-теорет[ической] основой которых он становится...

Иначе – сумма абстрактных, нереализованных в конкр[етном] мат[ериале] определений его выдается за готовое мировоззрение, коему науки д[олжны] подчиняться, прикладываться, т. е. отношение получается то же, что у Гегеля – полож[ительные] науки становятся в отношении соответствия или несоответствия системе логики, системе определений метода, развернутых если и в полож[ительной] сфере, то только в сфере его имманентных абстрактных определений.

Вопрос ставится т[аким] о[бразом], что науки д[олжны] соответствовать готовой системе, развертываться где-то помимо их, в своей соб[ственной] имм[анентной] сфере.

* * *

Формулу Энгельса раскрывают иногда так:

диамат = сумме наиболее общих законов природы

истмат = общества

логика-диалектика = мышления.

Философия, т[аким] о[бразом], распадается на 3 части...

Кроме того, очевидно, д[олжен] б[ыть] еще один раздел, трактующий о законах равно действительных для всех этих трех форм, и одинаково безразличных к их особенному... – напр[имер] 4 черты.

Этот последний раздел вырастает в к[онце] к[онцов] в Большую логику...

Трудности из такого подхода:

неясно, какие же всеобщие законы природы относятся к философским. Закон сохр[анения] энергии? Тяжести? Времени и пространства?

А общества? Базиса и надстройки? Классовой борьбы? Производства – законы социологии?

Мышления? Совершенно неясно.

Критерия нет.

Теперь /возьмем/ ойзермановскую концепцию. Это – гегелевская трактовка. Философия как «мировоззрение», понимаемая как развернутая система абстрактн[ых] определений метода.

Тогда как метод м[ожет] б[ыть] развернут только в одну систему – систему полож[ительных] знаний, и только в этой форме имеет значение мировоззрения.

Он сущ[ествует] только в применении.

Иначе – чистая методология в деборинском стиле.

«Наиболее общие связи»... Наука о них. Как раз такая наука и есть претензия натурфилософии как науки о последней сущности.

Могут спросить – зачем с такой настойчивостью подчеркивать относительную специфику философии и ее

предмета? Не хотят ли авторы этим сказать, что философский фронт занимается не своим делом, когда берется разрешать актуальные проблемы соц[иалистического] строительства, этики, политики, если «философский» круг вопросов ограничен только теорией познания?

Напротив, мы полагаем, что связь философии, понимаемой как метод, с политикой, понимаемой как вполне положительная наука о закономерностях классовой борьбы – совершенно необходима как в интересах политики, так и в интересах философии.

Это само собой вытекает из вышеизложенного понимания метода как закономерности предметного, содержательного мышления, а не как априорного аппарата познания, безразличного к своему материалу.

Мы исходим из убеждения, что познающее мышление только в том случае может обнаруживать в своем движении действительно объективные, предметные закономерности, которые мы и разумеем под методом, если оно развивается в материале...

С другой стороны, ни одна актуальная проблема современности не может быть поставлена и решена правильно, если исследователь не кладет в основу ее исследования правильный метод в том его виде, в каком он уже разработан классиками, если исследователь, прежде чем приступить к конкретному анализу, не выяснит детально философско-теоретические основы марксистского анализа...

Тут, т[аким] о[бразом] – 2 неразрывно связанные между собою задачи:

1. Выяснение тех методологических принципов, тех философско-теоретических основ, которыми всегда руководствовались при конкретных исследованиях классики.
2. Применение выясненных т[аким] о[бразом] философских основ, теоретико-познавательных прин-

ципов к новому материалу, ибо только так и можно определить – верно или неверно мы поняли метод классиков. Это – и есть проверка теории познания практикой (ибо практика теоретика – теоретична) (– Марксов «Капитал» – практ[ически] док[азанная] верность его мат[ериалистического] п[онимания] и[стории]).

Мы не хотим сказать, что практика философии может состоять в применении метода только к политике. Нет. И к естествознанию, конечно, тоже.

Мы за тесную органическую связь философии с политикой и ест[ественными] науками.

Но мы полагаем, что эта связь не тождественна с перепутыванием, с невозможностью отличить чисто философскую проблематику от политической.

Недостаточно сказать громкую и внешне правверную фразу о «связи философии с политикой» – надо ясно представлять себе всю сложность этой связи, этого единства, включающего в себя также и различие. Связь м[ожет] б[ыть] правильно уяснена лишь в том случае, если четко понять – чего с чем?

Как раз об этом и забывают любители звонкой фразы – а на практике это приводит к неумению решать проблемы политики, как вполне точной науки, никаким другим способом кроме «философского» в дурном смысле этого слова, приводит, с другой стороны, к левацкому политизированию проблем гносеологии, когда в проблеме, скажем, абстрактного и конкретного видят только метафорическую форму выражения классовых интересов в духе Богданова и Енчмена...

Мы за тесную, органическую связь политики и философии, но за такую ее связь, когда она плодотворна как для политики, так и для философии, когда политические вопросы решаются конкретно, на политической же почве,

с помощью четких и правильных философско-теоретических установок, основ, которые сами в процессе этого применения шлифуются, оттачиваются, обогащаются.

Но для этого нужно четко и ясно представлять себе и относительную специфику философской, теоретико-познав[ательной] проблематики – /ее отличие/ от политической и всякой иной.

Только в этом случае связь философии и политики, философии и естествознания будет плодотворной как для политики, так и для философии, как для естествознания, так и для философии... Только так и можно произвести на свет что-либо, кроме громкой, но бесплодной фразы о недопустимости «отрывать философию от политики»...

Еще раз подчеркнем, что органическая связь философии с политикой – это далеко не одно и то же, что перепутывание политики с философией, а применение философии как метода, как теоретико-познават[ельных] основ к политике – не тождественно требованию решать политические вопросы с помощью глубокомысленных «философских» фраз.

Политика с нашей т[очки] з[рения] – это область действия совершенно конкретных закономерностей, которые и д[олжны] б[ыть] исследованы на их же почве, а не в области «философии». И это относится ко всякой иной области природы и общества. А философия становится при таком понимании совершенно невозможной ни в каком ином смысле, кроме метода.

Забвение философии как метода и приводит подчас к тому, что «философский анализ» какой-либо конкретной теории сводится к тому, что в ней видят только задним числом полученное «подтверждение» уже давно известных законов диалектики...

История с Марром, на наш взгляд, должна заставить нас задуматься над тем, что «соответствие» теории четы-

рем чертам диалектики – еще не есть гарантия правильности этой теории.

Теория Марра, как показал т[оварищ] Сталин, чересчур усердно стремится соответствовать законам диалектики, закону скачков – настолько рьяно, что в жертву приносится соответствие своему собственному предмету...

И тут может выясниться правильность или вздорность теории только методологический ее анализ, т. е. такой анализ, который выясняет соответствие теории – ее собственному предмету, проверяет ход отражения предмета в теории, то есть гносеологический ее анализ, выяснение тех теоретико-познавательных принципов, которые на деле, а не на словах, обнаруживает автор при своем движении в материале.

Тов. Сталин именно это и показывает – Марр предстает как теоретик, механически переносивший законы политики на языковую проблематику, как теоретик, пожелавший чисто «философски» (в дурном смысле слова), путем априорного отождествления языка с надстройкой, с категорией, содержания которой он также не понял, разрешить конкретную проблему.

В силу этого мы и полагаем совершенно необходимым четко определить круг вопросов, подлежащих чисто философскому исследованию, во избежание голословного перепутывания философии с политикой. И это – в целях разумного, научного, а не фразеологического выяснения подлинной природы органической связи философии и политики, философии и естествознания...

В противном случае дело не остается безнаказанным ни для философии, ни для самой политики.

Политика превращается в политиканство, если не кладет в основу четких философских установок, философия превращается в беспредметное философствование...

Из демагогии о «связи философии с политикой» без четкого научного выяснения, в чем эта связь выражается, получается вместо философии – политиканство в философии, а обоснование и подлинное решение актуальных политических задач подменяется туманным философствованием о проблемах вроде относит[ельной] сам[остоятельности] политики.

– Политиканство в философии или философия политиканства...

– Взаимное растворение, одинаково бесплодное и для философии, и для политики – претензия решить вопросы конкретной политики абстрактным философствованием (вроде проблемы относ[ительной] сам[остоятельности] политики и прочих надстроек), а вопросы философии – политиканством в философии...

Боязнь сделать предметом философии мышление – боязнь того же сорта, что боязнь объявить истину – отражением.

Ибо – речь идет о предмете исследования. Нет сомнений, что философия, поставленная перед требованием изучить «мир как целое», оказывается перед весьма неопределенной задачей – практически же философия исследует процесс мышления, и в нем видит отражение наиболее общих законов бытия, а не в бытии непосредственно...

То есть практически философия занимается исследованием данных полож[ительных] наук, их она обобщает, то есть реально практически – она делает предметом своего непоср[едственного] исследования только мышление, его результаты, а не сам мир как таковой...

Тут сразу же подсовывают: как, значит философия не имеет дело с чем-то объективным? – Напротив: само мышление, если оно правильно познает мир, обнаруживает в своем развитии объективный закон – и в этом смыс-

ле, конечно, философия вскрывает также и объективный закон действительности, т[ак] н[азываемые] – наиболее общие связи... природы, общества и самого мышления.

Но ведь речь-то не о том!

Ведь речь идет о предмете, который философия как наука должна непосредственно исследовать, о специфическом предмете, из которого она получает знание всеобщего закона...

Разве химия не открывает в пределах своего предмета хим[ические] формы движения – также всеобщий закон – закон связи явлений, закон соотношения колич[ественных] и кач[ественных] изменений?!

Да, безусловно! Объективная диалектика – в самом общем смысле – предмет всех положит[ельных] наук, ибо познать объективную диалектику = познать мир во всем богатстве его связей и взаимопереходов. В этом смысле об[ъективная] д[иалектика] – предмет познания вообще...

Но никто на том основании, что химия так же, как и любая другая наука, открывает в своих пределах действие универсальных законов бытия, не станет утверждать, что предмет химии – также мир в целом, наиболее общие связи мира.

Нет, предметом непосредственного исследования химии остается все же четкий круг явлений, опред[еленная] форма движения материи, в которой также действуют и универсальные законы, просвечивая сквозь специфику хим[ической] формы движения.

Точно так же и в предмете специф[ического] философского исследования эти законы просвечивают, и вскрыть в мышлении наиболее общие его законы – значит познать тем самым и общие законы бытия.

Но предметом исследования, кругом вопросов, которыми она непоср[едственно] занимается, – остается все же мышление.

И опасаться впасть в субъективизм здесь было бы напрасной и неоправданной боязнью...

Тут возражают иногда, что сделать предметом философии мышление – значит повторить богдановскую трактовку науки как тектологии, значит запретить философии интересоваться самым об[ъективным] миром, и ограничить пределы ее внимания и способность ее проникновения чело[веческой] деятельностью...

Но это возражение само покоится на неверном отождествлении предмета философии и предмета познания вообще¹...

Но если мы предметом философии объявили результат человеческой деятельности, а не самую природу – этим мы отнюдь не сказали, что предметом познания вообще не является об[ъективный] мир.

Если мы отвергаем богдановскую концепцию предмета познания вообще как деятельности и только деятельности без права даже познавать вопрос о независимости от нее мира, то это отнюдь не означает, что одна из наук также не имеет права сделать своим предметом только чело[веческую] деятельность...

Ведь в противном случае мы вынуждены были бы принципиально отрицать такие науки, как политэкономия, как науку о классовой борьбе и т. д. на том основании, что «чело[веческая] деятельность» не м[ожет] служить предметом исследования, а таковым м[ожет] являться только «объективный мир»...

Все познание в целом, разумеется, имеет своим предметом мир таким, каков он есть вне и независимо от человека, от его деятельности и познания.

Но эту задачу решает только познание в целом.

¹ На полях последняя фраза подчеркнута, стоит NB.

Внутри же всей совокупности наук правомерно и такое «разделение труда», когда на долю некоторых из наук достаются отдельные формы челов[еческой] деят[ельности], и ничего сакраментального и запретного в этом нет, если эти науки способствуют тому, что познание в целом открывает нам картину мира в том его виде, в каком он существует вне и независимо от челов[еческой] деятельности.

Политэкономия имеет своим предметом произв[одственные] отношения людей, их производственную деятельность, и никто не будет отрицать ее право на существование на том только основании, что она не интересуется вопросом – каков же «мир» сам по себе, вне и независимо от производств[енной] деятельности людей.. Никто и не подумает обвинять ее в «богдановском» понимании своего предмета, ибо производст[венные] отношения людей – также нечто объективное, хотя и являющееся продуктом, результатом необходимой деятельности людей, субъектов.

Так почему же мы должны отрицать право философии на ограничение предмета своего исследования кругом объективных, необходимых, независимых от субъективного произвола закономерностей, каковыми являются закономерности действительно познающего, предметного мышления?!

Тем более, что это не отрицает, а как [раз], наоборот, подчеркивает, что познание в целом способно и обязано познавать мир таким, каким он является независимо от людского произвола, от субъективно-человеческой окраски?!

Если мы признали, что законом[ерности] познающего мышления имеют объективный, т. е. независимый от человека и человечества характер и значение, поскольку в них действует также вне и независимо от человека су-

существующая природная необходимость, то почему можно сказать, что «предметом философии являются наиболее общие законы бытия», но ни в коем случае нельзя добавить: «постольку, поскольку эти законы действуют в форме мышления»?!

Откуда такая боязнь?

Нам кажется, что эта боязнь того же сорта, которая заставляет некоторых теоретиков заявлять, что «об[ъективной] истиной является сам мир», но не мир, отраженный в сознании, ибо это, де, – «субъективизировать» об[ъективную] истину...

Почему философия должна исследовать «общие законы бытия» в их непосредственно рафинированной форме, но не имеет права исследовать одну из конкретных форм, в которых эти общие законы только и существуют в реальности? Почему нельзя определить предмет исследования философии как науки как «наиболее общие законы бытия, выступающие в форме сознания, мышления»?!

Или, что то же самое, «познающее, содержательное мышление и его объективные, необходимые законы»?! (предметно-обусловленные).

Где тут «субъективизирование» предмета?

Да, философия дает нам понимание наиболее общих законов бытия самого по себе. Но делает и может она это делать лишь постольку, поскольку она исследует их в одной из конкретных форм их проявления – в форме познающего мышления, которое и является предметом специфически философского исследования, предметом ее непосредственного изучения, предметом ее как науки...

И нигде и никогда философия не может брать своим предметом «наиболее общие законы бытия» непосредственно, не изучая конкретных форм их проявления, ибо в чистом виде этих законов нет нигде ни на земле, ни на небе, ни в природе, ни в обществе...

(Думать иначе – значит повторять коренную ошибку Гегеля, который на самом деле исследовал эти законы лишь постольку, поскольку они имелись перед ним в форме законов теоретического мышления, а изображал это т[аким] о[бразом], что они открыты ему во всей их исчерпывающей, рафинированной онтологической чистоте...

И если, с др[угой] стороны, Гегель дал что-либо значительное для понимания действительной, объективной диалектики, то лишь в той мере, покуда он исследовал действительный процесс движения познающей мысли, т. е. когда он, вопреки своей собственной концепции, конкретно исследовал одну из форм проявления об[ъективной] диалектики – диалектику мышления, т. е. покуда он не стремился охватить как предмет, сразу и непосредственно, «мир в целом»...)

* * *

Нам кажется, что боязнь такого рода совершенно излишня.

Диалектика есть наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Да.

Но таковою она становится лишь тогда, когда она не беспредметна, т. е. когда вся совокупность положит[ельных] наук, вооруженная диалект[ическим] методом, вскрывает эти законы во всей их конкретной, предметной полноте. Нет «диалектики» как системы абстрактных определений бытия. Есть совокупность полож[ительных] наук, отражающих объективную диалектику, и есть основные «черты диалект[ического] метода мышления» (Сталин), т. е. – основные законы развития самого познания, одной из конкретных форм об[ъективной] диалектики.

Другие же формы об[ъективной] диалектики – исследует химия, физика, биология, история и т. д.

И нет никакой нужды в науке, которая бы исследовала «диалектику» как таковую, вне ее конкр[етных] форм, которая бы определяла свой предмет как «диалектику вообще», не занимаясь ни одной из конкр[етных] форм ее реального проявления...

Таким образом – предмет философии следует определять не как «законы бытия вообще» – это сразу отождествляет предмет ф[илософии] с предметом познания вообще, а более определенно:

как «объективные законы бытия (природы и общества), выступающие в форме законов мышления», или, иными словами, как

«объективные закономерности мышления, познающего об[ъективный] мир»,

что, очевидно, то же самое.

Кроме диалектики мышления, то есть кроме общих ему с природой и обществом закономерностей, философия включает в свой предмет еще и ту специфически-субъективную форму, в которой эти законы обнаруживаются в мышлении – форм[альную] логику;

ф[ормальная] л[огика] в таком понимании представит как производная от диалектики форма, как ее частный случай, как момент прерывности, относит[ельного] покоя, устойчивости, через ряд последовательных чередований форм которой только и может совершать свое движение диалект[ический] процесс развития мысли...

«Относительно вопроса...»

В архиве Э.В. Ильенкова нашлись три машинописные страницы, озаглавленные «Относительно вопроса о предмете философии как науки». Текст начинается так: «Авторы исходят из...». Авторы – это, конечно, Ильенков и Коровиков. Сейчас трудно однозначно судить о том, когда это было написано – то ли в процессе выработки тезисов (тогда – это их черновик), то ли уже потом – в ходе развернувшейся дискуссии. Обращает на себя внимание следующее: авторы постоянно апеллируют к высказываниям авторитетов – классиков марксизма. Они, без сомнения, могли бы привести и свои, содержательные, логические аргументы, но это было невозможно. Дискуссия строилась по средневековым правилам, здесь принимались всерьез только ссылки на «Св. Писание». Лютер в свое время, основываясь на Писании, разрушил монопольное право Ватикана на Истину. Примерно так же Ильенков и Коровиков, опираясь на авторитет классиков, дали ход свободной, независимой мысли. Впрочем, назовем вещи своими именами. Ильенков и Коровиков осуществили (скорее всего, сами того не сознавая) настоящую Реформацию отечественной философии... Нет, не отечественной (русской), а именно советской. Написали Тезисы – разве что не приколотили их гвоздями к дверям факультета. Наше «Новое Средневековье» корчилось, как могло, используя немалый административный ресурс, однако дни его, как тогда Ильенкову и Коровикову, (а в свое время и нам!) казалось, были сочтены.

*Эвальд Ильенков,
Валентин Коровиков*

ОТНОСИТЕЛЬНО ВОПРОСА О ПРЕДМЕТЕ ФИЛОСОФИИ КАК НАУКИ

Авторы исходят из неоднократных категорических указаний классиков марксизма-ленинизма на этот счет.

Все три основных произведения Энгельса, посвященных философии, пронизаны мыслью о том, что с возникновением диалектического материализма философия прекращает свое существование в качестве «науки наук», в качестве науки об общей связи.

«Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей их связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» (Анти-Дюринг, т. 20, с. 25).

«За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» (Людвиг Фейербах, т. 21, с. 316).

«...когда естествознание и историческая наука впитывают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб – за исключением чистого учения о мышлении –

станет излишним, исчезнет в положительной науке» (Диалектика природы, т. 20, с. 525).

Мы полагаем, что трудно яснее и категоричнее выразить точку зрения классиков марксизма на вопрос о том, что должна исследовать философия, поскольку она является наукой.

Мы полагаем, что толкование философии как «науки о мире в целом», бытующее в нашей литературе, представляет собою прямую ревизию взглядов классиков на вопрос о предмете философии как науки, а старания развивать философию как систему представлений о мире в целом – реакционную попытку возродить давно скончавшуюся натурфилософию и философию истории.

Мы думаем, что понимание философии как науки о мире в целом теоретически неверно, а практически крайне вредно, ибо направляет усилия философов на бесплодные умозрения дурного сорта, дискредитирующие философию диалектического материализма в глазах представителей других наук, а самое философию неизбежно сводящее к сумме примеров, иллюстрирующих давно известные вещи. Что это так – бесспорно доказывает практика наших философов за последние годы.

С другой стороны, необходимость развивать философию диалектического материализма как учение о логическом процессе, как теорию познания мира человеком, диктуется потребностями развития не только самой философии, но и потребностью развития любой современной теоретической науки. Никто не будет спорить, что эту потребность наши философы до сих пор не удовлетворяют. А это приводит к тому, что в ряде наук, где ученые сталкиваются с действительными трудностями теоретического анализа данных, имеют хождение отнюдь не материалистические представления о процессе познания, об отношении научных понятий к объективной реальности.

Очень часто ученый, упершийся в действительные гносеологические трудности, и не находя помощи в трудах наших философов, учится решать их на неокантианский лад. Не секрет, что в современной теоретической физике дело обстоит именно так.

С другой стороны, в ряде областей науки последние годы пыльным цветом расцвел эклектизм. Стоит только взглянуть на то, что делается в нашей эстетике, психологии, педагогике. Теории этих важнейших предметов по существу нет. В чисто методологические трудности уперлась и биология, и физиология В. Н. Д.

Всем современным наукам как воздух требуется четко разработанная теория научного мышления, которая сделала бы любого ученого способным создать диалектико-материалистическую теорию своего предмета.

Именно это обстоятельство и обнажает полнейшую бесплодность стараний некоторых наших философов развивать философию в качестве «науки о мире в целом». Эти старания ничего общественно-полезного в качестве своего продукта дать не могут, и ничего, кроме насмешек и иронии у серьезных ученых вызвать не могут. Благо бы эта ирония адресовалась к авторам книг по философии. Беда в том, что эти авторы выступают от имени философии марксизма-ленинизма, и притом изображают свою точку зрения как единственно верную, единственно соответствующую взглядам классиков марксизма-ленинизма на сущность и предмет философии. А это уже дискредитирует в глазах ученых не только и не столько авторов книг, сколько философию диалектического материализма. А это уже беда.

А дело в том, что эта точка зрения не только не единственно соответствующая, но и в корне противоречащая тем взглядам, которые настойчиво высказывали классики марксизма; а прямо об этом высказывались неоднократно Энгельс и Ленин.

Мы привели выше взгляды Энгельса. Приведем высказывания Ленина¹.

Защитники представления о философии диалектического материализма нигде, ни в одном произведении классиков марксизма-ленинизма не могут найти прямого подтверждения своей точки зрения, а опираются на высказывания о совсем иных вещах, и выводят оттуда косвенно свои доказательства.

Но для этого им приходится, во-первых, объявлять «неточными» весьма многие основополагающие тезисы, а другие произвольно истолковывать, чтобы их можно было использовать в качестве антитезы тем положениям Энгельса и Ленина, которые мы приводили выше.

Защитники представления о философии как науки о «мире в целом» любят приводить положение Энгельса о том, что «диалектика есть наука о наиболее общих законах всякого движения», о «законах, общих природе, обществу и мышлению», полагая, что этот тезис противостоит взаимоисключающим образом представлению о философии как науки о теоретическом мышлении.

Прежде всего неизвестно, согласно какой логике из этих положений следует вывод о том, что предметом философии как науки является «мир в целом», а ни в коем случае не мышление. Согласно логике Челпанова такой вывод сделать можно. Но при одном допущении. А именно – того, что законы мышления есть нечто иное, нежели законы самой объективной реальности, пересаженные в человеческую голову и преобразованные в ней.

Если же признать, что законы логического процесса есть те самые законы, которые выражают всеобщие законы всякого процесса, природного или общественно-исторического, то даже логика Челпанова запретит про-

¹ В оригинале высказывания Ленина не приведены.

тивопоставлять тезис о диалектике как науке о всеобщих законах всякого развития – тезису о том, что предметом философии являются законы мыслящего познания, законы логического процесса.

Тот факт, что диалектика есть наука не только о законах мышления, но столь же и о законах (о всеобщих) развития любого процесса, есть тезис, прямо и непосредственно говорящий о том, что законы логического процесса философия диалектического материализма рассматривает строго материалистически.

Речь тут идет о том, что законы мышления **ТОЖДЕСТВЕННЫ** законам природы по самому своему существу, по природе самого мышления, по природе самого мыслящего, теоретического познания.

Тождественны в сущности, а различны по форме. И единственное различие их по форме состоит в том, что в мышлении они применяются **СОЗНАТЕЛЬНО**, а в природе, и, по большей части и в истории, они осуществляются независимо от какого бы то ни было сознания, в виде слепой необходимости.

Тезис о том, что законы и формы диалектики тождественны в мышлении и в объективной реальности, что диалектика есть наука именно о тех законах, которые общи мышлению с любым природным или общественно-историческим процессом, и есть конкретизация того положения, что философия есть наука о законах мышления.

Это и значит **МАТЕРИАЛИЗМ** в логике, это и значит, что все без исключения законы и формы мысли есть не что иное, как всеобщие законы объективности, усвоенные субъектом, и ставшие законами и формами также и субъективного мира, формами деятельности субъекта теоретического познания.

Те же законы и формы деятельности мозга, которые отличают эту деятельность от любого объективного про-

цесса, являются предметом уже не логики, а психологии, феноменологии, физиологии В.Н.Д. и т. д.

Тем самым если видеть в тезисе о диалектике как науке о всеобщих формах всякого развития антитезис положению о том, что философия есть наука о законах и формах объективного познания, то неизбежным является вывод о том, что ЛОГИКА есть совсем иное, нежели ДИАЛЕКТИКА, что они не суть ТОЖДЕСТВО, как на то указывал Ленин.

Недаром защитники тезиса о том, что диалектика есть наука о мире в целом, а не наука о законах и формах, ТОЖДЕСТВЕННЫХ мышлению с бытием, не наука о законах развития и объекта, и субъекта познания, предмета и его осмысливания, считают «неточным» и ленинский тезис о том, что «Диалектика, логика и теория познания суть одно и то же, не надо трех слов», и что «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма»... А это равно полному непониманию того, что ЛОГИКА есть наука об истине.

Защитники представления о философии как науки о мире в целом никогда не смогут понять ленинские положения о том, что категории материалистической диалектики суть СТУПЕНЬКИ ПОЗНАНИЯ, ступеньки углубления познания мира человеком.

Далее. Если предметом философии является «мир в целом», то у философии оказывается не один, а два, и даже три предмета. А ведь это явная нелепость. Ведь никто не станет отрицать, что процесс мышления, логический процесс ЕСТЬ предмет философии? Значит у философии ДВА предмета? Почему тогда это одна наука, а не ДВЕ НАУКИ?

Это – принципиальное неумение понять то подлинное соотношение, в котором находятся ЛОГИКА и ДИАЛЕКТИКА.

По вашему мнению, это – две разные науки?

По мнению Ленина, которое мы и считаем справедливым и единственно марксистским, это ОДНО И ТО ЖЕ, это – одна наука.

Валентин Лекторский

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СУДЬБЕ ФИЛОСОФИИ И ЕЕ ПРЕДМЕТЕ
(Вместо заключения)**

О контексте Тезисов

Философия всегда задавала вопросы о самой себе. В этом, в частности, ее отличие от других теоретических дисциплин. Можно, например, всю жизнь успешно заниматься физикой и не спрашивать себя, в чем предмет этой науки (иногда на этот вопрос отвечают так: «физика – это то, чем занимаются физики»). С философией такое не получается. И это потому, что в случае с философией разговор о предмете – не нечто отдельное от самого процесса философствования. Понимание того, о чем идет речь в философии, определяет и способы работы в ней, и характер обсуждаемых вопросов, и критерии оценки полученных результатов, и представление о месте философии в культуре. Разное понимание того, чем является философия, всегда приводило к принципиальным различиям в том, «чем занимаются философы».

Тезисы Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова были выражением принципиально нового по отношению к принятой в советские годы традиции понимания того, как нужно и как нельзя работать в философии. И они были подкреплены демонстрацией нового способа философской деятельности, который воплотился в только что

защищенной Эвальдом Васильевичем кандидатской диссертации о логике «Капитала» Маркса¹.

Я был членом семинара Эвальда Васильевича, посвященного изучению диалектики абстрактного и конкретного в «Капитале». Участвовал в обсуждении самих «Тезисов». Но только сейчас я смог прочесть записи Э.В. Ильенкова, посвященные предмету философии, публикуемые в данной книге как «Философская тетрадь». Текст «Тетради» – не что иное, как подготовительная работа к будущим «Тезисам».

Два обстоятельства показались мне необычными, когда я читал этот текст. Во-первых, то, что написание «Тезисов», как теперь выясняется, было предварено напряженной кропотливой работой в течение нескольких лет. То, что в «Тезисах» лаконично сформулировано, пространно и аргументированно обсуждается в «Тетради». Автор предусматривает многие возможные возражения и обстоятельно на них отвечает. Во-вторых, меня удивило то, что в годы, которые мы привычно обозначаем термином «советский тоталитаризм», который душил малейшие проявления оригинального мышления (а ведь этот текст был написан в 1953-54 гг., т.е. еще даже до XX съезда партии, как утверждает публикатор «Тетради» Е.Э. Иллеш), Э.В. Ильенков мог так свободно обсуждать сложнейшие и труднейшие проблемы².

¹ Хотя сами авторы «Тезисов» постоянно подчеркивали, что в их понимании предмета философии нет ничего нового, что они просто восстанавливают то, о чем писали В.И. Ленин и Ф. Энгельс, что их идеи лишь констатируют объективные тенденции историко-философского процесса, в действительности это было выражением принципиально нового этапа развития нашей философии, возникновением новой проблематики.

² Ссылки не только на Ленина и Энгельса, но даже на Сталина и Жданова, как ни странно, не мешают автору обсуждать свою, по тем временам совершенно еретическую концепцию.

Еще некоторые моменты в связи с «Тезисами», на которые я хочу обратить внимание.

Прежде всего это роль Теодора Ильича Ойзермана в дискуссии по «Тезисам». Теодор Ильич – знаковая фигура отечественной философии. Он был научным руководителем Эвальда Васильевича (его аспирантами были и другие наши выдающиеся философы: М.К. Мамардашвили, П.П. Гайденок и другие). Я помню, как в 1974 г. Теодор Ильич прочитал студентам революционный по тем временам спецкурс, посвященный «Критике чистого разума», в котором книга Канта разбиралась подробно, параграф за параграфом, в результате чего становилось очевидным убожество того понимания познания, которое преподносилось нам на лекциях по диалектическому материализму. Я считаю, что роль Т.И. Ойзермана в становлении нового этапа нашей философии значительна. Как видно из публикуемой «Философской тетради» Э.В. Ильенкова, Теодор Ильич с самого начала не разделял того понимания предмета философии, которое защищается в «Тетради» и которое потом было изложено в «Тезисах». Поэтому автор «Тетради» многократно полемизирует с Т.И. Ойзерманом. Но это полемика не с догматиком и идеологическим доктринером, а спор с коллегой, который придерживается иной точки зрения. Теодор Ильич рекомендовал Э.В. Ильенкову и В.И. Коровикову вынести «Тезисы» на публичное обсуждение не потому, что разделял их позицию, а потому, что считал проблему важной и заслуживающей профессиональной дискуссии, а авторов рассматривал как талантливых и творческих людей. Поэтому, когда выяснилось, что дискуссия превратилась в идеологическое побоище, он попытался делать то, что было возможно в тех условиях, чтобы смягчить будущие неприятные последствия.

Другой момент. Дискуссия по «Тезисам», действительно, была не философским диспутом, а идеологичес-

кой травлей. Это не значит, что все те, кто не соглашался с Э.В. Ильенковым и В.И. Коровиковым, действовали так либо из трусости, либо по причине недомыслия (я, например, не могу отнести Б.М. Кедрова ни к тем, ни к другим).

Основные идеи Тезисов

Теперь по существу самих Тезисов и защищаемой авторами концепции философии.

Эвальд Васильевич начинает «Тетрадь» с анализа общепринятого тогда понимания марксистской философии как «науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления» (и поначалу кажется даже, что он присоединяется к этому пониманию), а кончает тем, что не только марксистская, но и всякая настоящая философия – это не что иное, как теория познания, а точнее – теория мышления.

Вот логика этих рассуждений. Э.В. Ильенков задает вопрос: а как выделить «наиболее общие законы», как их отличить от специфических законов какой-то области действительности или же от законов общих, но не «наиболее общих»? Где искать критерии такого различения? Например, сфера действия закона сохранения и превращения энергии предельно обща, но вряд ли кто-либо отнесет его к философии. И как вообще выделять эти «наиболее общие законы»? Изучить законы, сформулированные во всех науках (ведь именно наука изучает мир), затем выделить из них более общие, а из последних самые общие? Но философия никогда не действовала таким образом, да это и практически невозможно.

Э.В. Ильенков так отвечает на этот вопрос. Предельно общие характеристики действительности (как природы, так и общества) «в чистом виде» выделяются в категориальной структуре мышления. Исследуя последнюю и свя-

занные с нею методы мышления, мы тем самым постигаем и всеобщие определения самого бытия. А это значит, что философия – это не что иное, как теория познания, точнее, теория познающего мышления.

Нужно подчеркнуть один важный момент в этих рассуждениях.

Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова обвиняли в том, что они отрывают философию от действительности, от бытия, от онтологической проблематики, в том, что их понимание философии напоминает кантианское и позитивистское. Но дело в том, что для авторов «Тезисов» теория познания (у них это то же самое, что теория мышления) как раз совпадает с философской теорией бытия (онтологией)¹. В отличие от того, как понималась теория познания кантианцами (и неокантианцами)² и позитивистами (например, Махом)³, с точки зрения Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова философское изучение мышления не противопоставляется изучению бытия, а просто невозможно вне отношения к последнему, а онтология (философское учение о бытии) предполагает ее выражение в категориальной структуре мышления, в методах познания.

В этой связи существенным является также вот какой пункт «Тезисов». Дело в том, считают авторы этого текста, что философия не просто исследует познание (мышление). Познание (в частности, мышление) изучается разными специальными науками, начиная с психологии, включая формальную логику, лингвистику (ведь

¹ В этом смысл многократно цитируемого авторами «Тезисов» положения В.И. Ленина о том, что в марксистской философии диалектика, логика и теория познания – это одно и то же.

² Для неокантианцев философия – это теория познания. Но она с их точки зрения имеет дело с конструированием бытия мышлением.

³ Мах тоже считал, что от философии остается лишь теория познания. Она, по Маху, изучает условное «построение мира» из комбинации ощущений.

лексика и грамматика каждого языка – это объективированное мышление), а в наши дни мы могли бы добавить сюда также исследования в области искусственного интеллекта и даже в сфере нейронаук – нейродинамические механизмы реализации познавательных процессов¹. Чем же отличается философское изучение познания (теория познания) от того, как познание исследуется в специальных научных дисциплинах?

Именно тем, отвечают на этот вопрос Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков, что философия выделяет в познании (мышлении) то, в чем оно совпадает с бытием². Главный вопрос теории познания – вопрос о том, что считать знанием. Последнее – продукт мышления, который соответствует тому, что имеет место на самом деле и поэтому является истинным. Если специальные науки о познании (мышлении) выходят на эту проблематику, они неизбежно упираются в философские вопросы³.

Таким образом, рассуждают Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков, настоящий предмет философии и есть теория познания, теория мышления⁴.

¹ В наше время возникло широкое междисциплинарное движение, получившее название когнитивной науки – последняя претендует на исследование познания во всех его формах и разновидностях.

² Идея тождества мышления и бытия была одной из центральных для Э.В. Ильенкова на всем протяжении его философского творчества.

³ В психологии и современных нейронауках это вопрос о содержании информации, перерабатываемой мозгом, в лингвистике проблема соотношения языковых средств и структуры реальности (в частности, знаменитая гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа), в формальной логике вопрос об онтологической обоснованности правил дедуктивных и индуктивных рассуждений, в разработках по искусственному интеллекту это построение моделей мира (т. н. «формальных онтологий») и т. д.

⁴ Авторы «Тезисов» упрекали также и в отождествлении познания и мышления. А где же чувственная ступень познания (ощу-

Философский факультет, 1948 год. Слева в верхнем ряду Валентин Коровиков (в очках)

Рядом с университетом. В самом верхнем ряду Эвальд Ильенков

Ильников и Коровиков
в свободное от поисков
предмета философии
время

**МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
СССР**

20. июля 1946.
№ ВУ-12-50
Москва.

Директору Всесоюзного Института Государственного Института Кинематографии
тов. ГОЛОВНЯ В.Н.

Отдел вузов искусств Министерства высшего образования СССР разрешает допустить т. ИЛЬНИКОВА Эволюда Вавильевича к приемным экзаменам во ВГИК на художественный факультет по представляемой им справке, выданной средней школой № 170 Свердловского района.

Справку считать действительной до 1-го января 1947 г. До этого срока т. ИЛЬНИКОВ обязан представить в институт дубликат аттестата.

[Signature]
/В. Головня/

**Начальник отдела вузов
искусств**

Попытка спастись от философии во ВГИКе

Эвальд Ильенков
(в центре) 50-е годы

Валентин Коровиков с сыном Игорем

Валентин Коровиков,
фотошарж

Эвальд Ильенков, 50-е годы

Реферат о предмете
философии,
1 курс аспирантуры,
1951 год

РЕФЕРАТ
по диалектическому материализму
аспиранта кафедры истории
зарубежной философии
Клименкова Э.Б.
г. Ленинград

Философский факультет
— МГУ —
— 1157 —

В лекции Т. Н. Визермана было такое место, с которым я с радостью согласился:

- что означает предельное философие, его специфика, это знание то же самое, что означает отожествление философии и практики мышления. Но что если бы стороны, впрочем, а что бы вообще существовало, без опыта - сомнамбулизм.

Покарь это свихнулось само, как
кресло, отшатнувшись, последовательно отклоняясь
ко всем своим точкам приложения — это еще
не знает отблеска его сущности, его
внутреннего выверенности, его казнь.

Сила явлений еще не есть сущность.
Сущность есть закон этих явлений, и выяснение
его не может быть сведено к априоризмскому
скаблыванию явлений.

Круп вопросов непереносимо увеличивается. Да.
И по вопросам выбора людей. Вопрос. Каким
образом...

Вопросы ~~философии~~ маркс. философии.
Они - философия не имеет никакого
смысла на самостоятельное существование.
Ее можно рассматривать только
вместе с конкретными условиями.

Предмет философского журнала
в общем и целом, конечно совпадает
с предметом журнала *Вопросы*.

Первая страница тетради
о предмете философии

Доклад Государственного университета имени М.В.Ломоносова

Вход	Уход	Успех
------	------	-------

1. Дмитрий Иванович Зинченко
 2. Евгений Григорий Степанович
 3. Евгений Александрович Поляков
 4. Евгений Павлович Игнатьев
 5. Давид Карлович Александрович
 6. Деметриос Иванович Александров
 7. Евгений Иванович Давыдов
 8. Леонтий Александрович Зинченко
 9. Михаил Васильевич Киселев
 10. Николай Васильевич Сергеевич
 11. Николай Тихонович Казин
 12. Павел Павлович Сергеевич
 13. Сергей Павлович Александров
 14. Трифонович Орест Александрович
 15. Ученики Зинаиды Александровны
 16. Чернышев Александрович
 17. Александр Павлович Александров
 18. Николай Витальевич Александров
- Получившие стипендию от университета

Труновъ Михаилъ Б.В./

Содержание: 1. Введение. 2. Описание системы. 3. Технические характеристики. 4. Заключение.

от 29 септ 1955 г.

Секрет философского факультета ИГУ, обсудив тезисы Т.Т. Киселева и Коровикова "О взаимоотношениях философии и наук о человеке и обществе", приняла необходимым считать следующее:

1/ Бонди: Закрытые признает, что он с большим энтузиазмом
прислушался к осуждению тезисов т.т. Корзачкова и Яковлева,
что надо возмужать, развиться анти-марксистские точки
зрения на предмет марксистской философии современности и
классов.

4/ Установили т.т. Мельников и Королевские о том, что философия марксизма является одной только филосозией, учением о развитии сознания, что ведет к отрицанию нем материального первоисточника бытия, о том, что материалистическая философия нарушает истинные общие законы развития природы, общества и мышления. Установили, что мнение членов Президиума Совета Академии наук об историческом материализме, отголоски от марксизма в сторону идеализма, являются чуждыми марксизму, что идеалистический идеализм НКК чужд марксизму, а не является только методом. Установили, что отрицание этой ошибки является отрицанием исторического материализма, как первоначальной части марксизма — материалистической, объективной и революционной принципа партийности науки. Установили, что отрицание этой ошибки является отрицанием исторического материализма, как первоначальной части марксизма — материалистической, объективной и революционной принципа партийности науки.

3/ в процессе обсуждения тезисов т.т. Коростовых и Яковлева себя в ряде случаев неосознанно, отвергая то, что они утверждали раньше, отсылал к тому, что тот или иной философский шаг на пути обращения диалектического материализма к числу материалистическо-гегельевских философий. Это материализм, который не может принять, свои основы, обоснованные в ходе обсуждения тезисов, в объективности доказан быть поставлены к тому т.т. Яковлеву и Коростовым.

Явочный лист присутствовавших
на Ученом совете 29 марта 1955
года

Решение Ученого совета

- 2 -

4/ Совет депутатов одобряет предложение, состоящее из следующих пунктов: а) в целях и целях принятия закона "О защите информации" по вопросу о признании данных некими, а в частности, раз'яснить те вопросы, связанные с этим, которые являются источниками в рамках Т.Т. Елены и в частности.

5/ Поручить комиссии принять необходимые меры быстрого массового распространения антикоррупционных листов по почте, объявляя о том же.

В/ Вручить Президиуму Совета факультета рассмотрение
жюри о диссертации т. Ильенкова, который был подвергнута
на заседании Совета критике.

7/ На основании Совета факультета постановить: Команд
назначенного кафедры литературного и исторического интерна-
ционального университета (взглянуть проф. назначенного о тех же тов.
Бюджетная и ее обслуживание на кафедру.

заседания Президиума Совета философского факультета МГУ
от 1 апреля 1955 года

Присутствовали: проф. В.С.Молодцов, проф. А.М.Леситов,
проф. Ф.И.Горгозиев, проф. Н.А.Константинов,
проф. С.Я.Беленский, проф. И.И.Щипанов,
доц. В.И.Чернышев, доц. А.А.Косичев,
ученик секретарь Ж.С.Кутайкин.

1. 0 тезисах тов. Кочеткова Ф.К.
2. 0 диссертации т. Ильиных В.В.
3. 0 реализации мероприятий по выявлению недостатков идеино-воспитательной, учебной и научной работы на факультете.
4. 0 подготовки и проведения Ленинских дней
5. об участии в конкурсе
Философский олимп на лучшую

Л. Саулявич: О тизясх тов. Кочеткова.

Создать комиссию для изучения материалов, связанных с тов. Кочеткова, докладом и обсуждением доклада тов. Кочеткова, в составе докторов философских наук А.Н.Момидиян - председатель, члены проф. А.Н.Леонтьев и проф. Г.С.Васецкий. Организационную сторону возложить на тов. Кувшинова В.О.

П.С. д у д а н и : О диссертации тов. Ильянкова П.И.

Просить ознакомиться с диссертацией тов. Ильенкова Э.В.
профессоров З.Я.Баленкова, Л.И.Георгиева, Л.И.Черкесова.

Задачи: О реализации мероприятий по ликвидации недостатков идейно-воспитательной, учебной и научной работы на факультете.

Отметить, что кафедры слишком медленно раскачиваются в выполнении принятого Президиумом решения. Указать зав. кафедрам в течение недели развернуть работу по выполнению намеченных Президиумом Совета мероприятий.

Решение Ученого совета

Протокол о диссертации
Ильенкова, апрель 1955 года

В редакции "Вопросы философии"

Уважаемые товарищи!

Ознакомившись с ранками статьи В.С. Молодцова, в которой упоминается мое имя, считаю не только правом своим, но и долгом высказаться в процесс подготовки статьи к печати.

Первое. Те взгляды, которые приписаны мне в статье — я признаю и косвенно (способом упоминания моего имени в критике взглядов Белецкого, с которым у меня гораздо меньше общего, чем у автора статьи) представляют собой прямую клевету от начала и до конца.

Вычитать из того, что я когда либо говорил и писал вместе с Коровиковым, то, что приписано мне Молодцовым, можно только с помощью приемов бериевско-абакумовских следователей. Сделать это может только человек, думающий, что в науке применимы и позволительны приемы, практиковавшиеся в бериевских застенках.

Считаю долгом своим — и как коммуниста, и как человека, объясненного Молодцовым "антимарксистом", решительно выступить против глубоко возмутительного моего факта, и проявить для членов редколлегии, введенных в заблуждение Молодцовым, истинное положение дел.

Я решительно протестую против издевательского по отношению ко мне смеивания в одну кучу моих взглядов на вещи с той антинаучной белибердой, которую в МГУ многие годы вещает с кафедр Белецкий со своими учениками.

Против взглядов Белецкого — и в первую очередь против тех именно, которые налагает в ходе их критики Молодцов — я вместе с многими товарищами — в том числе с Коровиковым — резко выступил на факультете еще в ту пору, когда Молодцов вообще не имел ничего общего ни с МГУ, ни со мной, ни с Белецким.

Я решительно требую, чтобы мое имя в мои взгляды в статье были четко отожествлены от имени и взглядов Белецкого. Это первое.

Позволю себе выразить крайнее удивление по тому поводу, что на обсуждение статьи на редколлегии не были приглашены лица, о коих идет речь в статье.

Этого, кажется, требует элементарная этика.

Теперь по поводу моих взглядов на вопросы, затронутые в статье.

Молодцов знает их исключительно по пресловутым тезисам. И тот способ, которым он обрабатывает текст тезисов прямо

показывает, что из тезисов невозможно вычитать тех идей, которые он мне приписывает.

В тезисах сказано — науки могут познать свой предмет до конца.

Примочка опираясь на это положение, Молодцов делает вывод — Ильенков говорит, что наукам вообще не нужна философия, что наука сама себе философия.

Наговорив уж о том, что вывести последнее мнение из процитированного выше положения может только человек, обладающий логикой либо сумасшедшего, либо бериевского вычужника.

Тем более, что весь текст тезисов от начала до конца пронизан мыслью о том, что без философии наука вообще не может сделать ни шагу. Вот соответствующие места:

/ цитирую /

Поскольку тезисы написаны мной вместе с Коровиковым, и Молодцов это прекрасно знает, я не могу не удивляться, что везде в статье фигурирует имя Коровикова, а мое опущено.

Я требую, чтобы Молодцов мое имя всюду поставил рядом с именем Коровикова.

Требую также, — выставляя критика моих взглядов опирается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** на "тезисы", — привести эти тезисы полностью. Требую и этого именно потому, что знаю, что в тезисах имеется действительно ряд неточных и даже ошибочных положений, и если уж критике подвергаться тезисам — то в интересах истины, а интересах выявления подлинных, а не выдуманных Молодцовым — ошибок в них — сделать это.

Ибо действительно ошибочных положений Молодцов там не увидел, не привел в статье и не раскрыл.

А раскрытые им по методу бериевских следователей положения верны.

Пусть Молодцов скажет обратное — что наука — химия, физика, политэкономика **НЕ СПОСОБНА** познать свой предмет до конца, что за реальностью, раскрываемой ими в конкретных понятиях лежит еще какая то принципиально непознаваемая на пути конкретного познания "сущность". Пусть он это заявит прежде, чем выводить из высказанного мной положения обимание меня в том, что я заявляю, что "наука сама себе философия".

Прочту редколлегиям взвинченным меня за резкость тона. Но

сами поймите — может ли говорить спокойно о методах следствия, о методах выведения обвинений, практикованный у Берии, человек, потерявший из за них десяток лет жизни.

А Молодцов делает, пытается сделать именно это. Поэтому проку если не визнавать, то просто понять резкость моих выражений.

Все обвинения меня и Коровикова в статье выведены по тому же самому способу, что и проанализированное выше.

В тезисах действительно есть ошибки. Их надо критиковать. Но проку огорождать меня от такой критики, какой я подвергся со стороны Молодцова.

Три четверти обвинений по адресу Белецкого в статье справедливы. Я это доказывал на семь лет раньше, чем Молодцов наконец раскачался в критике Белецкого.

И тем возмутительнее поступок Молодцова.

Я считаю, что напечатание статьи в том виде, в каком я ее читал в галках, будет действием позорным страниц журнала, — тем более, что Молодцов укрылся за стеной редколлегии и не осмелился поставить свое подписи.

Эти статья в неадекватном виде попавшая, то я в силу этого обстоятельства буду вынужден подать в суд за оскорбление **НА РЕДАКЦИЮ** — что мне весьма неприятно, ибо уважение мое к членам редколлегии журнала (за исключением, разумеется, Молодцова) ни на минуту не колебалось и останется прежним.

Думаю, что страницы журнала не украсят, кроме того, собственные потуги Молодцова осветить вопрос о предмете философии.

Где и когда **ИШЛИНКИ** было **СВЕРХОЙ БИТИЯ** ?

Согласно какой такой логике положение о том, что философия исследует **ТОЛЬКО** **ВСЕОБЩИЕ** **ЗАКОНЫ** в предмете философия попадает закон соответствия производительных сил и производственных отношений ?

Разве из заявления Молодцова о том, что философия имеет своим предметом только законы, "общие для всех **трух** сфер бытия" — нельзя — согласно настоящей, а не бериевской логике — вывести, что по Молодцову все законы исторического материализма **НЕ ВХОДЯТ** в предмет философии ?

На каком же основании Молодцов обвиняет Коровикова в мнении, что "истмат не философия"? Почему он забыл себя со своим вышеприведенным заявлением, из которого это действительно вытекает ?

Письмо Ильенкова в редакцию «Вопросов философии»

После Тезисов

Обсуждение «Тезисов» относится к началу философского пути Эвальда Васильевича. Философская деятельность В.И. Коровикова, его соавтора по «Тезисам», практически прекратилась после событий, описанных в данной книге. А вот Э.В. Ильенков продолжал активно работать в философии еще примерно 20 лет и за это время сделал много: опубликовал ряд книг, множество статей, а главное – выдвинул и обосновал немало оригинальных и перспективных идей. Я не знаю ни одной его публикации или выступления, в которых он бы дезавуировал свое понимание философии, высказанное в 1954-1955 гг. Но вместе с тем, как мне представляется на основании его более поздних публикаций, можно сделать вывод о том, что Эвальд Васильевич фактически существенно расширил свое раннее понимание философии.

Я имею в виду следующее.

В ряде статей об «Идеальном», ставших событием в отечественной философии в 70-е гг. прошлого столетия (и обсуждаемых до сих пор), в поле философского анализа Э.В. Ильенкова попадает не только научное мышление,

щение, восприятию), восклицали противники Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова? Действительно, отнести ощущение к мышлению невозможно. А между тем, В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» много писал об ощущениях, о том, что они являются исходным пунктом познания, о том, что философия марксизма – сенсуализм и т. д. Ответить на подобные обвинения авторам «Тезисов» в самом деле было невозможно. Другое дело – восприятие. Оно тоже относится к т. н. «чувственной ступени», но, как это ныне становится ясным, с полным основанием может рассматриваться в качестве выражения мышления. Ведь восприятие предполагает категориальный синтез – использование, в частности, таких категорий, как предмет, свойство, отношение, событие, пространство, время, часть, целое, причинность и др. Что же касается ощущений, то сегодня большинство специалистов по изучению когнитивных процессов считает, что их в самостоятельном виде просто не существует.

но и вся сфера идеального, включающая как научное, так и донаучное мышление, выраженное и не выраженное в языке, не только методы и нормы мышления, но и нормы нравственных действий, основания эстетических суждений, разнообразные произведения культуры. А главное – идеальное было понято Эвальдом Васильевичем как существующее в деятельности, как опредмечивание и распредмечивание человеческой коллективной деятельности. Последняя, таким образом, становится важнейшим объектом философской рефлексии. А ведь мышление – только момент деятельности. Последняя существует объективно, хотя это объективность особого рода, отличная от объективности природных процессов. Значит, философ может и должен изучать деятельность. Но опять-таки философский подход в этом случае будет отличен от того, который используется в специальных дисциплинах, имеющих дело с анализом деятельности – например, в психологии, эргономике, теории организационно-деятельностных игр и т. д. Ибо философа интересует не технология деятельности и действий (операций), а всеобщие нормы и основания деятельности и их место в структуре бытия. Если ранее Эвальд Васильевич подчеркивал совпадение категориальных структур мышления с всеобщими определениями бытия, то теперь он пишет о том, что объективная реальность осваивается в формах человеческой деятельности, т.е. в той мере, в какой формы деятельности совпадают с формами бытия.

С этим связан интерес Э.В. Ильенкова к философии нравственного поступка, к проблеме личности – не как к психологическому феномену, а как к воплощению всеобщих нравственных смыслов, к проблеме свободы воли – ее нельзя найти в мире природы, она коренится именно в культуре, осмысленной как коллективная деятельность. В этом же контексте могут быть поняты работы Эвальда

Васильевича о природе творческой фантазии в искусстве. Отечественные психологи, исходящие из культурно-исторической теории психического развития Л.С. Выготского и из психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева (сам А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов и другие), охотно принимают развитую Э.В. Ильенковым теорию идеального и начинают сотрудничать с ним в осмыслении философских оснований психологии.

Большое место в поздних работах Э.В. Ильенкова занимает философское осмысление экспериментальных работ отечественных психологов (И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова) по воспитанию полноценных личностей из детей, лишенных с ранних лет зрения и слуха. В этих работах Эвальд Васильевич видел своеобразное «экспериментальное подтверждение» своих философских идей. Взаимодействие предметной деятельности и межчеловеческих взаимоотношений стало в последние годы предметом его философских размышлений.

Попробую подвести некоторый итог сказанному.

В процессе своего философского развития Эвальд Васильевич, как мне представляется, фактически пришел к пониманию философии как теории предельных оснований разных типов отношения человека к миру. Это и познавательное отношение, о котором шла речь в «Тезисах». Это также отношения нравственные и эстетические. Не только проблема истины и категориальные структуры и методы мышления, но и вопросы о добре и зле, прекрасном и безобразном. Можно даже сказать, что с точки зрения такого понимания философия пытается выявить всеобщие определения человека (что есть личность, как возможна свобода воли, что есть творческая фантазия, какова природа идеального и сознания и др.). Но поскольку человек может быть понят только в его отношении к миру, к бытию, философия не может не исследовать и все-

общие определения самого бытия постольку, поскольку они выявляются деятельностью. Опять-таки философия познания и сознания предполагают онтологию, а последняя понимается как соотнесенная с человеком в его всеобщих познавательных и нормативных характеристиках, в его деятельном отношении к миру.

Остается ли предмет философии одним и тем же?

В «Тезисах» Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова, а также в «Философской тетради» Э.В. Ильенкова обсуждается проблема изменения предмета философии. Это изменение авторы видят прежде всего в том, что от философии исторически отпочковывались все новые науки о природе и обществе, в результате чего за ней осталась только одна сфера: познание, мышление. На этом пути, как подчеркивали Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков, философия теряет былой статус «науки наук» и превращается в конкретную науку – в теорию познания. Вместе с тем этот процесс сужения сферы философского исследования был с точки зрения авторов «Тезисов» благотворным для философии, так как помог ей осознать собственную сущность: ведь подлинно философским в философии было то, что относится к изучению познания, мышления. В этом смысле предмет философии был всегда одним и тем же, но философия в течение долгого времени не могла осознать, каков он, и поэтому занималась несвойственным ей делом.

Действительно, процесс исторического развития философии можно представить как отпочкование от нее специальных наук о природе и обществе. Только то, что было осознано как подлинный предмет философии в итоге этого отпочкования, это не просто теория познания (теория мышления), а в соответствии с дальнейшим разви-

тием представлений Эвальда Васильевича о философии (о чем я писал выше) – это всеобщие отношения человека с миром – не только познавательные, но и нравственные, эстетические, практические. Философия, таким образом, это специфическая теория, имеющая мировоззренческий статус. Авторы «Тезисов» обвиняли в том, что они отрицают мировоззренческую роль философии. В действительности это не так. Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков лишь справедливо обращали внимание на то, что философия не может быть понята как «наука о мире в целом», как просто совпадающая с мировоззрением, ибо мировоззренческую функцию имеют также многие специальные науки о природе и обществе. Философия, подчеркивали авторы «Тезисов», это специфическая форма мировоззрения, можно сказать, его ядро¹.

Далее следуют мои собственные размышления о судьбе философии и ее предмета. Я был и остаюсь в важнейшем смысле учеником Эвальда Васильевича, но за излагаемые ниже мысли, не он, а я несу ответственность.

Сегодня я хотел бы обратить внимание вот на какую особенность исторических изменений предмета философии. Помимо отпочкования от философии конкретных наук, процесс исторических перемен в предмете философских размышлений характеризуется, с одной стороны, постоянством основной проблематики, а с другой стороны, тем, что она приобретает новый вид в разных культурно-исторических ситуациях, в связи с чем возникают новые философские вопросы, которые ранее не возникали.

Дело в том, что понимание человека в его отношении к миру останется проблемой до тех пор, пока человек су-

¹ Да и как могли авторы «Тезисов» отрицать мировоззренческую роль философии, если последняя с их точки зрения не просто изучает познание в его специфичности, а лишь то в нем, что выражает отношение к миру, бытию?

ществует. Эта проблема постоянно возобновляется, так как меняется тот мир, в котором человек живет (точнее, «миры», которые меняются, в том числе под влиянием развития науки и техники, и отношения между которыми становятся все более сложными). Меняется сам человек и его само-понимание. Верно, что основные философские проблемы – природа реальности, сознания, истины, разума, нравственных норм и т. д. – остаются постоянными, выглядят в некотором смысле вечными и обсуждаются в течение двух тысячелетий, не приводя к всеобщему согласию относительно их решения. Однако важно иметь в виду, что вечные философские проблемы – это в действительности лишь некоторые концептуальные рамки, которые вечны постольку, поскольку существует человек, задумывающийся о себе. Эти общие философские проблемы наполняются содержанием в конкретной культурной и исторической ситуации, в определенном контексте, и именно в этой конкретной спецификации и обсуждаются.

Так, например, проблема души у Аристотеля, проблема «Я» как центра сознания у Декарта и проблема личности и сознания в рамках культурно-исторического и деятельностного понимания человека и его мира, которого придерживался Э.В. Ильенков, принадлежат к одной и той же концептуальной рамке, но по-разному формулируются, по-разному понимаются и по-разному обсуждаются.

Если, например, придерживаться декартовского понимания «Я» и сознания, то возникает целый ряд проблем, которые до этого не ставились (и не существуют при других философских подходах). Как возможно непосредственное знание «Я» о самом себе? Как можно доказать существование внешнего мира? (Кант считал саму формулировку последней проблемы скандалом в философии). Как связаны сознание и мозг и связаны ли они вообще? Есть философские направления, где эти проблемы уси-

ленно обсуждаются до сих пор (например, т. н. «Mind-Body Problem» в современной аналитической философии). Если же придерживаться культурно-исторического и деятельностного понимания человека, то многих декартовских проблем не существует. Зато появляются другие: взаимоотношение предметной деятельности и межчеловеческих коммуникаций, деятельности и объективного мира «самого по себе», «Я» как чего-то уникального, с одной стороны, и мира идеального – как коллективного и бессубъектного, с другой, и так далее.

В свое время была популярна (особенно у логических позитивистов и других представителей аналитической философии) идея о том, что философия имеет дело с псевдопроблемами, от которых настоящий исследователь должен избавиться. Сегодня иногда высказывается точка зрения, согласно которой философские проблемы важны, но неразрешимы, и поэтому их обсуждение ни к чему не приводит. Мне приходилось слышать мнение одного естествоиспытателя о том, что философия слишком несерьезна для того, чтобы заниматься ею в рабочее время, и слишком трудна, чтобы посвящать ей часы досуга.

Верно, что философия не может предложить таких интерпретаций, которые потом не были бы интерпретированы по-новому. Но можно ли считать это «несерьезностью»? Дело в том, что решения в науке (которые в этом рассуждении принимаются за эталон серьезности) возможны постольку, поскольку исходят из принимаемой парадигмы, картины мира и ряда других допущений, которые всеми исследователями, работающими в рамках данной парадигмы, считаются непререкаемыми и не обсуждаются. Философия обсуждает обоснованность самих оснований наших рассуждений и показывает возможность их иного понимания, а в ряде случаев изменения. Иными словами, то, что преподносится как «несерьез-

ность» философии, в действительности выражает динамизм и проективно-конструктивный характер человека и культуры. Именно в рамках этого динамизма и трансформации может быть понято то, что преподносится как эталон «серьезного исследования».

Философия сегодня

Философия всегда относилась к высокой культуре. Она интересовала профессионалов как предмет и метод исследований, а также небольшую группу хорошо образованных людей как способ самовоспитания, как стимул для размышлений о человеке и мире. В Средние века она стала использоваться при рациональной формулировке и разъяснении теологических утверждений, а после XVII столетия для критического осмысления оснований естественных и дедуктивных наук. В любом случае философия как выражение мышления на высочайшем уровне абстракции была весьма далека от интересов огромного большинства людей, чья картина мира и самих себя вырабатывалась на основе здравого смысла, а также тех способов понимания, которые задаются той или иной культурой.

Можно полагать, что сегодня эта ситуация меняется, так как, согласно мнению многих специалистов, современная цивилизация вступает в стадию «общества знания», в котором наука начинает играть новую роль. Она создает такого рода технологию (прежде всего информационную), которая влияет на экономику (появляется т. н. «экономика знания») и вместе с тем трансформирует обычный «жизненный мир». Но если философия тесно связана с наукой, как это было, по крайней мере в течение последних трехсот лет, и если сегодня наука вместе с технологией (новый комплекс, называемый «технонаукой»)

трансформирует сам «жизненный мир», то можно думать, что философия должна становиться все более интересной для обычного человека, а не только для небольшой группы «высоколобых».

Однако в действительности ситуация не столь проста. Когда говорят об «обществе знания», в виду имеется прежде всего так называемое «полезное знание», то есть знание, которое может быть технологически использовано. Конечно, фундаментальная наука не исчезает и исчезнуть не может. Но в целом общество становится все более прагматически ориентированным. Интерес к культуре в ее высших проявлениях, включающих не только философию, но также фундаментальную науку, высокую музыку, искусство, литературу, падает. Естественно полагать, что в подобной ситуации философия как специфический тип абстрактного мышления не может играть важной культурной роли. Многие философы реагируют на эту ситуацию, выдвигая идеи о «конце философии», о ее растворении в других областях культурной и общественной жизни: фундаментальных науках, истории идей, литературной критике, политике и др. В действительности эта роль не только не исчезает, но в некотором смысле возрастает, философия в ряде отношений становится более «практичной» и интересной для большего числа людей, чем это было в прошлом.

Сегодня, когда техно-наука вторгается в «жизненный мир» человека и преобразует его и самого человека, когда привычные способы понимания мира в ряде случаев перестают работать, возникает ситуация дезориентации. Построение мостов между «жизненным миром», образом себя и миром, создаваемым современной наукой и технологией, становится практически значимым.

Многие специалисты не без основания считают, что развитие новых информационных технологий (теле-

видение, компьютер, Интернет и др.) и становление так называемого «электронного общества» делают человека менее свободным, создают новые возможности для манипулирования людьми и ограничивают человеческую автономию. Возникает феномен «виртуального Я», и некоторые люди начинают предпочитать обычной жизни жизнь в «киберпространстве». Границы между обычной реальностью и реальностью виртуальной в ряде случаев размываются. Сложность интеграции разных потоков информации в рамках единого сознания делает возможным феномен «размытой идентичности» или «полиидентичности». В этой связи диахроническое и синхроническое единство сознания оказывается под угрозой.

Сегодня появилась и стала весьма популярной новая биотехнологическая утопия. Ряд ученых и философов разрабатывают проект трансформации человеческой телесности с помощью генетической инженерии и нанотехнологий и конструирования новых физических и психических характеристик человека. Некоторые из них даже думают о том, что можно серьезно удлинить продолжительность человеческой жизни, а в перспективе сделать человека бессмертным. При этом признается, что в случае реализации этого проекта человек в привычном смысле слова исчезнет, а его место займет некое суперчеловеческое или постчеловеческое существо. Возникло движение трансгуманистов, утверждающих, что смысл существования человечества состоит в создании условий для появления постлюдей.

Какова может быть роль философии в этой ситуации? Существует мнение о том, что сегодня философия должна превратиться в своеобразную «экспериментальную метафизику», которая разрабатывает концептуальные основания для искусственного конструирования новых «жизненных миров» и новых человеческих существ, в

том числе и тех, кого называют постлюдьми, и которые не обязательно будут похожи на людей, существовавших до сих пор. В соответствии с этими взглядами главная функция философии и культуры в целом – это творчество как самоцель безотносительно к существующим моральным и другим ценностям и способам само-понимания.

Эта точка зрения на современную философию подчеркивает ее роль в трансформации человека и культуры. Но с этой позицией нельзя согласиться. Дело в том, что проективная и конструктивная роль философии имеет смысл постольку, поскольку речь идет об изменениях в пределах именно человека, то есть о таких, которые исходят из ценности человеческой индивидуальности, из идеи совершенствования человека, а не превращения его в постсущество, то есть, по сути дела, в нелюдь. В частности, реализация идеи человеческого бессмертия, которой вдохновляются трансгуманисты, привела бы к тому, что все основные культурные ценности, предполагающие любовь, мужество, заботу (о детях, стариках, ближних), готовность к самопожертвованию стали бы ненужными. Исчезновение смысла смерти привело бы к исчезновению смысла жизни. То, что выглядит как реализация вековой мечты – обретение бессмертия – привело бы по сути дела к самоубийству человечества. Постчеловек и стал бы таким убийцей. Роль философии в связи с обсуждаемыми проектами состоит в том, чтобы критически оценить приобретения и потери в случае их реализации (даже частичной) в том, чтобы выявить возможные угрозы для существования человека и его культуры в случае бездумного и ничем не ограниченного экспериментирования с человеческим телом и мозгом. Философия может играть практическую роль в критической рефлексии над данной ситуацией и в оценке возможных путей трансформации человека.

Рефлексия всегда была отличительной особенностью философии. Ею пользовались ученые в тех случаях, когда они анализировали основания той или иной научной теории. Сегодня саморефлексия во все большей степени становится потребностью обычного человека. Ибо человек, живущий в современном обществе, все чаще сталкивается с необычными ситуациями, когда привычные способы мышления и действия перестают срабатывать и когда приходится принимать нестандартные решения, предполагающие способность к критическому, творческому и рефлексивному мышлению. Ряд специалистов в области теории и практики образования пришли к мнению о том, что лучший способ воспитания критической и творческой личности – это введение в практику обучения чего-то вроде философской дискуссии.

Так философия и философский способ мышления участвуют в формировании творческих личностей, которые в свою очередь влияют на изменение и развитие культуры.

Философия будет продолжать участвовать в понимании и трансформировании человека и его мира, ибо это неотъемлемо от ее природы. А человек всегда будет нуждаться в философии как способе самопознания и само-преобразования.

* * *

Тезисы Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова означали обретение нашей философией самой себя, создание нового интеллектуального пространства, новой проблематики. Это была революция в отечественной философской мысли.

Приложения

Приложение 1. НАГРАДНОЙ ЛИСТ

ПРИКАЗ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

№25/н от 21.05.1945

Издан: 3 акт/

Архив: ЦАМО

Фонд: 33

Опись: 686196

Ед. хранения: 2384

№ записи: 24540638

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество	<i>Ильенков Эвальд Васильевич</i>
2. Звание	<i>гвардии младший лейтенант</i>
3. Должность, часть	<i>командир взвода Управления
Краснознаменной бригады
Большой Мощности</i>

Представляется к Ордену «Отечественной войны II степени»

4. Год рождения	<i>1924</i>
5. Национальность	<i>русский</i>
6. Партийность	<i>Кандидат в члены ВКП (б)
с 2.1945 г., п/б № 2479362</i>
7. Участие в Гражданской войне и последующих боевых действиях по защите СССР, где, когда	<i>В Гражданской войне не участвовал. Участник Отечественной войны: Западный фронт с 1.2.1943 – 20.03.44. 1й Белорусский фронт с 25.03.44.</i>
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне	<i>Ранений и контузий не имеет</i>
9. С какого времени в Красной Армии	<i>С 1942 г.</i>

10. Каким РВК призван

*Сталинским РВК
гор. Свердловска*

11. Чем ранее награжден /за какие отличия/

12. Постоянный домашний адрес

/представляемого к награждению или его семьи/

13. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Гвардии младший лейтенант Ильенков за время прорыва обороны на Одерском плацдарме смело и четко вел разведку, организовал бесперебойную связь.

16.4.45 находясь в боевых порядках пехоты, открывал огонь по огневым точкам, мешающим продвижению нашей пехоты вперед.

17.4.45 сам лично обнаружил два пулеметных ДЗОТ, быстро вызвал огонь батареи и уничтожил их.

23.4.45 при форсировании реки Шпреи гвардии младший лейтенант, находясь в боевых порядках пехоты, под пулеметным огнем форсировал ее, умело руководил для обеспечения непрерывной связи, своевременно докладывал обстановку, чем способствовал общему успеху наших войск.

В трудных условиях уличных боев при уничтожении гарнизона города Берлина гвардии младший лейтенант Ильенков смело и правильно руководил взводом и личным примером воодушевлял своих подчиненных на подвиги. Отлично и своевременно выполнял боевые задачи при огневом сопровождении нашей пехоты.

Гвардии младший лейтенант Ильенков достоин правительственной награды орденом «Отечественной войны II степени»

Командир 4 дивизиона 120 гаубичной Артиллерийской Краснознаменной бригады Большой мощности

*Капитан Коровка
20 апреля 1945 г.*

Командир 120 гаубичной Артиллерийской Краснознаменной бригады Большой мощности

*Полковник Туроверов
1 мая 1945 г.¹*

¹ Опубликован на сайте: podvignaroda.mil.ru

Приложение 2. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1950–1951 гг.	Обсуждение 1-го макета «Истории философии» (Коровиков был аспирантом первого года)
1951 г.	Реферат Ильенкова «К вопросу о предмете философии» (первый год аспирантуры)
1952–1953 гг.	Критика макета «Истории философии»
1954 г. (?)	Тетрадь Ильенкова «К вопросу о предмете философии»
апрель 1954 г.	Написание тезисов
май 1954 г.	Обсуждение тезисов (200 чел.) на кафедре истории зарубежной философии
16 октября 1954 г.	Партсобрание философского факультета, «мягкая» критика тезисов, Ойзерман предлагает Коровикову написать статью
24 февраля 1955 г.	Партсобрание философского факультета; Георгиев: «ревизия марксизма»
25 февраля 1955 г.	Заседание Президиума Ученого совета, принятие решения по тезисам
15 марта 1955 г.	Партсобрание, посвященное итогам январского Пленума ЦК КПСС, антипартийные выступления
22 марта 1955 г.	Заявление Ильенкова в комиссию ЦК
25 марта 1955 г.	Постановление Ленинского бюро райкома по философскому факультету
25 и 29 марта 1955 г.	Заседание Ученого совета философского факультета; обсуждение решения Президиума Ученого совета по вопросу о тезисах Ильенкова – Коровикова
1 апреля 1955 г.	Обсуждение диссертации Ильенкова на Президиуме Ученого совета
апрель 1955 г.	Статья Тольятти в «Вопросах философии» о предмете философии

- 11-14 апреля 1955 г. Закрытое партсобрание философского факультета «О постановлении Ленинского райкома КПСС»; Ойзерман: «рецидив меньшевистствующего идеализма», валит вину с кафедры на партбюро
- 15 апреля 1955 г. Собрание партактива МГУ в связи с политически вредными выступлениями на партсобрании философского факультета при обсуждении итогов январского Пленума ЦК КПСС
- апрель 1955 г. Партбюро выносит строгий выговор с предупреждением Коровикову
- апрель 1955 г. Ильенков и Коровиков отстранены от преподавания
- 29 апреля 1955 г. Итоговая записка зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцева по результатам работы комиссий на философском факультете
- 5 мая 1955 г. Партбюро философского факультета: «идеологические извращения»
- 23 июня 1955 г. Партбюро: утверждение справки по персональному делу Коровикова
- 7 июля 1955 г. Партбюро: признать положительным значение итогов дискуссии о предмете философии
- 28 июля 1955 г. Коровиков уволен из МГУ
- август-сентябрь (?) 1955 г. Ильенков и Коровиков пишут письмо Хрущеву
- 15 сентября 1955 г. Партбюро утверждает характеристику Коровикова
- 16 сентября 1955 г. Доклад Суслова на общеуниверситетском партсобрании
- 20 сентября 1955 г. Доклад Кедрова «Предмет философии и ее взаимоотношение с конкретными науками» на кафедре диамата и истмата в АОН при ЦК КПСС

- 21 сентября 1955 г. Письмо Ильенкова и Коровикова Пальмиро Тольятти
- 13 октября 1955 г. Решение партсобрания, пункт 3: «Покончить с путаницей по ряду коренных вопросов... по вопросу о предмете философии»
- 2 ноября 1955 г. Заседание партбюро Института философии, обвинение Ильенкова в «политическом преступлении»
- 16 ноября 1955 г. Партсобрание Института философии, резолюция об «извращениях» в толковании предмета философии
- 29 ноября 1955 г. Записка в ЦК нового секретаря партбюро философского факультета МГУ Калтахчяна
- 3 декабря 1955 г. Заключительное заседание научной конференции о предмете философии секторов диамата и истмата Института философии
- 28 декабря 1955 г. Закрытое партсобрание Института философии по итогам районной партконференции, резолюция об «отрицании марксистской философии» в статье и выступлениях Э.В. Ильенкова

Приложение 3. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Не все из участников описанных выше событий оставили в истории отечественной философии заметные следы. В справочной литературе и в интернете удалось обнаружить биографические сведения только о самых заметных персонажах. Возможно, со временем мы сможем восполнить пробелы в нашем указателе.

АЛЕКСАНДРОВ Георгий Федорович (1908–1961)

Партийный и государственный деятель, философ, академик АН СССР, доктор философских наук, профессор. Член ВКП(б) с 1928 года, лауреат двух Сталинских премий (1943, 1946).

В 1932 году окончил МИФЛИ, а затем аспирантуру этого института, в 1935 году стал кандидатом философских наук и доцентом. С 1935 года работал там научным сотрудником, заведующим сектором, помощником директора по научно-исследовательской работе, в.р.и.о. декана философского факультета и ученого секретаря института. В 1938–1939 гг. заведовал редакционно-издательским отделом Исполкома Коминтерна. В 1939 году защитил докторскую диссертацию об Аристотеле, в том же году стал профессором.

С 1939 до 1940 годы работал заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно с 1939 по 1946 годы – директором ВПШ при ЦК. В 1940–1947 годах начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1947 году был назначен на должность директора Института философии, в которой проработал до 1954 года. С марта 1954 года работал министром культуры СССР. В 1955 году, наряду с несколькими партийными идеологами, стал фигурантом сексуального скандала, вследствие чего лишился должности и был отправлен в Минск. С 1955 до 1961 года работал заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН БССР.

АНДРЕЕНКО (?)

АРСЕНЬЕВ Анатолий Сергеевич (1923–2013)

Известный российский философ, доктор психологических наук, кандидат философских наук.

Арсеньев А.С. – коренной москвич. В 1941 году окончил среднюю школу № 635, получив аттестат зрелости с отличием. 12 августа 1941 года был призван в действующую армию. Участник Великой Отечественной войны, в 1942 году был тяжело ранен. Был награжден Орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией».

Закончил Плехановский институт и аспирантуру по кафедре философии Московского государственного экономического института, в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию. В последующие годы А.С. Арсеньев преподавал в вузах, в 50-е годы работал в Институте философии АН СССР.

АФАНАСЕНКО (?)

БАСКАКОВ Василий Георгиевич (1914–?)

Доктор философских наук, профессор. Окончил Пединститут им. К. Либкнехта (1939) и аспирантуру Института философии АН СССР. Старший научный сотрудник Института философии АН СССР с 1952 года.

БАСОВА Елена Ивановна (1904–?)

С 1949 года работала в Институте философии в секторе диалектического материализма.

БЕЛЕЦКИЙ Зиновий Яковлевич (1901–1969)

Профессор, основатель «белецкианской» школы по социальной философии.

В 1944 году инициировал снятие Сталинской премии с третьего тома «Истории философии» (посвященный, в основном, немецкой классической философии, редакторы: Г.Ф. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин). Являлся инициатором организованной в 1947 году философской дискуссии по книге академика Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В 1947–48 годах активно участвовал в травле биологов-генетиков («борьба с морганистами») на биологическом факультете МГУ, поддерживая И.И. Презента и Т.Д. Лысенко, в частности редактировал доклад последнего на сессии ВАСХНИЛ 1948 года. С 1953 года возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, был освобожден от заведования ею с формулировкой «за отрыв философии от политики». Покинул МГУ, и с 1955 года работал профессором в МИЭИ.

БЕЛОВ Павел Тихонович (1910–1977)

Историк русской философии, доктор философских наук, профессор. В 1933 году окончил рабфак и поступил в МИФЛИ. В 1939–1941 годы работал в ВПШ. Во время Великой Отечественной войны находился на политической работе в армии. В 1947 году защитил кандидатскую диссертацию, посвященную мировоззрению Д.И. Писарева. Преподавал в АОН при ЦК КПСС и в МГУ. В 1952–1955 годы занимал должность заведующего сектором диалектического материализма Института философии АН СССР, затем преподавал в ряде учебных заведений.

БОРЗЕНКО (?)**БУТЕНКО Анатолий Павлович (1925–2005)**

Философ, политолог, автор большого количества работ по проблемам развитого социализма и переходного периода. Доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки России. Неоднократно обвинялся в ревизионизме. Окончил философский факультет МГУ (1952), учился там в аспирантуре. Преподавал на философском факультете МГУ, с 1959 по 1964 год совмещал журналистскую и преподавательскую работу. Работал в журнале «Коммунист» ЦК КПСС. В 1964–1988 годах – заведующий отделом общих проблем социализма в Институте стран социализма АН СССР.

ВАСЕЦКИЙ Григорий Степанович (1904–1983)

Профессор с 1927 вел преподавательскую работу. Был директором (1946–1947) Института философии АН СССР. С 1949 года профессор МГУ. Был главным редактором Госполитиздата. В 1946 году по рекомендации М.Б. Митина был выдвинут кандидатом в члены АН СССР, однако на тайном голосовании против него проголосовали все участники, включая и М.Б. Митина.

ВАСИЛЬЕВ Н.П. (?)**ГАГАРИН Алексей Петрович (1895–1960)**

Декан философского факультета МГУ (1949–1952). В 1909 году окончил земскую школу и поступил в Вяземское духовное училище. С марта 1917 года заведовал Хватов-заводским волостным отделом народного образования в Юхновском уезде Смоленской губернии. В октябре 1918 года вступил в ВКП(б). В 1920 году был делегатом II Всероссийского съезда ответственных организаторов деревни, где слушал выступление В.И. Ленина. В январе 1920 года переехал в Рославль, где заведовал культурным

отделом железнодорожных мастерских, где был избран членом учпрофсожа и секретарем фракции РКП(б). В 1929 году был обвинен в том, что он якобы сын князя Гагарина из Сызранского уезда. За это был исключен из партии, но вскоре восстановлен. В августе 1930 года зачислен в Институт красной профессуры.

ГЕОРГИЕВ Филипп Игнатьевич (1904–1974)

Специалист в области теории познания и диалектики; доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор. В 1936–1944 гг. научный сотрудник Московского института психологии, работал в Китае. С 1952 года и до конца жизни преподавал на кафедре диалектического материализма философского факультета МГУ.

ГЕРАСИМОВ Иван Гаврилович (?)

ДОБРОХВАЛОВ В.П. (?)

В.П. Доброхвалов упоминается в книге А. Зиновьева «Исповедь отщепенца» как человек, неформально возглавлявший антисталинскую группу в Институте философии. По образованию В. Доброхвалов был биологом, кандидатскую диссертацию защитил еще до войны, в 1954 году вышла его книга о Мичурине. По словам А. Зиновьева, «Доброхвалова в конце концов выжили из института, испортив всякого рода клеветническими измышлениями всю его последующую жизнь».

КАЛТАХЧЯН Сурен Тигранович (1918–1992)

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор философских наук, профессор. Учился на философском факультете МИФЛИ. В 1942 с 4-го курса ушел на фронт. В 1945 лектор Рижского ГК КП(б) Латвии. В 1948 окончил ВПШ и философский факультет МГУ. В 1951 аспирант философского факультета МГУ. В течение 12 лет работал в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР: начальник отдела философии, заместитель начальника Управления преподавания общественных наук. С 1950 преподавал в МГУ.

КАММАРИ Михаил Давидович (1898–1965)

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, член партии с 1919 года. Преподавал философию в вузах с 1929 года.

С 1945 старший научный сотрудник Института философии АН СССР. В 1954–1959 гг. главный редактор журнала «Вопросы философии».

КАРИМОВ (?)**КЕДРОВ Бонифатий Михайлович (1903–1985)**

Доктор философских наук, профессор, специалист в области материалистической диалектики и философских вопросов естествознания. Действительный член АН СССР. Автор более тысячи научных публикаций. Член партии большевиков с 1918 года.

Окончил химический факультет МГУ (1930), специализировался по химической термодинамике и органической химии. В 1930–1932 учился в Институте красной профессуры, специализировался по философии. Кандидат химических наук. В 1939–1941, 1945–1949, 1958–1962 г.г. работал в Институте философии АН СССР, в 1973–1974 был его директором.

Профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, один из инициаторов создания, первый главный редактор (1947–1949) журнала «Вопросы философии». С 1958 г. работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР, в 1962–1974 его директор, с 1974 и до конца жизни заведовал там сектором истории науки и логики. Был активным участником издания пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970), членом редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Наука и жизнь» (1947–1985).

КОВАЛЕВ Александр Митрофанович (1923–2010)

В 1940 г. был принят без экзаменов на 1 курс философского факультета МИФЛИ. Участник Отечественной войны с августа 1942 по май 1945 г. В 1949 г. окончил философский факультет МГУ, в 1952 г. аспирантуру. Начал преподавать с 1952 г.; в 1963 г. защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора.

Студентом пятого курса в 1948 г. Ковалев был избран секретарем партбюро факультета, в 1950 г. стал освобожденным заместителем секретаря парткома МГУ по идеологической работе, где работал до 1954 г. В последующие годы неоднократно избирался членом партийного комитета МГУ, членом Ученого совета МГУ, много лет являлся председателем Ученого совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, а также ответственным редактором «Вестника МГУ», серия «Научный коммунизм» и затем «Социально-политические исследования».

КОРЕШКОВ (?), секретарь парторганизации 4 курса.**КОРНИЕНКО (?)**, секретарь партбюро кафедры истории зарубежной философии.

КОРОВИКОВ Валентин Иванович (1924–2010)

Родился в Москве, в 17 лет ушел добровольцем в московское ополчение. Из всего его арбатского класса войну пережили только трое. В ополчении он прослужил два месяца, потом был тяжело контужен, вывезен в тыл, по выздоровлении получил инвалидность и был отправлен на Камчатку в геодезическую часть. Позже работал помощником капитана на сейнере, электриком на шахте. Вернулся с Дальнего Востока в Москву, квартира его была занята.

В 1945 году поступил на философский факультет МГУ. В 1953 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Критика теоретических основ и социологических теорий современной буржуазной географии». Географию он любил и изучал с ранней юности, обладал исключительной памятью на географические сведения, помнил названия и описания многих тысяч населённых пунктов и все маршруты, по которым он путешествовал.

В 1964 году началась его журналистская деятельность, он стал известным журналистом-международником, в качестве корреспондента «Правды» работал в Африке, в Индии, посетил больше сотни разных стран, был знаком со многими первыми лицами этих государств. Американцы и англичане считали его генералом от разведки, хотя на самом деле он всегда был только журналистом и путешественником.

Автор многих статей и книг, в том числе «Оазис в океане. Путешествие по Сейшельским островам» (1983 г.), «Гамбия» (1971 г.), «Эфиопия – годы революции» (1979 г.).

КОСИЧЕВ Анатолий Данилович (1914–2014)

Доктор философских наук, профессор, в 1949 г. закончил аспирантуру философского факультета МГУ по кафедре истории русской философии. С 1949 работал на философском факультете, в 1978–1987 – декан факультета.

КУЗНЕЦОВА (?), зам. зав. отдела науки ЦК КПСС.**ЛИХОШЕРСТНЫХ Гавриил Ульянович (1925–2006)**

Инженер и философ, участник войны. Закончил философский факультет МГУ в 1955 г. Работал в технологическом институте. В 80-е годы был председателем Секции космического естествознания при АН СССР, членом научного совета Общественного института энергетической инверсии, организатором и председателем Совета лаборатории «Инверсор».

ЛУТЧИКОВ (?)

МАЛЬЦЕВ Василий Иванович (1906–1955)

Доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ. Окончил Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской и аспирантуру философского факультета МИФЛИ. С 1935 преподавал диалектический материализм, с 1940 – в МГУ, секретарь партбюро кафедры диамата и истмата.

МАСЛИН Александр Никифорович (1906–1970)

Профессор, доктор философских наук. Окончил Казанский пединститут, аспирантуру МИФЛИ. Более 10 лет находился на партийной работе, являлся зам. председателя Совнаркома Башкирии, был ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС. Возглавлял журналы «Партийная жизнь» и «Пропагандист», работал зам. главного редактора журнала «Вопросы философии». С 1951 – в ИФ АН СССР, с 1960 – зам. директора, с 1961 – зав. сектором проблем социалистической культуры.

МАТИЦЫН (?)**МОГИЛЕВ Андрей Иванович (?)**

Участник Великой Отечественной войны. Учился на философском факультете МГУ с 1950 по 1955 г. Парторг курса, сталинский стипендиат. В 1955 г. исключен из партии, затем восстановлен со строгим партийным выговором. Строил московский кинотеатр «Стрела», затем был его директором. Работал в Министерстве высшего образования СССР. Защитил диссертацию на степень кандидата философских наук. Заведовал философской редакцией Политиздата. В последние годы жизни был заведующим философской редакции издательства АН СССР «Наука».

МОДРЖИНСКАЯ Елена Дмитриевна (1910–1982)

Майор ГБ, в декабре 1940 – июне 1941 резидент в Варшаве – «Марья», начальник аналитического подразделения 3-го отдела Управления политической разведки НКВД.

После войны стала философом, заведовала сектором критики антикоммунизма Института философии АН СССР, доктор философских наук, профессор, эксперт ВАК.

МОЛОДЦОВ Василий Сергеевич (1899–1985)

Декан философского факультета МГУ (1952–1968).

Родился в семье железнодорожного слесаря, участвовал в Гражданской войне. С января 1919 г. – красноармеец-библиотекарь 6 Ковровского полка железнодорожной обороны Москвы.

Окончил трехклассную сельскую школу. С января по ноябрь 1918 года учился на общеобразовательных курсах в Москве. В декабре 1920 г. поступил слушателем на Артиллерийское отделение Военного факультета Туркестанского университета. В 1922–1924 гг. учился на физико-математическом факультете Московского университета. Принимал участие в борьбе с антисоветски настроенной профессурой. После 1924 г. продолжил обучение заочно. В 1930–1933 годах обучался на курсах общественных наук. С 1931 г. преподавал марксистско-ленинскую философию. В 1934–1935 гг. – аспирант МИФЛИ. Одновременно с учебой вел педагогическую работу в качестве преподавателя философии в МГУ и других высших учебных заведениях Москвы. С 1949 г. – кандидат философских наук, с 1954 г. – профессор, доктор философских наук. В ноябре 1952 г. по решению ЦК КПСС Молодцов был назначен деканом философского факультета МГУ. Эту должность он занимал до 1968 г.

МОМДЖЯН Хачик Нишанович (1909–1996)

Специалист по истории философии и социальной философии; доктор философских наук, профессор. Окончил философский факультет (1934) и аспирантуру МИФЛИ (1937). Преподавал на философском факультете МГУ (с 1954). Профессор, заведующий кафедрой философии Академии общественных наук до 1990. Являлся членом редакционной коллегии и редактором философского отдела журнала «Коммунист» (1958–1962), членом редакционной коллегии «Философской Энциклопедии» (Т. 1–5. 1960–1970).

НИКИТИН Петр Иванович (?)

Кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры логики философского факультета МГУ в 60-е – 70-е гг.

НОСКОВ (?)

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич (1914)

Историк философии, доктор философских наук, профессор, академик АН СССР, лауреат Государственной премии СССР (1983). Переехав с Украины в Москву, поступил монтером на строительный комбинат и параллельно с работой учился на вечернем рабфаке, после окончания которого поступил на философский факультет МИФЛИ, где учился у В.Ф. Асмуса. В 1937 году, будучи студентом последнего курса, был направлен преподавателем в Саратовский университет.

В 1938 г. окончил МИФЛИ, затем аспирантуру при нем по кафедре истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель Г.Ф. Александров). Преподавал в МГУ с 1940 года.

С 1949 года исполнял обязанности заведующего кафедрой истории зарубежной философии МГУ. В октябре 1951 г. защитил докторскую диссертацию, в 1954–1968 гг. заведующий кафедрой истории зарубежной философии МГУ. Одновременно в 1962–1966 гг. – профессор Высшей партийной школы при ЦК КПСС. С 1968 г. – профессор и старший научный сотрудник Института философии АН СССР, в 1971–1987 гг. – заведующий сектором истории философии стран Западной Европы и Америки, с 1980 г. – отделом истории философии, в 1971–1987 гг. – профессор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ.

Награжден орденами «Знак Почёта» (1961), Трудового Красного Знамени (1974) и Октябрьской Революции (1984). Член редакционных коллегий журналов «Вопросы философии», «Философские науки» (до 1958 г.), «Вестник Московского государственного университета» (до 1965 г.), один из ведущих авторов и член редколлегии многотомной «Истории философии» (1957–1965) и «Краткого очерка истории философии». Был членом редакционной коллегии серий «Памятники философской мысли» и «Философское наследие» (издательства «Наука» и «Мысль»). В 1950–1953 гг. был научным руководителем кандидатской диссертации Эвальда Васильевича Ильенкова «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе Маркса “К критике политической экономии”», повлиявшей на выделение диалектической логики как направления марксистско-ленинской философии. Также среди аспирантов Т.И. Ойзермана: П.П. Гайденоко, Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапин, М.К. Мамардашвили и другие известные ученые. К столетнему юбилею философа в 2014 году в издательстве «Наука» вышло собрание сочинений Т.И. Ойзермана в пяти томах.

ОКУЛОВ Александр Федорович (1908–1993)

Доктор наук, профессор, зам. директора ИФ АН СССР (1951–1964). В 1961–1962 гг. главный редактор журнала «Вопросы философии». С 1964 по 1979 г. – директор Института научного атеизма.

ПАНЮШЕВ (?)

ПОПОВ Сергей Иванович (1923–2001)

Специалист по истории философии, логике, аксиологии; доктор философских наук, профессор. Окончил философский факультет (1952) и аспирантуру МГУ (1955). Работал на кафедре логики и кафедре истории марксистской философии философского факультета (1955–1964).

РУМЯНЦЕВ Алексей Матвеевич (1905–1993)

Экономист и партийный деятель. Доктор экономических наук, профессор, академик. Окончил Харьковский институт народного хозяйства. В 20-е годы работал в Народном комиссариате земледелия Украинской ССР. В 1933 году закончил аспирантуру в НИИ экономики и организации промышленности. С 1943 года на партийной работе на Украине, с 1952 года в Москве, в аппарате ЦК КПСС. В 1953–1955 гг. заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС, с 1955 по 1958 – главный редактор журнала «Коммунист», с 1958 по 1964 – шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма», 1964–1965 главный редактор «Правды». С этой должности был снят Брежневым и в дальнейшем занимался научной работой.

СМИРНОВА Зинаида Васильевна (1913–2001)

Доктор философских наук, закончила философский факультет МИФЛИ (1938), аспирантуру МГУ (1941). С 1944 – старший научный сотрудник ИФ АН СССР

СУВОРОВ Лев Николаевич (1926–1983)

Доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Института философии АН СССР. Окончил философский факультет МГУ (в 1950) и аспирантуру там же (в 1953). Преподавал в МГУ им. М.В. Ломоносова, Академии строительства и архитектуры СССР, работал в Институте философии АН СССР, ВПШ при ЦК КПСС, Академии народного хозяйства при Совете министров СССР.

СУХАРЕВ В. (?)**ТАВАНЕЦ Петр Васильевич (1911–1991)**

Доктор философских наук (с 1956), профессор (с 1962). Член КПСС с 1945. Зав. сектором логики (с 1961) Института философии АН СССР. Его работы посвящены главным образом философским вопросам формальной логики и проблемам логики научного познания.

ТРАХТЕНБЕРГ Орест Владимирович (1889–1959)

Окончил гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета по профилю «Философия права». Преподавательскую деятельность начал в вузах Москвы в 1921 г. Многие годы был профессором Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. С 1943 г. – профессор кафедры истории зарубежной философии в МГУ. С 1947 г. действительный член (один из основателей) Академии педагогических наук. В 1943 г. – лауреат Сталинской премии за участие в написании 3-х томной «Истории философии». На философском факультете МГУ читал курсы истории новой (домарксистской) философии.

ФЕДОСЕЕВ Петр Николаевич (1908–1990)

Академик (с 1960), член Президиума АН СССР, в 1962–1967 и в 1971–1988 гг. – вице-президент АН СССР, член ЦК КПСС в 1961–1990 гг. Окончил Горьковский педагогический институт. В 1936–41 – научный сотрудник Института философии АН СССР. В 1941–1955 работал в аппарате ЦК КПСС, а также главным редактором журналов «Большевик», «Партийная жизнь», заведовал кафедрой диалектического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1946 – член-корр. АН СССР. В 1955–62 – директор Института философии АН СССР.

ФРОЛОВ В. (?)**ЧЕРКЕСОВ Виталий Иванович (1906)**

Доктор философских наук, профессор, в 50-е гг. был заведующим кафедрой логики философского факультета МГУ, считал себя специалистом по диалектической логике.

ЧЕРТКОВ Виктор Петрович (1910–1976)

Доктор философских наук, профессор. Окончил философский факультет и аспирантуру в МИФЛИ. С 1954 года работал в ИФ АН СССР, одно время заведовал сектором диамата.

ЩИПАНОВ Иван Яковлевич (1904–1983)

Специалист по истории русской философии; доктор философских наук, профессор. В 1938 окончил философский факультет МИФЛИ, в 1941 – аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Диалектика Белинского». В МГУ с 1943 года на кафедре истории русской философии, с 1947 на протяжении 36 лет был ее руководителем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акчури**н И.А. - 159
Александров Г.Ф. - 7, 18, 56, 66, 69, 72, 98, 119, 131, 149, 258, 259, 265
Алешковский Юз - 155
Ананьева М.И. - 182, 183
Андреенко - 71, 258
Андриевская В.А. - 161
Апресян - 19, 21, 22
Арефьева Г.С. - 79, 89, 90
Аристотель - 45, 144, 166, 246, 258
Арсеньев А.С. - 10, 119, 138, 258, 259
Асмус В.Ф. - 265
Афанасенко - 74, 259
Афанасов Д.М. - 129
- Багри**цкие - 17
Барнер - 76, 77
Баскаков В.Г. - 114, 259
Басова Е.И. - 67, 124, 130, 137, 259
Батищев Г.С. - 6, 7, 8
Батищев С.П. - 7, 8
Белецкий З.Я. - 29, 49, 50, 52, 53, 55, 59, 60, 63, 79, 86, 88, 99, 157, 167, 259
Белинский В.Г. - 87
Белкина Г.Л. - 15
Белов П.Т. - 68, 260
Берия Л.П. - 52
Блюм А.Л. - 193
Богданов А.А. - 211, 218
Борзенко А. - 25, 260
Бурлак Л.В. (?) - 89
Бутенко А.П. - 91, 260
Быховский Б.Э. - 259
- Васец**кий Г.С. - 48, 60, 61, 71, 82, 83, 155, 260
Васильев Н.П. - 112, 113, 121, 122, 260
Васкин - 73
Вахтомин Н.К. - 124, 127
Витали - 132
Витгенштейн Л. - 132
Выготский Л.С. - 8, 243
Гагарин А.П. - 47, 48, 60, 155, 260
Гайденко П.П. - 237, 266
- Гальпе**рин П.Я. - 8, 243
Гвишиани Д.М. - 266
Гегель Г.-В.-Ф. - 6, 10, 27, 28, 30, 32, 54, 76, 77, 89, 102, 156, 161, 162, 183, 190, 199, 209-211, 213, 215, 226, 234
Георгиев Ф.И. - 27, 40, 45, 59, 63, 74, 105, 111, 153-155, 255, 261
Герасимов Т. - 132, 133, 136, 137, 261
Герман - 83, 90
Гейтлер М.Я. - 155
Головня В. - 17
Горский Д.П. - 100, 114
Гропп - 76
Грушин Б.А. - 78
Гувер - 75, 131, 153
Гущин Д.А. - 86
- Давы**дов В.В. - 44, 78, 243
Давыдова Г.А. - 58, 88
Даль В.И. - 60
Декарт Р. - 161, 172, 246
Державин Г.М. - 157
Добролюбов Н.А. - 87
Доброхвалов В.П. - 67, 115, 117, 120, 129, 137
Добродомов - 79
Дынник М.А. - 70, 183
Дюринг Е. - 164
- Елю**тин В.П. - 90
Енчмен Э.С. - 218
- Жда**нов А.А. - 60, 81, 98, 178, 179, 185, 195, 202, 203, 208, 236
- Зайде**ль - 77
Зенон - 101
Зеньковский В.В. - 87
Зиновьев А.А. - 9, 68, 70, 157
- Иллеш** Е.Э. - 236
Ильенков Э.В. - 5, 6, 8, 9, 11-29, 31, 37, 39-67, 69-72, 75-80, 82-84, 86-90, 92, 94, 96-100, 103-143, 148, 150-163, 168, 169, 228, 235-246, 252, 253-257

Ильф И. - 18

Калтахчян С. - 93, 257

Кальсин - 127

Каммари М.Д. - 101, 107, 108, 111,
112, 114, 121, 130, 131, 261

Кант И. - 69, 73, 162, 164, 165, 190,
246

Каримов - 84

Каутский К. - 176

Кедров Б.М. - 98, 99, 100, 102, 110,
111, 114, 124, 137, 139, 149, 150,
163, 238, 256, 262

Киров С.М. - 60

Ковалев А.М. - 57, 262

Копнин П.В. - 10

Корешков - 71, 84

Корниенко В.С. - 24, 81

Коровиков В.И. - 5, 9, 11, 12, 14-16,
18, 19, 22-29, 31, 37-42, 44, 45,
48, 49-53, 55-59, 61, 62, 64, 65,
69-100, 103, 105-107, 111, 112,
116-120, 122, 125, 132, 136, 141,
150-159, 162, 163, 228, 235, 237-
241, 244, 245, 252, 255-257

Коровиков И.В. - 141

Корсаков С.Н. - 17, 142

Косичев А.Д. - 26, 40, 41, 57, 58, 160,
263

Кочетков В.П. - 83, 88, 90

Кочубеева - 128

Краснопевцев Л.Н. - 23

Кузнецова - 67

Куликов - 78

Кузьмин - 82

Кун Т.С. - 151

Куражковская Е.А. - 90

Лапин Н.И. - 266

Ласк Э. - 193

Лекторский В.А. - 78, 235

Ленин В.И. - 6, 10, 35, 41, 60, 85, 101,
117, 154, 164, 178, 186, 192, 201-
203, 205, 208, 209, 231, 232, 234,
236, 239, 241, 261

Леонов М.А. - 57, 184

Леонтьев А.Н. - 243

Лессинг Г.-Э. - 73

Лихошерстных Г.У. - 27, 263

Лобачевский Н.И. - 163

Логинов В.Т. - 142

Локк Д. - 179

Ломоносов М.В. - 87

Лосский Н.О. - 87

Лукач Д. - 102, 114

Лутчиков - 73

Лысенко Т.Д. - 8, 12, 59, 259

Лютер М. - 150, 228

Мамардашвили М.К. - 237, 266

Мальцев В.И. - 23, 263

Мао Цзэдун - 162

Маркс К. - 18, 36, 41, 46, 77, 78, 84,
85, 145, 154, 162, 163, 165, 169,
175, 185, 186, 192, 193, 201, 209,
218, 236

Марр Н.Я. - 195, 219, 220

Маслин А.Н. - 116, 118-120, 139, 263

Матицын - 66

Махтумкули - 182, 183

Межуев В.М. - 84

Мещерская - 64

Мещеряков А.И. - 243

Митин М.Б. - 48, 259, 260

Михайловский Н.К. - 160

Могилов А.И. - 12, 19, 21, 22, 80, 264

Модржинская Е.Д. - 68, 103, 114,
129, 264

Мокроусов - 78

Молодцов В.С. - 16, 28-32, 36, 41,
49-53, 55, 58, 60, 61, 93, 96, 102,
105, 111, 154, 156, 158, 160, 264

Момджян Х.Н. - 47, 70, 155, 265

Мотрошилова Н.В. - 15, 84

Науменко Л.К. - 15, 16, 21

Никитин П.И. - 81

Носков - 84

Ньютон И. - 163

Овсянников М.Ф. - 5, 6

Огарев Н.П. - 87

Огурцов А.П. - 85

Ойзерман Т.И. - 9, 14, 15, 22, 26, 29,
36, 39, 55, 56, 63, 69-71, 73, 75, 79,
82, 83, 91-93, 105, 111, 141, 156,
169, 182, 184, 185, 187, 191, 193,
211, 237, 255, 256, 265, 266

Окулов А.Ф. - 103, 105, 109, 120, 121, 136, 266

Павлов И.П. - 12

Павлов Т. - 57, 74, 97, 99-101, 103-105, 107, 109-113, 115-117, 119-122, 131, 135, 136, 140, 207, 208

Панюшев - 79, 82, 83, 89, 92

Парменид - 161

Петров Е. - 18

Писарев Д.И. - 260

Плеханов Г.В. - 6, 7, 178

Попов С.И. - 59, 70, 157, 266

Поспелов П.Н. - 111

Презент И.И. - 259

Примаков Е.М. - 142

Пушкин А.С. - 157, 183

Радек К.Б. - 47, 155

Радищев А.Н. - 87

Реннер К. - 176, 193

Розенталь М.М. - 63, 112

Румянцев А.М. - 21, 22, 90, 256, 266

Рышков - 78

Светлов М.А. (поэт) - 17

Светлов - 182, 187

Сепира-Уорфа (гипотеза) - 240

Сеченов И.М. - 87

Силаева - 105, 117

Сковорода Г.С. - 151

Смирнов - 19, 21, 22

Смирнова З.В. - 106, 109, 119, 267

Соколов В.В. - 157

Соколянский И.А. - 243

Сократ - 151

Соловьев В.С. - 151

Спиноза Б. - 166

Сохин - 22

Сталин И.В. - 6, 7, 8, 41, 60, 80, 86, 154, 155, 162, 179, 195, 201, 207, 220, 236

Струмилин С.Г. - 57

Стэн Я.Э. - 48, 155

Суворов Л.Н. - 25

Сукачев В.Н. - 59

Суслов М.А. - 83, 93, 256

Сухарев В. - 70

Таванец П.В. - 139

Тито И.Б. - 193

Тихоненко - 148, 149

Тольятти П. - 94, 95, 97, 100, 107-110, 112, 115, 117, 120, 131, 140, 255, 257

Трахтенберг О.В. - 70, 156, 267

Тюрго А.-Р.-Ж. - 172

Ушаков Д.Н. - 60

Федосеев П.Н. - 134, 138, 268

Фейербах Л. - 33, 150

Флоренский П.А. - 151, 160

Фролов В. - 83, 84, 90

Фролов И.Т. - 15

Фурцева Е.А. - 12

Холопов - 181

Хрущев Н.С. - 94, 102, 111

Челпанов Г.И. - 232

Черкесов В.И. - 49, 63, 79, 91, 92, 268

Чертков В.П. - 68, 102, 105-107, 109, 114, 116, 117-122, 124-129, 133-137, 268

Шатуновский И.М. - 142

Шафф А. - 101

Шевченко Т.Г. - 69, 183

Шпет Г.Г. - 151

Щедровицкий Г.П. - 10

Щипанов И.Я. - 19, 20, 21, 22, 25, 56, 80, 82, 157, 160, 268

Эвклид - 163

Эйнштейн А. - 163

Энгельс Ф. - 18, 35, 41, 46, 62, 85, 86, 95, 101, 107, 145, 154, 164, 178, 185-188, 192, 193, 201-206, 208, 209, 215, 229, 231, 232, 236

Юдин П.Ф. - 259

Юм Д. - 179

Ясперс К. - 132

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти
на сайте <http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку
по электронному адресу: kanonplus@mail.ru

*В оформлении использован портрет молодого Э. Ильенкова
неизвестного художника*

Научное издание

Эвальд Ильенков • Валентин Коровиков

СТРАСТИ ПО ТЕЗИСАМ

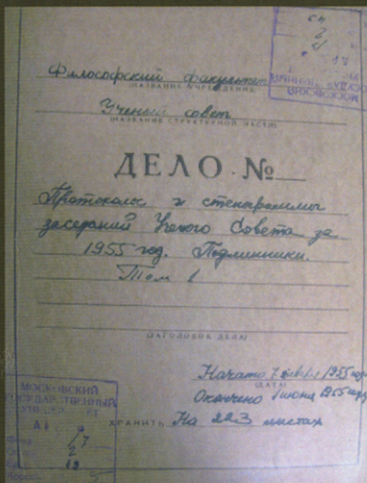
о предмете философии
1954–1955

Директор издательства — Ю. Божко
Ответственная за выпуск — Н. Мышковская
Редактор — А. Поляков
Художники — Я. Смирнов, Б. Ключко
Корректор — Е. Игошина
Верстка — Е. Воронова

Подписано в печать 24.11.2015.
Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7246.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(499)270-73-59

В послевоенной советской философии 50–60-х гг. Э.В.Ильенков — самое крупное и, пожалуй, наиболее популярное имя. На большинство из нас, учившихся в те годы на философском факультете МГУ, он оказал решающее влияние. Сейчас трудно объяснить тот ошеломляющий эффект, которым сопровождались уже первые выступления Ильенкова в печати и на публичных лекциях. Он сразу же стал общепризнанным лидером философской «оттепели». Именно ему мое поколение обязано осознанным разрывом с догматикой и схоластикой официальной философии, процветавшей в образовании и пропаганде и сложившейся еще в годы сталинизма. Помимо новизны своего подхода к пониманию предмета и задач философии Эвальд Васильевич увлекал молодежь способностью мыслить независимо и интеллектуально насыщено, логически доказательно и эстетически выразительно, оставаясь при этом в традиции марксистской философии.

Вадим МЕЖУЕВ

ISBN 978-5-88373-500-3

9 785883 735003

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС